

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
им. К. ДИКАМБАЕВА**

**КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Б.Н. ЕЛЬЦИНА**

Диссертационный совет Д 07.22.659

На правах рукописи
УДК:327(575.2)(043.3)

Джоробекова Айнур Эшимбековна

**ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОПРЯЖЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ
И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального
и регионального развития

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:

доктор политических наук, профессор

Кангельдиев Азамат Нурказыевич

БИШКЕК-2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	13
1.1. Степень изученности проблемы.....	13
1.2. Объект и предмет исследования.....	24
1.3. Методология, методы и концепция исследования.....	30
ГЛАВА 2. ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ.....	41
2.1. Международная регионализация Центральной Азии.....	41
2.2. Геополитические векторы интеграционных процессов в Центральной Азии.....	63
2.3. Основные направления национальных стратегий государств Центральной Азии и формат Консультативных встреч.....	90
ГЛАВА 3. ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ФОРМАТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	101
3.1. Развитие евразийской экономической интеграции.....	101
3.2. Этапы развития системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ.....	112
3.3. Основные направления оптимизации деятельности ОДКБ как системы коллективной безопасности.....	153
ГЛАВА 4. МЕСТО И РОЛЬ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	170
4.1. Генезис и историческая миссия ШОС как инструмента стабильности и развития в Евразии.....	171
4.2. Геополитическое и геоэкономическое расширение и диверсификация деятельности ШОС.....	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	227
ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.....	233
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	235

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

АТЦ СНГ – Антитеррористический центр государств–участников Содружества Независимых Государств

ЕАЭС – Евразийский экономический союз

ЕврАзЭС – Евразийское экономическое сообщество

ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности

ОПОП – «Один пояс – один путь»

ОЭС – Организация экономического сотрудничества

РАТС ШОС – Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества

СНГ – Содружество Независимых Государств

ССТГ – Совет сотрудничества тюркоязычных государств

ЦАС – Центрально-азиатское сообщество

ЦАЭС – Центральноазиатское экономическое сообщество

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Развитие региональных интеграционных процессов является одной из отличительных черт современности. Региональная интеграция является одновременно следствием глобализации и ответом на ее вызовы. В условиях кардинальных метаморфоз сложившегося после окончания «холодной войны» мирового порядка, ускорившихся в начале 2020-х гг., региональным интеграционным процессам стали в особенности присущи разнонаправленность, взаимопереплетение, мозаичность, несовпадение контуров военно-политической и экономической интеграции. Эти характеристики отчетливо проявляются на евразийском пространстве, где сформировалась высокая концентрация интеграционных, прото-интеграционных и квазиинтеграционных форматов. Центральноазиатский регион, с одной стороны, находится на стыке интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе, Организации Договора о коллективной безопасности, Содружестве Независимых Государств, Организации экономического сотрудничества, Организации тюркских государств, многостороннего сотрудничества в формате Шанхайской организации сотрудничества; с другой стороны – формирует собственные прото-интеграционные структуры в рамках механизма Консультативных встреч глав государств региона. Одновременно Центральная Азия является одним из основных регионов реализации китайской Инициативы «Один пояс – один путь».

Соответственно, для разработки и реализации внешней и внешнеэкономической политики стран Центральной Азии, прогнозирования основных направлений их экономического и социального развития высокую актуальность приобретает изучение предпосылок, процессов и перспектив сопряжения евразийской и центральноазиатской интеграции. Эта проблематика особенно актуальна для Кыргызстана, активно участвующего во всех форматах интеграции и многостороннего сотрудничества, развивающихся в Евразии и в

Центральноазиатском регионе. Национальная стратегия развития Кыргызстана на 2018-2040 гг. исходит из предпосылок углубления интеграции в рамках Евразийского экономического союза и «сопряжения проектов ЕАЭС и «Один пояс – Один путь» (ОПОП) [1]. В программе председательства Кыргызстана в ЕАЭС в 2022 г. ставились задачи не только сопряжения ЕАЭС и ОПОП, но и «сопряжения правовой базы СНГ и права ЕАЭС» [2].

Связь темы диссертации с приоритетными научными направлениями, крупными научными программами (проектами), основными научно-исследовательскими работами, проводимыми образовательными и научными учреждениями. Тема диссертационного исследования является инициативной. Положения, выводы и практические рекомендации, сформулированные в работе, могут быть использованы в научно-исследовательской и экспертно-аналитической работе, направленной на повышение эффективности реализации внешней политики Кыргызстана, стратегии и тактики действий кыргызской дипломатии в региональных интеграционных организациях и в многосторонних форматах сотрудничества.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить основные сферы, проблемы и перспективы сопряжения евразийских и центральноазиатских интеграционных процессов. Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1. Раскрыть теоретико-методологические основы данного исследования;
2. Определить основные параметры международной регионализации Центральной Азии;
3. Выявить характер и степень влияния политики США, КНР, Европейского Союза, Турции, Ирана на интеграционные процессы в Центральной Азии;
4. Проанализировать подходы центральноазиатских государств к проблематике евразийской и центральноазиатской интеграции;

5. Раскрыть роль формата Консультативных встреч глав государств Центральной Азии как прото-интеграционного механизма и его потенциал как инструмента сопряжения центральноазиатской и евразийской интеграции;

6. Проанализировать основные факторы, этапы, проблемы и перспективы развития евразийской экономической интеграции в форматах СНГ, Евразийского экономического сообщества и ЕАЭС;

7. Выделить основные этапы развития системы коллективной безопасности в рамках Договора о коллективной безопасности и Организации Договора о коллективной безопасности;

8. Раскрыть основные направления оптимизации деятельности ОДКБ;

9. Проанализировать роль Шанхайской организации сотрудничества в системе взаимодействий между региональными подсистемами международных отношений Большой Евразии и ее потенциал как инструменты сопряжения между центральноазиатской, евразийской и восточноазиатской интеграцией.

Научная новизна полученных результатов. Научная новизна диссертации определяется, прежде всего, ее теоретико-методологической основой, синтезирующей теорию региональных комплексов безопасности, теории региональной интеграции и теорию международных режимов. Индикаторами научной новизны исследования являются:

- Выявлена недостаточность теоретико-методологической разработанности термина «сопряжение интеграционных процессов»;

- Впервые раскрыт теоретический разрыв между концептуальными подходами к анализу региональных интеграционных процессов и к анализу региональных подсистем как составных частей глобальной системы международных отношений;

- Выявлена неадекватность классических теорий региональной интеграции задачам объяснения феноменов сопряжения автономно развивающихся интеграционных процессов;

- Проблематика взаимодействия, взаимовлияния и взаимообусловленности географически и функционально

взаимопересекающихся интеграционных процессами и форматах многостороннего сотрудничества определена как проблематика «сопряжения» интеграционных процессов;

- Впервые предложено понимание сопряжения как проявления комплексной взаимозависимости региональных подсистем, создающей основу для формирования межрегиональных сверхкомплексов (надсистем);

- В соответствии с теорией региональных комплексов безопасности впервые предложено разграничение военного, политического, экономического, социетального и экологического аспектов сопряжения;

- Обосновано, что экономические, социетальные и экологические аспекты решений, принимаемых в рамках Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, и выдвигаемых на этих встречах инициатив свидетельствуют о формировании на основе Консультативных встреч прото-интеграционной повестки дня и соответствующих институтов;

- Впервые раскрыт потенциал формат Консультативных встреч глав государств Центральной Азии и формирующейся система институтов как механизма сопряжения центральноазиатской и евразийской интеграции;

- Обосновано, что Шанхайская организация сотрудничества имеет значительные шансы становления в качестве институциональной надстройки межрегионального сверхкомплекса (надсистемы), связующего центральноазиатскую, евразийскую (постсоветскую), восточноазиатскую и, возможно, южноазиатскую подсистемы международных отношений.

Практическая значимость полученных результатов диссертационного исследования определяется возможностью использования его результатов в прогнозировании развития интеграционных процессов в центральноазиатской и евразийской подсистемах международных отношений, при оценке перспектив сопряжения разнонаправленных интеграционных процессов и проектов сотрудничества в многосторонних форматах, планировании политики Кыргызстана в отношении интеграционных процессов и действий кыргызской дипломатии на основных интеграционных площадках. Материалы диссертации

могут быть применены при подготовке учебно-методической литературы для студентов, обучающихся по направлениям «Политология», «Международные отношения», «Всеобщая история», при разработке специальных учебных курсов по международным отношениям в Центральной Азии, евразийской экономической и военно-политической интеграции.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Проблематика сопряжения интеграционных процессов отличается слабой теоретико-методологической и концептуальной разработанностью в научной литературе и экспертно-аналитических работах. Между теоретическими подходами к анализу региональных интеграционных процессов и к анализу региональных подсистем как составных частей глобальной системы международных отношений сформировался онтологический и методологический разрыв. Классические теории региональной интеграции не решают задачу объяснения феноменов сопряжения автономно развивающихся интеграционных процессов, допуская лишь втягивание новых единиц в уже существующие интеграционные объединения.

2. Сопряжение региональных интеграционных процессов является формированием качественно нового состояния – комплексной взаимозависимости между региональными подсистемами международных отношений, проявляющейся в становлении межрегиональных надсистем (сверхкомплексов) международных отношений. Предпосылки сопряжения состоят во взаимообусловленности, взаимовлиянии и взаимодействии географически и функционально взаимопересекающихся интеграционных процессов и форматов многостороннего сотрудничества. Процессы сопряжения могут реализовываться в форме точек, сфер и пространств сопряжения. Выделяются военный, политический, экономический, социетальный и экологический аспекты сопряжения.

3. Источниками процессов сопряжения могут выступать формирование международных режимов; функциональный и географический перелив; межправительственные переговоры, формирующие общее целеполагание,

институционально-правовые рамки, временные горизонты; действия государств – «связующих элементов», находящихся на стыке региональных подсистем и объединяющих товарные, информационные, людские потоки, генерируемые разными подсистемами; действия государств – полюсов региональных подсистем, демонстрирующих политическую волю к формированию новых структур международного сотрудничества; действия институтов региональной интеграции.

4. Экономические, социетальные и экологические аспекты решений, принимаемых в рамках Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, выдвигаемые на этих встречах инициативы свидетельствуют о формировании на основе Консультативных встреч прото-интеграционной повестки дня и соответствующих институтов. Консультативные встречи глав государств Центральной Азии и формирующаяся система институтов имеют потенциал стать одним из механизмов сопряжения центральноазиатской и евразийской интеграции.

5. Среди всех внешних акторов США проводят политику, в наибольшей степени направленную на обособление интеграционных процессов в Центральной Азии от евразийских интеграционных процессов. К такой же позиции приближается и первоначально более нюансированная политика ЕС.

6. Одним из ключевых для перспектив сопряжения интеграционных процессов в Большой Евразии факторов является эволюция политики Китая, который, реализуя Инициативу «Один пояс – один путь» преимущественно как совокупность проектов, осуществляемых на основе двусторонних соглашений, демонстрирует и осторожную готовность к учету в своей региональной политике факторов ЕАЭС и ОДКБ.

7. ЕАЭС, несмотря на значительные трудности в его функционировании, стал основным и наиболее эффективным форматом экономической интеграции на постсоветском пространстве. В его рамках Казахстан и Кыргызстан экономически интегрируются с Россией значительно теснее, чем Узбекистан и

Таджикистан, что создает экономическую линию размежевания в центральноазиатской подсистеме международных отношений.

8. Частичные механизмы сопряжения между центральноазиатской интеграцией и интеграцией в рамках ЕАЭС формируются через зону свободной торговли СНГ, включающую Узбекистан и Таджикистан, и соглашение о свободной торговле услугами в рамках СНГ, включающее как страны ЕАЭС, так и Узбекистан и Таджикистан. Сопряжение между ЕАЭС и Инициативой «Один пояс – один путь» пока не перешло в практическую плоскость.

9. В рамках ОДКБ в целом сложилась система коллективной безопасности, однако ее эффективность недостаточна для решения задачи создания военно-политических условий, обеспечивающих благоприятную среду для развития экономической и социетальной интеграции в рамках евразийской подсистемы международных отношений. Необходимо создать действенный механизм координации внешней политики стран-участниц ОДКБ и разработать механизм координации деятельности ОДКБ и ЕАЭС, приступив к устранению сложившегося разрыва между военно-политической и экономической интеграцией.

10. ШОС обладает значительным потенциалом сопряжения интеграционных процессов в Центральной Азии и в Евразии через действующий в рамках Организации механизм согласования интересов России, КНР и Индии в регионе. Именно ШОС является зонтичной структурой, обладающей потенциалом обеспечения взаимодействия ЕАЭС, ОПОП, Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, Организации экономического сотрудничества. ШОС имеет шансы становления в качестве институциональной надстройки межрегионального сверхкомплекса (надсистемы), связующего центральноазиатскую, евразийскую, восточноазиатскую и, возможно, южноазиатскую подсистемы международных отношений.

Личный вклад соискателя. Все положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, получены соискателем самостоятельно.

Апробации результатов диссертации. Выполнению данного научного исследования посвящено более 25 лет. Исследования проводились в рамках реализации следующих государственных проектов по заказу Министерства иностранных дел Кыргызской Республики:

- «Актуальные вопросы взаимодействия Кыргызской Республики с сопредельными странами» (2021 г.);

- «Угрозы национальной безопасности Кыргызской Республики с учётом ситуации в Афганистане и в контексте взаимоотношений Кыргызской Республики с мировыми державами» (2022 г.).

Отдельные результаты исследования были апробированы в ходе более 40 международных конференций и экспертных площадок.

Результаты легли в основу представленной докторской диссертации и отражены в монографии, учебнике, учебно-методических пособиях и более 50 научных статьях.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Были опубликованы 2 статьи в журналах, индексируемых *Web of Science*, 1 статья в *Scopus*, 11 статей в *РИНЦ*, а также более 40 научных статей в иных изданиях. Результаты диссертационного исследования легли в основу монографии «Основные тенденции и направления интеграционных процессов в Центральной Азии» (Бишкек, 2007г.).

Результаты исследования обсуждались на расширенном заседании кафедры международных отношений и права Дипломатической Академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им.К.Дикамбаева. Материалы использовались соискателем для написания учебно-методического пособия для ВУЗов «Хроника внешнеполитической деятельности Кыргызской Республики (1991-2002 гг.)» (Бишкек, 2003г.), методического руководства «Теоретико-методологические проблемы мировой политики и международных отношений» (Бишкек, 2005г.), учебника для Вузов с грифом МОН КР «Теория международных отношений» (Бишкек, 2011г.), учебно-методического пособия «Теория и практика разрешения современных конфликтов» (Бишкек, 2017г.),

учебное пособие с грифом МОН КР «Актуальные проблемы современных международных отношений и мировой политики» (Бишкек, 2021г.).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения четырех глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения и списка использованной литературы. Общий объем диссертации составляет 263 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Степень изученности проблемы

Проблематика сопряжения интеграционных процессов на евразийском пространстве стала предметом экспертных и научных дискуссий с середины 2010-х гг. Стимулом к внесению этой тематики в фокус академического внимания стал достигнутый руководством Китая и России политический компромисс, призванный наметить пути решения проблемы разнонаправленности инициированного и направляемого Россией процесса экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и реализации китайской Инициативы «Один пояс – один путь». Компромисс нашел отражение в гибкой формулировке «стороны продолжают поиск точек сопряжения региональных экономических интеграционных процессов» [3]. С 2015 г. тезисы о сопряжении интеграционных процессов стали регулярно повторяться в документах российско-китайских встреч на высшем уровне, ЕАЭС, Шанхайской организации сотрудничества. Сформировалась и практика постановки задач сопряжения инициативы «Один пояс – один путь» и государственных программ развития стран Центральной Азии; казахстанской стратегии «Нурлы жол» [4], Стратегией развития Нового Узбекистана [5], Национальной стратегией развития Кыргызской Республики [1], туркменской стратегии «Возрождение Великого Шелкового пути» [6], Национальной стратегией развития Таджикистана [7].

Однако экспертно-аналитические и научные работы, посвященные проблематике сопряжения, как между интеграционными процессами, так и между многосторонними инициативами и национальными стратегиями развития, остаются немногочисленными. В литературе, как правило, прослеживаются следующие подходы к анализу процессов сопряжения:

- термин «сопряжение» заимствуется из официальных документов некритически, воспринимается как самообъяснительный, как элементарная единица анализа;

- термин «сопряжение» трактуется апофатически: авторы подчеркивают, чем «сопряжение» не является (не является «слиянием интеграционных процессов» или образованием над ними новой институциональной надстройки), но предпочитают не вдаваться в анализ того, в чем оно, собственно, состоит [8, с. 48];

- «сопряжение» рассматривается как сумма отдельных проектов и проблем, причем анализ проблем – без сомнения, необходимый и плодотворный, – подводит к выводу о сомнительных перспективах самого «сопряжения» и заставляет заподозрить само это понятие в сугубой описательности [9, с. 290-295].

В литературе, однако, прослеживается консенсус относительно того, что «сопрягаются», прежде всего, интеграционные процессы; таким образом, понятие «сопряжение» отсылает к фундаментальному понятию «интеграция». Теоретические подходы к пониманию феномена интеграции обстоятельно изучены в научной литературе. Понятие «интеграция» стало входить в международно-политический лексикон с начала 1940-х гг. [10, с. 15] В широком смысле слова под интеграцией понимают возникновение новой общности из прежде разрозненных частей, а в узком смысле – создание межгосударственных объединений с наднациональным элементом, то есть объединений, в которых реализуется передача элементов государственного суверенитета на новый уровень власти – наднациональный. «Передача компетенций» на уровень региональной организации указывается как отличительный признак интеграции в документах ООН [11].

В литературе выделяют три исторических периода интенсификации интеграционных процессов (три «волны» региональной интеграции): начало XIX – начало XX вв., начало 1950-х гг. и 1990-е – 2000-е гг. Общепринятым является выделение «негативной» и «позитивной» интеграции, где под

«негативной интеграцией» понимается отмена пошлин и законодательных норм, сдерживающих рост торгово-экономического взаимодействия между странами, а под «позитивной интеграцией» – непосредственно передачу компетенций надгосударственным институтам [12]. Следует подчеркнуть, что и «негативная интеграция» имплицитно содержит в себе ограничение государственного суверенитета, поскольку ограничивает, международно-правовым актом или в силу сложившегося международного обычая, права государств на произвольное восстановление экономических барьеров. Классической признана концепция пяти стадий интеграционного процесса Б. Балассы, согласно которой интеграционный процесс проходит пять стадий, продвигаясь от зоны свободной торговли к образованию таможенного союза, общему рынку, экономическому и валютному союзу и, наконец, к политическому союзу [13].

Основными теоретическими подходами к объяснению региональных интеграционных процессов признаются:

- федералистский подход, являющийся скорее стратегией и идеологией интеграции, чем собственно теорией. Федералистский подход, основоположниками которого стали Ж. Монне, В. Хальштейн, А. Спинелли, исходит из примата политических императивов интеграции и видит ее целью и результатом федеративное устройство регионального интеграционного объединения [14, с. 25-43]. Федералистский подход, сыграв несомненную роль в запуске европейского интеграционного процесса и его отдельных проектов (прежде всего, проекта Конституции Европейского Союза), не сформировался в полноценную научную парадигму и является, в основном, частью исторического наследия европейской интеграционной мысли;

- функционалистский подход, основы которого были заложены в работах британского ученого румынского происхождения Д. Митрани. Подвергнув критике оторванные от реальности федералистские установки, Митрани предложил рассматривать интеграционные процессы, прежде всего, сквозь призму технического (функционального) сотрудничества. Именно

взаимодействие государств в сферах, где существуют общие функциональные нужды, влечет за собой формирование общих принципов и правил технического взаимодействия и общего экспертного знания, за которым следует становление «новых привычек и интересов» [15]. Форма, которую принимает интеграционный процесс, является следствием его функций;

- транзакционалистский подход, или школа коммуникаций, определяющий интеграцию как «достижение чувства сообщества» [16]. Для создания сообщества взаимные транзакции являются необходимым, но не достаточным условием; необходимы также разделенные символы, идентичности, привычки сотрудничества, воспоминания, ценности, нормы. Интеграция, соответственно, предстает «историческим процессом социального обучения [16];

- неофункционализм, рассматриваемый современными исследователями интеграционных теорий как основополагающая теория региональной интеграции. Неофункционализм также фокусируется скорее на процессе интеграции, чем на его результатах, но постулирует центральную роль наднациональных институтов. Политическая интеграция определяется как «процесс, посредством которого политические акторы в нескольких различных национальных единицах побуждаются к переносу своих лояльностей, ожиданий и политических действий к новому центру, чьи институты обладают юрисдикцией над предсуществующими национальными государствами или требуют такой юрисдикции» [17]. Сдвиг национальных лояльностей и ожиданий к новой наднациональной власти (перенос «власти – легитимности») является, таким образом, ключевым процессом, определяющим интеграцию. Э. Хаас, американский политолог, внесший основной вклад в разработку неофункционалистского подхода, выделил четыре предпосылки интеграции: индустриально развитую экономику, активно вовлеченную в международную торговлю; наличие политически мобильных общественных масс; наличие конкурирующих групп элит; взаимоотношения элит, регулируемые конституцией, традицией или демократией [17].

Согласно неофункционалистскому подходу, движущей силой интеграции является «перелив» (спилловер) – процесс, при котором «данное действие, связанное с определенной целью, создает ситуацию, в которой изначальная цель может быть достигнута только принятием дальнейших действий, которые, в свою очередь, создают будущие условия и необходимость для других действий» [18, с. 9]. «Перелив» может быть техническим, или функциональным, географическим и политическим; последний состоит в схождении ожиданий и интересов национальных элит в ответ на действия наднационального института;

- либеральный межправительственный подход, в рамках которого интеграционный процесс исследуется сквозь призму национальных предпочтений. Согласно Э. Моравчику, американскому политологу, разработавшему основы этого подхода, поведение государств отражает рациональные действия правительств, сталкивающихся с «внутренними социетальными давленями» и внешней стратегической окружающей средой [19]. За формированием национальных предпочтений следуют межправительственные переговоры, а за ними – выбор институтов, зачастую оказывающийся наименьшим общим знаменателем позиций национальных правительств. Интеграция, по Э. Моравчику, может привести к усилению, а не к ослаблению национальных государств.

Рассмотренные подходы к объяснению интеграционных процессов формировались исходя из исследований опыта послевоенной европейской интеграции. Их применимость к неевропейским интеграционным процессам является предметом дискуссий. Предпринимались попытки разработки интеграционных теорий, опирающихся на опыт интеграции в Юго-Восточной Азии, среди которых выделяются работы А. Ачарьи, ставящие в центр исследования интеграции проблематику конструирования региональных идентичностей [20]. Изучение постсоветского опыта способствовало разработке концепции «авторитарной интеграции» [21], являющейся, на наш взгляд, политически ангажированной.

Для целей нашего исследования важно отметить, что ни одна из рассмотренных концепций не разрабатывает проблематику сопряжения различных интеграционных процессов или тематику «интеграции интеграций». В сущности, классические теории интеграции допускают лишь втягивание новых единиц в уже существующие интеграционные поля через географический перелив или межгосударственные переговоры. Соответственно, в попытке восполнить эту лакуну необходимо обратиться к обширному пласту литературы, посвященной проблематике региональных подсистем международных отношений.

В классической литературе по теории международных отношений прослеживается тенденция к отстранению на второй план региональной проблематики, игнорированию ее нередуцируемой специфики, ее качественных отличий от свойств, как глобальной системы международных отношений, так и ее ключевых элементов – национальных государств. Так, М. Каплан, основоположник системного подхода к изучению международных отношений, полагал, что подсистемами международной системы выступают сами национальные государства, не выделяя промежуточных уровней [22]. К. Уолц, внесший ключевой вклад в разработку неореалистической парадигмы теории международных отношений, выделил три яруса структуры международной системы – организующий принцип, функциональную дифференциацию элементов и полярность, также обойдя вниманием возможность структурообразующей роли региональных подсистем [23, с. 67-101].

В 1960-е – 1970-е гг. на Западе, а в 1980-е гг. – и в Советском Союзе был издан ряд работ, посвященных теоретико-методологической разработке понятий международно-политических регионов и региональных подсистем. Американские исследователи Л. Кантори и С. Шпигель разработали четыре группы факторов размежевания региональных подсистем и предложили ввести общее правило, согласно которому государство, за исключением великих держав, может быть отнесено не более чем к одной региональной подсистеме [24, с. 7-15]. Предложенное авторами количество переменных для

разграничения региональных подсистем оказалось, однако, столь значительным, что применение их концепции в целях практических исследований оказалось затруднительным.

В 1973 г. американский политолог У. Томпсон, сделав обзор опубликованных по проблематике региональных подсистем исследований, выделил 22 определения региональных подсистем, содержащих более 20 отличительных признака определяемого понятия. Он сформулировал четыре «необходимых и достаточных» условия существования региональных подсистем: «характер отношений или взаимодействий акторов демонстрирует особую степень регулярности и интенсивности, так что изменения в одной точке подсистемы воздействуют на другие точки; акторы, как правило, расположены поблизости друг от друга; внутренние и внешние наблюдатели и акторы признают подсистему отдельной областью или «театром действий»; подсистема состоит из, по меньшей мере, двух, а чаще большего числа, акторов» [25, с. 101].

Подъем интереса к проблемам региональных подсистем последовал по окончании «холодной войны». В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в работах британского ученого Б. Бьюзена и датского исследователя О. Вэвера была построена фундаментальная теория региональной структуры системы международных отношений, опирающаяся на неореалистическую теорию международных отношений, конструктивистские подходы к исследованию проблем международной безопасности и разработки 1960-х – 1970-х гг. В основе теории лежит понятие «региональный комплекс безопасности», под которым понимается «группа государств, чье восприятие безопасности и основные интересы в этой сфере настолько взаимосвязаны, что проблемы национальной безопасности одного государства не могут быть адекватно проанализированы или разрешены в отрыве от проблем других государств» [26, с. 12]. Между терминами «региональный комплекс безопасности» и «региональная подсистема» авторы устанавливают синонимичность, а само

понятие «безопасность» трактуется широко, как синтез пяти секторов (военной, политической, экономической, социетальной и экологической безопасности).

Детальный анализ концепции Бьюзена и Вэвера выходит за рамки задач нашего обзора. Необходимо, однако, выделить основные составляющие теории региональных комплексов безопасности, в том числе, чтобы раскрыть ее потенциал как одной из путеводных нитей к теоретическому осмыслению проблематики соотношения региональных интеграционных процессов:

- региональные подсистемы имеют структуру, представленную границей, анархической организацией, полярностью и социальной конструкцией;

- региональные подсистемы могут поддерживать статус-кво, проходить внутренние трансформации и внешние трансформации (под последними подразумеваются расширение или сжатие границ подсистем);

- исследования региональных подсистем требуют выделения четырех уровней анализа – внутригосударственного, собственно регионального, межрегионального (взаимодействие с соседними подсистемами) и глобального (роль, которую в подсистеме играют великие державы);

- анализ практики высокой и устойчивой межрегиональной взаимозависимости требует введения понятия сверхкомплекса, объединяющего две или более региональные подсистемы;

- в рамках региональных подсистем могут формироваться субкомплексы, группы государств, взаимодействие которых отличается специфическим характером;

- государство может быть элементом только одной региональной подсистемы;

- великие державы, находящиеся за пределами региональной подсистемы, могут оказывать на нее влияние, но при этом сами не становятся ее элементами [27, с. 34-64];

- вводится понятие «изолирующего государства» («инсулятора»), которое находится между несколькими региональными подсистемами, поглощая их

«периферийную энергию», но не обладает потенциалом, который позволил бы связать эти подсистемы [27, с. 485].

Проблематика сопряжения евразийской и центральноазиатской интеграции заставляет обратиться к литературе по конкретным интеграционным процессам, проектам и форматам и обширному полю работ по международным отношениям на евразийском и центральноазиатском пространствах. Среди множества научных и экспертно-аналитических публикаций, посвященных становлению и функционированию Евразийского экономического сообщества и его преемника – ЕАЭС – выделяется фундаментальная работа Е.Ю. Винокурова и А.М. Либмана, в которой формулируется оригинальная гипотеза о Центральной Азии как «лаборатории евразийской интеграции» и «Евразии в миниатюре» [28]. Однако работа российских авторов не рассматривает центральноазиатскую интеграцию как самостоятельный феномен. Широкий спектр работ о ЕАЭС, границы которого очерчены откровенно апологетическими [29] и ангажировано критическими [30] трудами, оставляет за рамками исследования фундаментальную проблему соотношения евразийской и центральноазиатской интеграции.

Исследования Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) сосредотачиваются на анализе правовых рамок и институциональной структуры ОДКБ, а сам процесс военно-политической интеграции либо сводится к перечню проведенных мероприятий, либо подвергается критике как формальное строительство и воспроизводство структур [31, 32]. При этом зачастую игнорируется специфика ОДКБ как организации, центр тяжести которой находится в Центральной Азии, и ее роль в обеспечении военно-политических рамок внутрирегиональных интеграционных процессов. Многочисленные работы, посвященные ШОС, как правило, рассматривают Организацию как проекцию российско-китайских (или российско-китайско-индийских) отношений [33, 34]. При всей правомерности подобного подхода нельзя не отметить, что собственно центральноазиатская специфика ШОС отступает для исследователей на второй план.

В литературе по центральноазиатской интеграции сформировалась устойчивая тенденция рассматривать ее как «фантом» [35, с. 240], пример «виртуального регионализма» [36]. Для ряда западных экспертов характерно сведение анализа центральноазиатской интеграции к анализу политических режимов, сложившихся в странах региона; из констатации их авторитарной природы выводится констатация крайне ограниченных перспектив не только интеграции, но и многостороннего внутрирегионального сотрудничества [37]. Представители экспертно-академического сообществ стран региона делают акцент на внешних условиях, неблагоприятных для центральноазиатской интеграции, подчеркивая роль «невидимой руки» геополитики [38]. В работах по внешней политике стран региона первостепенное внимание уделяется национальным интересам центральноазиатских государств и их взаимоотношениям с ведущими международными партнерами – Россией, КНР, США Турцией. Анализ центральноазиатской интеграции зачастую ограничивается кратким указанием на ее необходимость и желательность и перечислением возникающих на этом пути препятствий [39, 40].

Литература по международным отношениям на центральноазиатском и евразийском пространстве, отличается разнообразием авторских подходов к определению и обоснованию территориальных рамок исследования. Уже к середине 1990-х гг. в научный оборот широко вошел тезис о формировании Центральноазиатского региона, охватывающего Казахстан и бывшие советские республики Средней Азии. В то же время выдвигались понятия «Большая Центральная Азия» [41], «Центрально-Восточная Азия» [42], «Центрально-азиатский макрорегион» [43], «Большая Средняя Азия» [44].

В целом, сформировались два доминирующих подхода к территориальной концептуализации Центральной Азии. В рамках первого Центральная Азия рассматривается как международно-политический регион и формирующаяся или уже сформировавшаяся подсистему международных отношений. В рамках второго Центральная Азия рассматривается как субрегион постсоветского пространства либо часть его «южного фланга» или «южного пояса» [45, 46]. В

панорамных западных исследованиях системы международных отношений, сложившейся по окончании «холодной войны», выделяется постсоветская подсистема международных отношений, субкомплексом в рамках которого признается Центральная Азия. Так, по мнению Бьюзена и Вэвера, центральноазиатский субкомплекс имеет черты «неструктурированного региона» и «прото-комплекса», но обладает потенциалом трансформации в самостоятельную региональную подсистему [27, с. 423-429]. Литература по международным отношениям в Евразии или в «Большой Евразии» оставляет за рамками вопрос о существовании или формировании евразийской подсистемы международных отношений, ее границах и соотношении с постсоветской подсистемой.

Выводы. Проведенный обзор выявил существенные теоретические и фактологические лакуны в исследованиях проблематики сопряжения евразийской и центральноазиатской интеграции. Прежде всего, не проясненным остается само значение понятия «сопряжение». Эта неясность в значительной степени является следствием теоретического разрыва между концептуальными подходами к анализу региональных интеграционных процессов и анализу региональных подсистем как составных частей глобальной системы международных отношений. Теории региональной интеграции не проясняют параметров взаимодействия или взаимовлияния интеграционных процессов, протекающих в различных регионах. Теории региональных подсистем, прежде всего, наиболее развернутая теория региональных комплексов безопасности, не исключает возможности формирования сверхкомплексов, охватывающих различные региональные подсистемы, но не предлагает детальной проработки этой проблематики и не увязывает эти процессы с интеграционными. Более того, если сами региональные подсистемы существуют объективно, что отражает объективно существующую между элементами подсистем взаимозависимость, то сверхкомплексы формируются под прямым воздействием великих держав, то есть страным образом имеют,

будучи производными от региональных подсистем, иные онтологические основания.

Анализ степени изученности проблемы выявил и фактологические пробелы, в значительной степени связанные с быстрой трансформацией международной и региональной среды. Слабо изучены механизм Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, давший значительный импульс многостороннему сотрудничеству стран региона, интеграционные тенденции в рамках Организации тюркских государств. Назрела необходимость анализа промежуточных последствий украинского конфликта для интеграционных процессов на евразийском и центральноазиатском пространствах.

1.2. Объект и предмет исследования

Интеграционные процессы на евразийском пространстве осуществлялись во многих территориально-географических рамках, функциональных сферах и институциональных форматах. Значительная часть этих процессов отличалась затухающей динамикой или вошла в состояние длительной стагнации; лишь немногие продемонстрировали тенденцию к развитию. Отличительной чертой евразийских интеграционных процессов является их переплетение с процессами дезинтеграции, а также с тенденциями к регионализации и субрегионализации евразийского пространства.

Содружество Независимых Государств (СНГ), созданное как непосредственное продолжение Советского Союза, провозгласило «межгосударственную кооперацию и интеграцию» одной из своих целей. Однако в Уставе СНГ изначально было оговорено, что «Содружество...не обладает наднациональными полномочиями» [47]. СНГ, таким образом, не

могло достигнуть интеграционных целей, поскольку движение к последним требует создания наднационального уровня власти.

Будучи самым широким по составу межгосударственным объединением на постсоветском пространстве, охватившим уже в конце 1991 г. 11 бывших союзных республик (с декабря 1993 г., когда в СНГ вступила Грузия, число государств-участников возросло до 12), СНГ уже в 1992-1993 гг. фактически превратилось в инструмент «цивилизованного развода», то есть упорядочивания дезинтеграционных процессов. Подписанный в сентябре 1993 г. Договор о создании Экономического союза остался рамочным, не подкрепленным нормативно-правовой базой документом. Соглашение о создании зоны свободной торговли, заключенное странами СНГ в апреле 1994 г., не заработало на практике и осталось не ратифицированным шестью странами, включая Россию.

С течением времени реальное значение СНГ падало, что проявилось в хаотизации его институциональной структуры и сокращении состава (в 2005 г. в категорию ассоциированных членов перешел Туркменистан, в 2009 г. из Содружества вышла Грузия, с 2014 г. фактически прекратила участвовать в работе СНГ Украина, с 2020 г. – Молдова). СНГ стало второстепенным международным форматом, способствующим коммуникации между государствами-участниками и решающим лишь отдельные интеграционные задачи.

С середины 1990-х гг. российским руководством и настроенными в поддержку интеграционных процессов на постсоветском пространстве элитами Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана стали предприниматься шаги по реализации концепции разноуровневой и разноскоростной интеграции. За неудачной попыткой президента Казахстана Н.А. Назарбаева запустить процесс создания Евразийского союза, наделенного полномочиями принятия обязательных к исполнению решений квалифицированным большинством голосов [10, с. 396-397], последовало сужение территориальных рамок интеграционных процессов. В январе 1995 г. были пописаны российско-

белорусско-казахстанские соглашения о таможенном союзе, к которым в 1996 г. присоединился Кыргызстан, а в 1999 г. – Таджикистан. Одновременно был запущен углубленный процесс российско-белорусской интеграции, прошедшей за 1996-1999 гг. путь от Сообщества Белоруссии и России к Союзному Государству. Альтернативный формат многостороннего сотрудничества был создан в 1997 г. Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдовой под названием политико-консультативный форум ГУАМ. В 1999 г. к ГУАМ (ГУУАМ), преобразованному в международную организацию, присоединился Узбекистан. Хотя ГУУАМ не позиционировал себя как интеграционное объединение, в его цели входили содействие социальному и экономическому развитию, расширение торговли и экономических связей и развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры [48].

На основе таможенного союза Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, так и не созданного, несмотря на подписанные документы, во второй половине 1990-х гг., в 2000 г. было образовано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) – объединение с наднациональными институтами и широкой интеграционной повесткой. Деятельность ЕврАзЭС привела к выделению интеграционного ядра России, Белоруссии и Казахстана, создавших в 2011 реально функционирующий Таможенный союз, и трансформации ЕврАзЭС в ЕАЭС с 1 января 2015 г. К ЕАЭС присоединились Армения и Кыргызстан, а Таджикистан остался в итоге за рамками евразийской экономической интеграции.

Военно-политическая интеграция на постсоветском пространстве развивалась на основе Договора о коллективной безопасности, подписанного в 1992 г. Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном. В 1993 г. к Договору присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия. По истечении первого пятилетнего срока действия Договора, вступившего в силу в 1994 г., Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались от его продления. Остальные страны учредили в 2002 г. на базе Договора

международную организацию – ОДКБ, претерпевшую в 2003-2023 гг. ряд сложных и разнонаправленных трансформаций.

Неуклонное повышение экономического веса и политической роли Китая в мире и укрепление российско-китайских отношений стали основой становления «шанхайского процесса», на основе которого в 2001 г. была создана ШОС в составе Казахстана, Китая, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана. Преобразование форума, изначально созданного для решения проблем безопасности в зоне бывшего советско-китайского приграничья, в организацию комплексного многостороннего сотрудничества стало свидетельством признания Россией и странами Центральной Азии недостаточности институциональной надстройки, включающей исключительно постсоветские страны, для задач управления взаимозависимостью, формирующейся между КНР и постсоветской подсистемой международных отношений. Хотя ШОС не является интеграционной организацией, ее функционал включает в себя элементы многостороннего сотрудничества, несущие потенциал движения по интеграционным трекам.

Параллельно с интеграционными процессами и многосторонним сотрудничеством, реализуемыми при центральной роли России или совместных усилий России и Китая, и, соответственно, характеризующими уровень региональной (постсоветской) подсистемы и межрегионального взаимодействия постсоветской и восточноазиатской подсистем, в Центральноазиатском субкомплексе постсоветской подсистемы возникали и проецировались в политическую практику собственные интеграционные импульсы. В 1990-е – начале 2000-х гг. последовательно сменили друг друга Центральноазиатский Союз, Центральноазиатское экономическое сообщество и Организация «Центральноазиатское сотрудничество» [39, с. 41-51]. В 2005 г. произошли слияние ОЦАС с ЕврАзЭС и вступление в Сообщество Узбекистана. При этом, однако, не произошло полного «поглощения» одной организацией другой, поскольку значительная часть договоров и соглашений, заключенных центральноазиатскими государствами в рамках ОЦАС и

предшествующих структур, осталась в силе [49]. Важность этого обстоятельства подчеркнул скорый, уже в 2008 г., выход Узбекистана из ЕврАзЭС.

Нарастающее размежевание между центральноазиатским субкомплексом и постсоветской подсистемой, приведшее к формированию в начале 2010-х гг. автономной центральноазиатской подсистемы международных отношений, актуализировало поиск институциональных форм многостороннего сотрудничества государств региона. С 2018 г. был запущен формат ежегодных Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, в рамках которого обозначились контуры собственно центральноазиатского интеграционного процесса.

Объектом нашего исследования, таким образом, является совокупность интеграционных процессов, протекающих как на постсоветском и евразийском пространствах, так и собственно в рамках Центральноазиатского региона. При этом в узком смысле термин «евразийское пространство» понимается как синоним термина «постсоветское пространство», а в широком, превалирующем в нашей работе, смысле – как пространство «Большого Евразийского партнерства» – проекта, не имеющего четкого географического контура, но опирающегося, прежде всего, на ЕАЭС и ШОС.

Проблематика соотношения и взаимодействия между географически и функционально взаимопересекающимися интеграционными процессами и форматами многостороннего сотрудничества определяется как проблематика «сопряжения». Наше исследование отходит от упрощенного понимания «сопряжения» как согласованного развития, обеспечения инфраструктурной взаимосвязанности и сокращения торговых барьеров [50] – трактовки, вряд ли требующей использования в научном, экспертном и политическом дискурсах нового термина. «Сопряжение» понимается как проявление комплексной взаимозависимости региональных подсистем, создающей основу для формирования межрегиональных сверхкомплексов, возможность существования которых на теоретическом уровне обоснована теорией

региональных комплексов безопасности. В соответствии с выделяемыми данной теорией секторами безопасности, в нашем исследовании разграничиваются военный, политический, экономический, социетальный и экологический аспекты сопряжения. Соответственно, предметом исследования являются названные аспекты взаимодействия, взаимовлияния и взаимообусловленности интеграционных процессов, протекающих в центральноазиатской подсистеме международных отношений, и интеграционных процессов, протекающих на евразийском пространстве и в его составной части – постсоветской подсистеме.

Предмет нашего исследования обуславливает последовательное изучение центральноазиатской интеграции, постсоветской экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС и ЕАЭС, военно-политической интеграции в рамках ОДКБ и многостороннего сотрудничества с элементами интеграции в рамках ШОС. Иные интеграционные и прото-интеграционные форматы, не наработавшие потенциала, адекватного для проецирования сопрягающего воздействия вовне, остаются за рамками настоящего исследования. Предмет исследования не предполагает и погружения в проблематику реализации китайской инициативы «Один пояс - один путь» (ОПОП), которая не является интеграционным проектом и реализуется, прежде всего, через двусторонние взаимодействия КНР с участниками ОПОП по схеме «донор – реципиент».

Выводы. Объектом исследования является совокупность интеграционных процессов, протекающих как на постсоветском и евразийском пространствах, так и собственно в рамках Центральноазиатского региона. Предметом исследования являются военные, политические, экономические, социетальные и экологические аспекты взаимодействия, взаимовлияния и взаимообусловленности (сопряжения) указанных интеграционных процессов.

1.3. Методология, методы и концепция исследования

Теоретико-методологической основой исследования является синтез системного подхода к изучению международных отношений, теорий региональной интеграции и теории международных режимов. Прежде всего, наше исследование опирается на теорию региональных комплексов безопасности Б. Бьюзена и О. Вэвера. В свете выделенного нами предмета исследования фундаментальное теоретико-методологическое значение имеют разработанные Бьюзенем и Вэвером критерии выделения региональных подсистем, их структурных составляющих, введение понятий «субкомплекс» и «сверхкомплекс» и четырех уровней анализа подсистем, в том числе межрегионального. В частности, региональные подсистемы характеризуются тем, что (1) состоят из двух или более государств, образующих географически сплоченную группировку, и (2) межгосударственные отношения в этой группировке проявляют глубокую и длительную взаимозависимость в сфере безопасности, выраженную качественно сильнее, чем взаимозависимость между странами региона и странами, находящимися за его пределами [26, с. 15]. Рассматривая структурные характеристики подсистем, авторы выделяют не только распределение силовых возможностей между их элементами, но и социальную конструкцию – превалирование дружественности или враждебности во внутрирегиональных межгосударственных отношениях [27, с. 53].

В то же время теория региональных комплексов сталкивается с явными трудностями при внесении в ее контекст проблематики региональной интеграции. Показательно, что для анализа феномена Европейского Союза Бьюзен и Вэвер вынуждены ввести отдельную категорию – «институциональный региональный комплекс безопасности», одновременно рассматриваемый как «великая держава» [27, с. 352-376], – и отказаться, исключительно для данного случая, от постулата об анархической основоструктуре региональных подсистем. Проблематика взаимодействия

между различными региональными подсистемами также остается недостаточно концептуализированной, поскольку сводится, в сущности, к традиционному великодержавному конфликту или сотрудничеству. Наконец, предложенный авторами концепт «инсулятора» заставляет задаться вопросом о необходимости разработки бинарного концепта – «проводника», или «связующего элемента», создающего пространства взаимопересечения региональных подсистем.

Среди теорий региональной интеграции в теоретико-методологический синтез, на который опирается наше исследование, вошли либеральный межправительственный подход и неофункционализм. Как центральноазиатская, так и евразийская интеграция является, в первую очередь, результатом формирования национальных предпочтений и межправительственных переговоров. Тем не менее, в рассматриваемых интеграционных процессах действует и логика функционального «перелива», проявляющаяся, в частности, в деятельности по созданию Центральноазиатского пространства высшего образования, ряде решений уставных органов ОДКБ и Евразийской экономической комиссии. Введение концепта «связующего элемента» между региональными подсистемами открывает возможность выдвижения гипотезы о существовании «географического перелива» между региональными интеграционными процессами, не влекущего за собой поглощения одного процесса другим.

Теория международных режимов позволяет проследить формирование кластеров сопряжения региональных интеграционных процессов, еще не получивших институционального оформления в ходе межправительственных переговоров. Международный режим определяется создателем теории Ст. Краснером как «совокупность явных или неявных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, относительно которых ожидания акторов в данной области международных отношений сходятся» [51, с. 2]. Наряду с «полноценными» (full-blown) режимами, в которых сосуществуют высокая степень схождения ожиданий акторов и высокая степень формализации принципов, норм, правил и процедур, теория выделяет и режимы «по

умолчанию» (tacit), где высокая степень схождения ожиданий сопровождается низкой формализацией нормативного слоя. Одна из рассматриваемых нами гипотез состоит в том, что сопряжение между региональными интеграционными процессами может осуществляться через формирование международных режимов в конкретных сферах, где взаимозависимость стимулирует схождение ожиданий политических акторов.

Обращение в диссертационном исследовании к проблематике взаимозависимости опирается на ставшую классической теорию комплексной взаимозависимости Р. Кохейна и Дж. Ная. Авторы выделяют три характеристики региональной среды, способствующие межгосударственному сотрудничеству в региональных рамках: (1) политические цели государств не выстроены в устойчивые иерархии, что создает предпосылки для их взаимных уступок; (2) существует множество каналов контактов между обществами, что расширяет спектр политических инструментов и ограничивает контроль правительств над внешними связями; (3) военная сила в основном нерелевантна [52, с. 24-25]. Исследование применимости этих характеристик к рассматриваемым в диссертации регионам проводится в ее соответствующих разделах.

В нашем исследовании затрагивается и проблематика процессов принятия внешнеполитических решений. Среди основных теоретических подходов к анализу этих процессов выделяются модель рационального выбора, бюрократический компромисс [53], групповое мышление и индивидуально-психологическая модель [54]. В странах рассматриваемых регионов, где гражданские общества только формируются, а бюрократия в классическом, восходящем к М. Веберу, понимании этого термина вряд ли существует, превалирует групповое мышление и принятие решений облеченными властью индивидами. Эвристический потенциал включает в себе и концепт «нерешение» (non-decision), под которым понимается либо (1) решение не предпринимать каких-либо действий, либо (2) неспособность системы (лиц), на которую возложена соответствующая функция, выработать какое-либо

решение, либо (3) вынесение каких-либо решений за рамки спектра политически возможных [55, с. 107-108].

Общенаучные методы, которыми оперирует наше исследование, включают, прежде всего, анализ и синтез, позволяющие выделить в изучаемом предмете функциональные и географические составляющие и сформировать его целостное, многоаспектное понимание. Индукция и дедукция необходимы для движения от единичного к особенному и общему и в обратном направлении. Аналогия и сравнение позволяют проследивать сходные и отличные факторы формирования и характеристики изучаемых процессов. Логико-интуитивный метод применяется для выявления основных векторов развития исследуемого предмета и попыток составления общего прогноза его эволюции. Метод моделирования способствует выявлению конкретных тенденций эволюции предмета исследования и уточнению прогноза через конструирование ситуаций, структурно подобных реальным ситуациям. Нормативно-гипотезотворческий метод используется для формулирования, на основе вышеописанных методов, гипотез, верификация или фальсификация которых осуществляется применением частнонаучных методов. Системный анализ применяется для выявления элементов и структур рассматриваемых региональных подсистем, субрегиональных системных единиц (субкомплексов), границ систем, определения эмерджентности систем.

Задачи исследования реализуются использованием широкого спектра методов политологии и ее раздела – науки о международных отношениях. Внешнее инструментальное наблюдение позволило собрать исходный массив фактологической информации. Политико-описательный метод способствовал первичному упорядочиванию этой информации по проблемно-хронологическому принципу и разделению ее на релевантную и нерелевантную нашему исследованию. Методика «кейс-стадиз» позволила сфокусировать внимание на отдельных аспектах изучаемых феноменов, в которых наиболее ярко проявилась их специфика. Кросс-темпоральное асинхроническое сравнение использовалось для выявления общего и особенного в развитии

рассматриваемых региональных подсистем на протяжении различных временных отрезков исторического периода, начавшегося с распадом Советского Союза.

Применение метода ивент-анализа способствовало углубленной обработке фактологической информации, поиску корреляций между различными рядами событийных данных и их организации по схеме «сюжет – субъект-инициатор – субъект-мишень – дата события». Метод сценарирования применялся для выявления спектра среднесрочных и долгосрочных альтернатив развития и преломления анализируемых тенденций.

Интент-анализ выступлений, заявлений, интервью государственных деятелей и дипломатов явился вспомогательным методом, позволяющим реконструировать намерения и ожидания лиц, принимающих решения. Критический дискурс-анализ внешнеполитических документов, общеполитических, рамочных и нормативно-правовых актов международных организаций способствовал выявлению отдельного дискурсивного поля – интеграционного дискурса, в рамках которого сложился субдискурс «сопряжения интеграционных процессов». Применение методологии критического дискурс-анализа позволило выявить контексты и подтексты субдискурса «сопряжения», характерные для этого субдискурса умолчания и внутренние противоречия, репрезентированность в нем властных отношений.

В диссертационном исследовании использовались отдельные методы исторической науки. Историко-генетический метод способствовал выявлению этапов становления и развития региональных подсистем, интеграционных объединений и форматов межгосударственного сотрудничества. Метод периодизации послужил разграничению этих этапов, фиксации точек перехода количественных изменений в качественные.

В нашем исследовании предлагается концептуализация сопряжения региональных интеграционных процессов как следствия взаимодействия, взаимовлиянием и взаимообусловленности географически и функционально пересекающихся, хотя и различных, интеграционных процессов и

форматов многостороннего сотрудничества. При этом под самим сопряжением понимается формирование качественно нового состояния – комплексной взаимозависимости между региональными подсистемами международных отношений, проявляющейся в становлении межрегиональных надсистем (сверхкомплексов) международных отношений.

Предпосылками сопряжения региональных интеграционных процессов являются:

- их взаимообусловленность, связанная с общностью стоящих перед сопредельными регионами глобализационных вызовов, совпадающими вызовами в сфере безопасности, социально-экономического развития, экологии, схожестью исторических, социокультурных, политико-правовых, социально-психологических предпосылок формирования региональных подсистем;

- их взаимовлияние, проявляющееся в индуцировании процессами, протекающими в одном регионе, ответных импульсов в сопредельных регионах, и распространении соответствующих дискурсивных практик через коммуникации политических, деловых, культурных элит;

- их взаимодействие, проявляющееся в согласовании принимаемых решений и мер, координации ответов на изменения, происходящие на глобально уровне системы международных отношений, выдвижении и реализации совместных инициатив в отдельных сферах.

Импульсы к процессам сопряжения могут иметь различные источники и реализовываться различными траекториями:

- через формирование международных режимов, функционирование которых охватывает сопредельные регионы. Межрегиональные режимы могут формироваться практикой взаимодействия экономических и социальных акторов, эпистемических сообществ, государственных бюрократий (например, режимы распространения отдельных языков как языков делового общения, научного взаимодействия, межнациональной коммуникации);

- через функциональный и географический перелив, требующий комплексного, географически расширенного решения смежных проблем

(например, формирование системы международных комбинированных грузовых перевозок в рамках Организации тюркских государств);

- через межправительственные переговоры, формирующие общее целеполагание, институционально-правовые рамки, временные горизонты (например, решение о создании зоны свободной торговли услугами и осуществления инвестиций в рамках СНГ);

- через действия государства – «связующего элемента», находящегося на стыке региональных подсистем и объединяющего товарные, информационные, людские потоки, генерируемые разными подсистемами. Демонстрируя устойчивую взаимозависимость с элементами различных региональных подсистем, такие государства фактически начинают функционировать в качестве составных частей более чем одной региональной полсистемы (например, Кыргызстан, активно участвуя в интеграционных процессах в рамках ЕАЭС и в многостороннем сотрудничестве в рамках механизма Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, становится связующим элементом евразийской интеграции и формирующегося режима углубленного многостороннего взаимодействия центральноазиатских стран);

- через действия государств – полюсов региональных подсистем, демонстрирующих политическую волю к формированию новых структур международного взаимодействия (например, Россия и КНР, как лидеры евразийской и восточноазиатской подсистем международных отношений, инициировали, по крайней мере, на уровне политического целеполагания, сопряжение ЕАЭС и инициативы «Один пояс – один путь»);

- через действия институтов региональной интеграции (например, через реализацию инвестиционных проектов Евразийского банка развития (ЕАБР) в Таджикистане, являющемся единственным членом ЕАБР, не входящем при этом в ЕАЭС).

Формами сопряжения могут выступать:

- точки сопряжения – конкретные проекты взаимодействия, влекущие за собой формирование привычек (устойчивых практик) сотрудничества и

каналов коммуникации, обладающие потенциалом к расширенному применению практик сотрудничества и стимулирующие создание сетевых (неформальных или слабо формализованных) механизмов регулирования или управления (например, транснациональные транспортные проекты или проекты сетевых университетов);

- сферы сопряжения – согласование интересов и действий акторов, находящихся в юрисдикции государств различных региональных подсистем, по спектру тесно взаимосвязанных проблем взаимодействия, обладающее потенциалом к функциональному и географическому переливу и сопровождаемое созданием межправительственных институтов регулирования или управления (например, создание упрощенных таможенных коридоров, межгосударственных инвестиционных фондов, банков развития);

- пространства сопряжения – согласование политики государств различных региональных подсистем по широкому спектру смежных проблем взаимодействия, влекущее за собой функциональный и географический перелив и обладающее потенциалом к политическому переливу, сопровождаемое созданием наднациональных институтов управления (например, создание единых образовательных пространств или режимов трансграничных природных объектов).

Секторами сопряжения, как уже отмечалось, выступают военный, политический, экономический, социетальный и экологический. При этом военный сектор, как правило, создает пространственный контур и базовые условия безопасности для сопряжения в иных секторах. Политический сектор задает общий вектор согласования интересов и действий и обеспечивает временной (долгосрочный) контур для сопряжения в иных секторах, создавая базовые условия стабильности и предсказуемости для сопряжения интеграционных процессов. Экономический, социетальный и экологический секторы определяют структуры и динамику сопряжения и, в конечном счете, его эффективность и перспективы.

Сущностью сопряжения региональных интеграционных процессов выступает формирование комплексной межрегиональной взаимозависимости и становление межрегиональных надсистем международных отношений. Маркерами этого становления выступают:

- формирование общей социальной конструкции, в которой превалирующим становится невраждебное поведение и сокращается роль военной силы и политического принуждения в межгосударственных отношениях;

- формирование представления об общей внешней границе надсистемы и секьюритизация общей внешней границы;

- расширение возможностей полюсов региональных подсистем проецировать экономическое и социетальное влияние в масштабах надсистемы, снижение препятствующих этому политических, правовых и культурных барьеров;

- формирование межрегиональной институциональной надстройки, сочетающей межправительственный принцип организации с элементами наднационального управления.

При этом не происходит слияния региональных подсистем, сохраняющих свою автономию, непосредственную связь с глобальным уровнем системы международных отношений и собственные модели полярности. Полюса региональных подсистем сохраняют ограниченные возможности проецирования в межрегиональных масштабах политического влияния и военной силы.

Выводы. Теоретико-методологической основой исследования является синтез системного подхода к изучению международных отношений (представленного теорией региональных комплексов безопасности), теорий региональной интеграции (либерального межправительственного подхода и неофункционализма) и теории международных режимов. Общенаучные методы исследования включают анализ и синтез, индукцию и дедукцию, аналогию и сравнение, логико-интуитивный метод, моделирование, нормативно-

гипотезотворческий метод, системный анализ. Частнонаучные методы представлены внешним инструментальным наблюдением, политико-описательным методом, методикой «кейс-стадиз», кросс-темпоральным асинхроническим сравнением, ивент-анализом, методом сценирования, критическим дискурс-анализом, интент-анализом, отдельными методами исторической науки.

Сопряжение региональных интеграционных процессов является формированием качественно нового состояния – комплексной взаимозависимости между региональными подсистемами международных отношений, проявляющейся в становлении межрегиональных надсистем (сверхкомплексов) международных отношений. Маркерами этого становления выступают: формирование общей социальной конструкции, в которой превалирующим становится невраждебное поведение и сокращается роль военной силы и политического принуждения в межгосударственных отношениях; формирование представления об общей внешней границе надсистемы и секьюритизация общей внешней границы; расширение возможностей полюсов региональных подсистем проецировать экономическое и социетальное влияние в масштабах надсистемы, формирование межрегиональной институциональной надстройки, сочетающей межправительственный принцип организации с элементами наднационального управления.

Предпосылки сопряжения состоят во взаимообусловленности, взаимовлиянии и взаимодействии географически и функционально взаимопересекающихся интеграционных процессов и форматов многостороннего сотрудничества. Процессы сопряжения могут реализовываться в форме точек, сфер и пространств сопряжения. Выделяются военный, политический, экономический, социетальный и экологический аспекты сопряжения.

Источниками процессов сопряжения могут выступать формирование международных режимов; функциональный и географический перелив;

межправительственные переговоры, формирующие общее целеполагание, институционально-правовые рамки, временные горизонты; действия государств – «связующих элементов», находящихся на стыке региональных подсистем и объединяющих товарные, информационные, людские потоки, генерируемые разными подсистемами; действия государств – полюсов региональных подсистем, демонстрирующих политическую волю к формированию новых структур международного сотрудничества; действия институтов региональной интеграции.

ГЛАВА 2. ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

2.1. Международная регионализация Центральной Азии

Обретение независимости советскими республиками и смена национальных идеологий стали началом разнонаправленных тенденций в международной регионализации постсоветского пространства, которые создают предпосылки для:

- вхождения ряда периферийных территорий Евразии в другие региональные общности;
- образования ряда самостоятельных региональных общностей;
- сохранения целостности Евразии и создание международной региональной системы интеграции.

Процесс международной регионализации постсоветского пространства прошел несколько этапов.

Начальный этап – адаптация бывших союзных республик к новой геополитической обстановке – характеризовался политическим размежеванием, выработкой национальных стратегий в связи с обретением независимости, поиском внешних гарантов независимости, партнеров и спонсоров. «Парад суверенитетов» придал новый импульс дезинтеграционным процессам, которые берут свое начало в последние годы существования СССР. В начале 90-х годов происходит смена общественных идеологий и разрыв существовавших производственно-хозяйственных связей. Все новые государства становятся приверженцами национальной идеологии развития, что предопределило обособление их экономик. Разрыву хозяйственных связей способствовал общий экономический кризис: произошло резкое падение общего экономического потенциала стран региона [56, с. 16].

В наихудшем положении по макроэкономическим показателям оказались страны, которые были зависимы от России, Украины и Белоруссии как наиболее развитых в промышленном отношении государств. В то же время и сами эти три государства, в той или иной степени экономически и производственно зависимые друг от друга и от остальных республик, оказались в непрестом положении.

В российской политической элите не было единого мнения в отношении региона и стратегии развития интеграционных процессов. Так, в начале 90-х годов ряд политиков считали, что необходимо сосредоточиться на решении внутренних проблем, дистанцироваться от других стран и развивать связи с западными государствами как основными инвесторами.

В октябре 1992 г. на очередном заседании глав государств СНГ в Бишкеке были сделаны попытки как-то сохранить и восстановить прежние хозяйственные связи, более того, был поставлен вопрос о денежной системе и согласовании денежно-кредитной и валютной политики государств рублевой зоны. Однако принятые решения остались нереализованными.

Оценивая причины доминирования центробежных процессов начального этапа регионализации Евразии, следует исходить в большей степени не из реальной экономической и политической ситуации на постсоветском пространстве, а из воспринимаемых и субъективно интерпретируемых факторов. Необходимо иметь в виду, что при отсутствии в постсоветских государствах гражданских институтов процесс принятия политических решений носил элитарный характер. Зачастую решения принимались малыми группами лиц, составляющих «ближний круг» глав республик, и попадали под классическую характеристику И. Джейнса - «смесь страха, иерархии конформизма и невежества» [54, с. 115]. Существует мнение, что «в основе распада единого государства лежало не стремление властных структур ряда союзных республик найти выход из тупика, в котором оказалась страна к началу 90-х годов, а тривиальная жажда властвовать в новых государствах,

освободиться от ощущения провинциализма и быть причастными в любом качестве к мировым делам» [57, с. 11].

Это мнение разделяет казахский политолог М.М. Таджин, который считает, что принципиальным является вопрос политического имиджа элит постсоветских государств [58, с. 23]. По мнению политолога, этот имидж складывается из трех факторов, которые и оказывают свое решающее влияние на характер регионализации. Во-первых, тот или иной ее вариант рассматривается через призму «географического имиджа нации, конечно, подаваемого через представление национальных элит». Вторым элементом является восприятие этими элитами своих соседей по степени культурной и политической близости. Третьим элементом является «имидж силы или слабости в отношении потенциальных союзников» или противников и конкурентов [58, с. 24].

Кроме того, начальный этап капитализации бывшей советской собственности втягивает политические элиты в рыночные отношения и формирует у них соответствующие экономические интересы в сфере международных отношений. Но всегда ли эти интересы соответствовали национальным интересам их стран?

Безусловно, причиной центробежных тенденций явились не только амбиции и интересы отдельных политических элит, но и объективные предпосылки, которые своими корнями уходили в советскую систему организации общественных отношений и экономики. Как показывает практика перехода стран с нерыночной или слабо развитой рыночной экономикой, они неизбежно сталкиваются с колоссальными трудностями [59, 60, 61, 62, 63].

Кроме того, СССР как социально-политическое образование по структуре и географическим масштабам являлся сверхсложной системой, которая требовала соответствующих технологий управления. Было очевидно, что опыт малых и средних стран не мог быть использован в СССР, что неоднократно подчеркивалось исследователями [64].

До определенного момента сложившаяся в основном в 1920-е и 1930-е гг. система организации общественных отношений в СССР соответствовала внутренним и внешним вызовам страны. Со временем стало очевидно, что необходимы иные формы и методы для адекватного ответа на эти вызовы. Политика «перестройки» была попыткой реформировать государство, но она привела к его дезинтеграции, а затем и к возникновению центробежных тенденций на постсоветском пространстве. При этом нельзя не учитывать влияния процессов глобализации, когда ее основные движущие силы, представленные наиболее развитыми государствами и транснациональными компаниями, фактически «взламывали» границы государств и регионов. Касательно тех реалий, которые имели место после распада СССР, необходимо признать, что они способствовали тому, что различные внешние акторы начали «различными путями ... поддерживать стремление» новых постсоветских государств «примкнуть» к центрам силы, расположенным за пределами Евразии [65, с. 25].

Совокупность объективных и субъективных причин привела к тому, что все государства Центральной Азии, начинают ориентироваться на развитие внешних связей преимущественно за пределами Евразии. Это «стало императивным условием недопущения развала их хозяйственных систем, источником снабжения населения товарами первой необходимости и оживления местного производства» [66, с. 112].

Ориентация на те или иные государства и регионы стимулировалась не только экономическими интересами, но и географической близостью и историко-культурными связями. Страны Центральной Азии стали рассматривать возможность развития связей с Китаем, Японией и Южной Кореей, а также со своими южными соседями.

За несколько дней до августовского путча 1991 г. главы правительств республик Средней Азии и Казахстана подписали соглашение о создании межреспубликанского «Консультативного совета по выработке единых подходов в решении общих проблем экономики республик Средней Азии и Казахстана»

[39, с. 148]. В ответ на «союз славянских государств», который, собственно говоря, и запустил финальный этап дезинтеграции СССР, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан приступили к созданию Центральноазиатского союза. Кроме того, взаимный интерес к углублению сотрудничества проявили тюркоязычные страны СНГ и Турция. Последняя реанимировала свою давнюю доктрину пантюркского союза. Со своей стороны, тюркоязычным странам импонировала светская модель турецкого государства и система его экономического развития. Анкара предложила свои посреднические услуги по встраиванию центральноазиатских стран в мирохозяйственные связи. Тем не менее, первая встреча глав тюркоязычных государств, прошедшая в октябре 1992 г. в Анкаре, выявила необоснованность региональных амбиций Турции. Лидеры центральноазиатских государств, прежде всего Казахстана и Узбекистана, не поддержали предложений Турции включить в итоговые документы тезисы о создании Общего рынка тюркских стран и Тюркского банка развития. В принятой по итогам саммита декларации в обтекаемых формулировках констатировались намерения сторон сотрудничать в сферах экономики, безопасности, культуры, образования, языка, борьбы с преступностью [67, с. 18-19].

В ноябре 1992 г. государства Центральной Азии, Азербайджан и Афганистан присоединились к Организации экономического сотрудничества (ОЭС), основанной Ираном, Пакистаном и Турцией в 1985 г. В феврале 1993 г. Совет министров ОЭС принял на встрече в Кветте (Пакистан) план действий на период до 2000 г. В Кветтском плане намечались основные задачи деятельности ОЭС на приоритетных направлениях, таких как транспорт и связь, торговля, энергетика, промышленность, сельское хозяйство, развитие человеческих ресурсов. Ставились и интеграционные по своему содержанию задачи устранения торговых барьеров, гармонизации процедур таможенного оформления транзитных товаров, объединения национальных электросетей [68, с. 78-83]. Причем речь шла не только об экономической интеграции, но и о восстановлении когда-то существовавшего цивилизационного единства

большой Центральной Азии [69; 70; 71]. В июле 1993 г. была принята Декларация о долгосрочных перспективах ОЭС, дополнившая перечень сфер сотрудничества культурой, наукой, охраной окружающей среды, развитием частного предпринимательства [68, с. 84-92].

Кроме того, исследователи обратили внимание и на тот факт, что одним из стимулов интеграции явилась религиозная общность центральноазиатских государств. В официальных документах, хотя и делался в основном упор на экономических проблемах, борьбе с наркотиками и развитии культурных связей, не отрицалась возможность совместного участия в решении политических проблем, в урегулировании конфликтов и в укреплении региональной стабильности [66, с. 139].

Исламская культура является одним из важнейших составляющих элементов культур стран Центральной Азии, а также России, где определенная часть населения всегда чувствовала себя не только узбеками или таджиками, татарами и адыгами и т.д., но и мусульманами [72, с. 127]. Кроме того, на основе исламских религиозных институтов традиционно выстраивались и социальные отношения. В критические моменты для многих народов Центральной Азии ислам становился интегральной частью идеологии борьбы за выживание.

С началом распада СССР наблюдается активизация исламского фактора [73, с. 248-259]. Очевиден факт присутствия исламского компонента в современных культурных, социальных и политических процессах Центральной Азии. Стали создаваться общественные и политические организации, которые записывали в свои программные документы ценности исламской религии. Они возникали и действовали вопреки воле официальной власти [73, с. 270]. Это явление можно считать также частью тех процессов, которые привели к распаду СССР. В этот период «возвращение» к исламу было проявлением идентичности переживающего кризис населения и вызовом исчерпавшей себя советской системе, построенной на материалистических принципах и исповедующей воинствующий атеизм. Легализация ислама и процесс

реисламизации начинается в самые последние годы существования Советского Союза.

Первоначально властные структуры Центральной Азии, хотя и с настороженностью, но терпимо относились к исламскому возрождению. Они стремились использовать его в политике нациостроительства и укрепления своей власти, ибо легализация исламской традиции «укрепляла национальное самосознание, стимулировала национальную идентичность» [74, с. 75-76].

Исламский ренессанс на постсоветском пространстве не является чем-то исключительным, а вписывается в общемировую тенденцию и представляет собой часть глобализации. Подобное, как уже отмечалось, в конце 1970-х – начале 1980-х годов происходило и на Ближнем Востоке [75, с. 17] и в других регионах мира [76]. Специалисты также констатировали, что отмеченное явление приобрело устойчивый характер [77]. Более того, распад СССР был воспринят в ряде исламских государств с оптимизмом: открывались новые возможности для продвижения исламских ценностей на новые территории, а главное – для возвращения в общий исламский мир целого ряда народов бывшего Советского Союза. Соответственно, была предложена помощь в нациостроительстве государствам Центральной Азии.

Со своей стороны, постсоветские национальные элиты увидели в этой помощи возможность для самоутверждения и решения ряда вопросов экономического развития. Ряд постсоветских государств, где большинство населения составляют мусульмане, вступил в Организацию Исламская конференция (ОИК). Следует отметить, что главной задачей ОИК является объединение и сплочение мусульман всего мира. Вступление в ОИК дало право Туркменистану, Азербайджану, Кыргызстану и Казахстану стать членами Исламского банка развития (ИБР). Например, Казахстану это дало возможность получить безвозмездную помощь для реализации двух проектов.

Возможности исламского возрождения в Евразии в процессах нациостроительства были сравнительно быстро исчерпаны. Во-первых, современные режимы не соглашались однозначно с условиями «исламской

помощи». Наблюдался конфликт между рядом исламских движений и официальной властью, которая увидела в активизации участия исламских религиозных институтов и деятелей в общественной и политической жизни своих стран возможность снижения своего политического авторитета в глазах населения. Общей стратегией всех государственных режимов стран ЦА стала нейтрализация исламского движения в его политическом качестве, особенно в экстремистской форме проявления [78, с. 95-105; 79, с. 80]. В определенной мере это было следствием их опасений, что реисламизация общественных отношений приведет к дестабилизации внутренней и международной обстановки подобно тому, как это произошло в ряде других стран Востока. И такая политика находила поддержку западных стран.

Первые шаги по интеграции исламских стран Центральной Азии в общий исламский мир показали, что это не способствует особенной внешней поддержке. В результате наступило определенное разочарование. Более того, в иерархии исламских стран государства ЦА стали не просто периферией, а новой и неполноценной периферией [79, с. 80]: как отмечал известный российский востоковед А.В. Малащенко, «занимаемое ими место ... сопоставимо с привычной для них ролью «младшего брата», которую они играли в СССР» [74, с. 77]. И они были не согласны с таким статусом теперь уже в системе международных отношений. Иначе говоря, реисламизация не способствовала преодолению кризиса идентичности, а усиливала его. Нельзя не учитывать и дезинтегрирующее воздействие внешнего исламского влияния как со стороны известных центров исламского мира, так и исламских международных организаций. Само по себе укрепление исламского самосознания способствует обособлению, то есть регионализации территорий исламской культуры. Особое беспокойство вызывали экстремистские исламские движения и деятельность их международных организаций.

Несмотря на центробежные процессы, сохранялись определенные возможности для сохранения целостности постсоветской подсистемы международных отношений. Во-первых, не произошел ее распад как

исторической общности. Во многом это определялось тем, что Россия сохранила роль полюса постсоветской подсистемы, а также тем, что через ее территорию проходили основные евразийские коммуникации регионального уровня. Уже с середины 1990-х годов Россия начала активизировать свою политику в Центральной Азии. Во-вторых, возникшие локальные интеграционные группировки сохранили свое региональное «лицо», то есть остались субкомплексами евразийской (постсоветской) подсистемы. Как отмечал С.С. Жильцов, «их появление и развитие в большей степени приближает страны Центральной Азии к реальной интеграции, превращая постсоветское пространство в мозаику отдельных блоков, в рамках которых страны региона пытаются остановить негативные тенденции» [65, с. 8]. В-третьих, в странах Центральной Азии политические и экономические элиты эксплуатировали внутриевразийские связи в своих интересах.

С середины 1990-х годов наступает время поиска форм экономического сотрудничества и развития интеграционных связей в рамках региона. Этот этап характеризовался нарастающей динамикой установления экономических связей каждого государства с ближайшими соседями. С одной стороны, независимые государства стремились взаимно обезопасить себя, как они считали, от попыток некоторых политических сил в России восстановить СССР. С другой – совместно решать ряд проблем внутреннего развития.

Усилия по развитию интеграции осуществлялись как по линии попыток укрепления СНГ в целом, так и по линии формирования его интеграционных ядер. Подписанный 24 сентября 1993 г. Договор о создании Экономического союза свидетельствовал, что страны СНГ не отказываются от интеграционного сотрудничества в рамках Содружества. По указанному Договору предполагалось, по сути, воссоздание общего экономического пространства Евразии, но уже на новых экономических и политических принципах. Были намечены следующие этапы интеграции: создание зоны свободной торговли; формирование таможенного союза; образование общего рынка со свободным

перемещением товаров и услуг, капиталов, а также рабочей силы; установление базирующегося на использовании национальных валют платежного союза.

Экономическая необходимость как стимул центральноазиатских стран к интеграции существовала, но на организационном уровне необходимо было создать соответствующую правовую базу. В апреле 1994 г. было подписано Соглашение о создании зоны свободной торговли – первый этап в реализации Договора о создании Экономического союза.

Ряд факторов сдерживал развитие интеграционных процессов. Так, противоречивую реакцию вызвала известная инициатива президента Казахстана Н. Назарбаева о создании Евразийского Союза (ЕАС), выдвинутая им в марте 1994 г. [80, с. 32-38] и представленная политической и научной общественности в форме различных публикаций и научных форумов [81, с. 18-25; 58, с. 25]. В частности, предложение о формировании наднациональных органов с целью координации экономической, оборонной и внешней политики, принятии обязательных для исполнения решений квалифицированным большинством в четыре пятых от общего числа государств-участников, создании парламента ЕАС, вызвало отрицательную реакцию в Узбекистане.

В официальных кругах России прохладно отнеслись к проекту ЕАС. Министр иностранных дел Казахстана К.-Ж. Токаев объяснил «прохладную реакцию официальной Москвы» на идею ЕАС «элементарной политической ревностью» [82, с. 61]. Очевидно, имелись в виду личность Б.Н. Ельцина и его амбиции. Но, по мнению внешнеполитического ведомства России, этот проект расшатал бы неокрепшую организацию СНГ. Как отмечал первый заместитель министра иностранных дел России И.С. Иванов, «в проекте создания ЕАС, ... с одной стороны, просматривается линия на дальнейшую интеграцию государств СНГ, с другой – ставится под угрозу его существование. Содружество уже сослужило неплохую службу всем своим государствам-участникам. При попытках создать что-то новое не нужно разрушать уже существующее, пока не исчерпан потенциал СНГ» [83, с. 103-104]. Позиция сводилась к тому, чтобы

убедить партнеров по СНГ не расплывать усилия и сконцентрировать их на реализации Договора о создании Экономического союза.

В то же время у российской политической элиты не было единства в отношении стратегии развития интеграционных процессов в Центральной Азии. Так, в начале 1990-х гг. ряд политиков считали, что необходимо сосредоточиться на решении внутренних проблем, дистанцироваться от других стран СНГ и развивать связи с западными государствами как основными инвесторами. Известно, что еще в декабре 1991 г., накануне встречи в Беловежской Пуще, советники рекомендовали Б.Н. Ельцину «отцепить вагоны» – освободиться от союзных республик [84]. Министр иностранных дел России А.В. Козырев считал целесообразным вообще избавиться министерство иностранных дел от ведения отношения со странами СНГ, создав для этого отдельное ведомство [85]. Руководители стран Центральной Азии, за исключением президента Кыргызстана А. Акаева, воспринимались частью российской политической элиты как консерваторы, союз с которыми опасен для демократических преобразований в России [86, с. 5].

В ряде аспектов проект ЕАС был схож с проектом Конфедеративного соглашения, предложенным ранее известным российским политиком С.М. Шахраем. Речь шла о создании нового, по сути, федеративного формирования, а также об учреждении «наднациональных органов в экономической, политической, военной и судебной сферах» [87, с. 15]. Со своей стороны, казахстанский политолог М.М. Таджин, комментируя проект ЕАС, подчеркнул, что необходим реалистический просчет разных вариантов интеграции: «Есть ясное понимание того, что финальных, итоговых, окончательных решений сейчас достигнуть невозможно. По сути, любой проект имеет или будет иметь промежуточный характер» [58, с. 25].

Анализ процессов, происходивших на центральноазиатском пространстве в первой половине 1990-х годов, показывает, что многие решения, принимаемые на высшем уровне, оказывались декларациями, не проводившимися в жизнь. Позиции сторон по актуальным проблемам

экономического взаимодействия, реально представленные политическими элитами, все чаще стали расходиться.

В результате оказались невыполненными большинство решений Совета глав государств, Совета глав правительств и других высоких инстанций. Договоры об Экономическом и Платежном союзах также не вышли за пределы рамочных, декларативных актов. Становилось очевидным, что перелома в экономическом развитии евразийским странам достичь не удалось и состояние сотрудничества в рамках СНГ не отвечает потребностям и потенциальным возможностям экономик его участников. Поэтому евразийские государства пришли к осознанию необходимости искать локальные варианты регионализации и создания интегративных организаций для преодоления экономического кризиса.

Фактором, повлиявшим на ускорение этого процесса, явился распад рублевой зоны, вызванный провалом в 1993 г. по вине правительства Е. Гайдара переговоров об объединении денежных систем России, Казахстана и Узбекистана. В результате исчезли надежды на создание единого экономического пространства в рамках бывшего Союза. Одновременно с введением странами региона национальных валют ослабли позиции России в Центральной Азии, резко сократился потенциал ее влияния.

Тяжелое экономическое и финансовое положение всех стран СНГ отрицательно влияло на состояние межреспубликанских отношений. Так, к 1996 г. у основных импортеров туркменского газа – Украины, Грузии и Армении – сформировалась значительная задолженность Туркменистану. Ужесточение российской внешнеэкономической политики заставляло государства стремиться к развитию двусторонних международных связей и созданию интеграционных структур субрегионального уровня.

В январе 1993 г. в Ташкенте на встрече глав государств и правительств стран Центральной Азии был предложен проект о налаживании взаимовыгодного сотрудничества на основе субрегиональной интеграции. Конкретным шагом по реализации этого проекта явилось подписание 30 апреля

1994 г. руководителями Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана Договора о создании Единого экономического пространства трех государств. Так был создан ЦАС, превратившийся в 1998 г., после присоединения к нему Таджикистана, в Союз четырех и получившее новое наименование – Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). В 1996 г. статус наблюдателя при ЦАЭС предоставлен России, в июне 1999 г. – Украине, Грузии и Турции. В июле 1994 г. главы государств-участников ЦАС создали Межгосударственный Совет, учредили Советы премьер-министров, министров иностранных дел и его рабочий орган – Исполком Межгоссовета, образовали Центральноазиатский банк сотрудничества и развития [39, с. 157]. В 1995-1997 гг. был создан трехсторонний миротворческий контингент – Центральноазиатский батальон (Центразбат), который предполагалось использовать в миротворческих операциях, санкционированных ООН [39, с. 159-164]. Был подписан ряд документов о развитии взаимовыгодных связей.

Однако принятые в рамках ЦАС и ЦАЭС программы и соглашения во многом оказались столь же декларативными, как и в СНГ. В Центральной Азии сохранилась проблема взаимных неплатежей и хронических недопоставок, что еще более сужало возможности внутреннего рынка, испытывающего дефицит товаров и капиталов. При этом часто сами государства Центральной Азии отдавали предпочтение связям с государствами дальнего зарубежья. Препятствовали интеграции территориальные, конфессионально-этнические противоречия, водные проблемы. Отдавая себе отчет в существующих проблемах, на саммите в июне 2000 г. в Душанбе главы государств разработали и утвердили план стратегического интеграционного развития до 2005 г., предусматривающий четыре этапа – создание зоны свободной торговли, создание таможенного союза, формирование платежного и валютного союзов, а также единого рынка труда и капитала. Как можно увидеть, интеграционная модель ЦАЭС в определенной степени была схожа с моделью интеграционной политики СНГ, что создавало условия для взаимодействия интеграционных

структур в перспективе. Была предпринята попытка перезапуска региональной военно-политической интеграции: в апреле 2000 г. в Ташкенте был подписан четырехсторонний Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности сторон [88].

В декабре 2001 г. в Ташкенте президенты четырех государств на базе и в развитие ЦАЭС создали Организацию «Центральноазиатское сотрудничество» (ОЦАС). Было заявлено о намерении расширить диапазон сотрудничества, особенно в сфере безопасности. В октябре 2004 г. на саммите ОЦАС Россия вступила в эту организацию и тем самым окончательно затвердила свое возвращение в Центральную Азию. Это свидетельствует о том, что Россия имеет особый статус в региональной подсистеме, который позволяет утверждать, что она в большей степени является частью центральноазиатского региона, чем внешней силой.

Указанная тенденция проявилась и в образовании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), созданного на базе и в развитие Таможенного союза Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана. В октябре 2000 г. в Астане на саммите стран-участниц Таможенного союза был подписан учредительный договор Сообщества. Он предполагал координируемые и совместные усилия по совершенствованию и реализации концепции Единого экономического пространства. Позднее главы государств-членов ЕврАзЭС еще раз подтвердили, что приоритетной задачей Сообщества является формирование полноценного таможенного союза и единого экономического пространства [89, с. 63]. Организационная структура ЕврАзЭС была в определенной степени схожа со структурой СНГ, однако органы Сообщества наделялись более существенными полномочиями.

По мнению известного российского политолога А.Д. Шутова, создание ЕврАзЭС было попыткой не просто упрочить связи между названными выше

государствами СНГ, но и простимулировать формирование интеграционного ядра в Евразии [90, с. 256].

Особое значение имеет принятое Межгоссоветом ЕврАзЭС решение о разработке Интеграционным комитетом ЕврАзЭС совместно с правительствами стран Сообщества механизма защиты внутренних рынков в условиях неприменения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер во взаимной торговле. Анализ концепции ЕврАзЭС дает возможность утверждать, что речь шла о попытках использовать опыт Европейского экономического сообщества. В 2005 г. состоялась слияние ЕврАзЭС с ОЦАС.

Следующим шагом в развитии интеграционных отношений стало инициированное российской стороной решение об образовании Белоруссией, Казахстаном, Россией и Украиной новой региональной организации с условным названием «Союз четырех» с целью реализации идеи «Единого экономического пространства». Тот факт, что в новое объединение вошла Украина – второе после России по своей национальной мощи государство – привлек внимание всех стран ближнего зарубежья и их западных соседей. Очевидно, что одни восприняли это с оптимизмом (например, Россия), а другие – нет. В случае реализации концепции ЕЭП с участием Украины процесс формирования интеграционного ядра вышел бы на новый уровень. При всех сложностях переговорного процесса можно было надеяться, что Украину через ЕЭП удастся подключить и к процессам, протекавшим в ЕврАзЭС. Тогдашний лидер оппозиции, а впоследствии президент Украины В.А. Ющенко неоднократно заявлял, что он не против экономической интеграции четырех стран, но возражает против интеграции в оборонной сфере и создания наднациональных структур [91].

Однако политический кризис в Украине в конце 2004 г., приведший к власти В.А. Ющенко, поставил крест на проекте ЕЭП. Перспектива создания ЕЭП с участием Украины, несомненно, не соответствовала внешнеполитической стратегии западных государств в отношении Украины, что может объяснить их высокую активность в поддержке лидера украинской

оппозиции, известного как проводника курса на вступление Украины в НАТО и Европейский Союз.

Ситуацию в Центральной Азии следует рассматривать с двух сторон. С одной стороны, у государств-участников СНГ есть совпадающие жизненно важные интересы и такие общие для них проблемы, как необходимость обеспечения безопасности, развития национальных экономик и интеграции в мировую экономику. С другой стороны, у каждого из государств Центральной Азии существуют специфические условия развития и имеются свои особые интересы. При этом последние не всегда рационально осознаются или порой, под воздействием националистических стереотипов, принимают иррациональный характер.

Поиск оптимальной, как представлялось политическим элитам стран Центральной Азии, стратегии национального развития и отношений на постсоветском пространстве вел к тому, что наряду с СНГ образовывались и другие интеграционные структуры, включавшие в себя ряд государств Содружества, например, Союзное Государство Белоруссии и России, ЕврАзЭС, ГУ(У)АМ и ОЦАС. Кроме того, государства СНГ заключали двух- и многосторонние политические, экономические и иные соглашения с целью защищать и реализовывать общие и совпадающие интересы. Например, это подписанный рядом государств СНГ Договор о коллективной безопасности, подписанный в 2002 г. Азербайджаном, Грузией, Молдовой и Украиной договор о создании зоны свободной торговли.

В то же время следует признать, что причинами образования указанных организаций и подписания локальных соглашений являются также и существующие разногласия между государствами региона и различное видение ими национальной безопасности и своего будущего.

Разные интересы или неумение их согласовать в рамках СНГ, а также активное внешнее воздействие ряда государств дальнего зарубежья приводят к тому, что, например, в 1997 г. Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия (позже присоединился Узбекистан, в 2005 г. вышедший из организации)

создали вне СНГ и без участия России особое объединение. Руководители стран-членов ГУУАМ, рассчитывая в основном на внешнюю помощь, поставили перед собой цель создать независимый от России транспортный коридор для транспортировки нефти в Европу.

Примечательно, что о совместном решении и об учреждении ГУУАМ главы государств-учредителей заявили за пределами территории СНГ – в Страсбурге (1997 г.) и Вашингтоне (1999 г.) соответственно. Основной задачей ГУУАМ являлась организация транспортного коридора Восток-Запад с целью доставки нефти основным потребителям энергоресурсов – странам Запада. Кроме отмеченной, ставились и другие задачи, связанные с разрешением внутренних конфликтов (карабахского, грузино-югоосетинского, грузино-абхазского, приднестровского), с борьбой с контрабандой наркотиков и организованной преступностью и с противодействием терроризму. В геополитическом плане ГУУАМ, как считают внешние наблюдатели, являлась наиболее проамериканской интеграционной структурой и наиболее дистанцировавшейся от России [92, с. 50] (хотя последняя имела в этой организации статус наблюдателя). Это определялось не только изначальной идеологией данной ассоциации, но и составом участников, то есть тем перечнем политических проблем, которые эти государства имели в своих отношениях с Россией [92, с. 53-60]. В то же время они понимали, что не могут пойти на полный разрыв своих отношений с Россией, и использовали внешний фактор как один из инструментов своей внешней политики.

Реанимации практически бездействовавшего в начале 2000-х гг. ГУУАМ способствовали «революция роз» в Грузии и смена власти в Украине. В мае 2006 г. на саммите в Киеве объединение получило новое название – Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ [93]. Был принят Устав Организации, создан ее постоянный секретариат. Обновленный ГУАМ призван был стать «демократической альтернативой» на постсоветском пространстве, способствовать углублению демократических процессов в Балто-Черноморско-Каспийском регионе.

Таким образом, в пространстве Евразии можно наблюдать как центробежные, так и центростремительные процессы.

Инерцию центробежным процессам в Евразии задал распад СССР. Подписание рядом бывших советских республик соглашения об образовании Содружества Независимых Государств не остановило центробежные процессы, хотя создало определенные условия для сохранения еще существовавших связей между бывшими республиками СССР и политические условия для их развития, но уже на новой политической и экономической основе.

Исследователи считают, что развитию интеграции государств на постсоветском пространстве препятствуют объективные факторы:

- несовпадающие степень и темпы рыночных преобразований этих стран и, как следствие, несогласованность действий;
- значительный разрыв в стоимости рабочей силы, в налогах, таможенных платежах и др. между Россией и другими странами;
- существующая конкуренция между этими странами и между субъектами их рынков, чему способствует их включение в мирохозяйственные связи в первую очередь в качестве поставщиков сырья;
- деградация обрабатывающей промышленности, особенно ее высокотехнологичных секторов, объективно сужает потребность в промышленной кооперации;
- экономические проблемы, острая потребность в инвестициях, и просто несогласованность действий ведут к тому, что новые независимые государства в своих внешнеэкономических стратегиях отдают предпочтение западным и другим странам дальнего зарубежья вопреки взятым на себя договорным обязательствам в рамках союзов;
- открывая таможенные границы, такие страны как Россия, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан могут столкнуться с реэкспортом нефти и другого сырья в другие страны;
- наличие неурегулированных территориальных вопросов, внутренних конфликтов;

- существует внешние и внутренние силы, стремящиеся прямо или косвенно противодействовать интеграционным процессам.

Предпосылками развития интеграционных связей новых независимых государств и активизации центростремительных процессов являются:

- сохраняющаяся региональная целостность по отношению к внешнему миру и внутрирегиональные политические, экономические, социетальные связи;

- заинтересованность в сохранении рынков сбыта своей продукции в этих странах, особенно рынков сбыта продукции обрабатывающей и легкой промышленности;

- зависимость ряда государств от поставок необходимого им сырья;

- единая транспортная инфраструктура, которая связывает их между собой и государствами дальнего зарубежья, а главное – с мировыми рынками;

- общие опасности: угрозы международного терроризма, криминальный бизнес, распространение наркотиков.

В настоящее время нельзя однозначно утверждать, что возобладала центростремительная тенденция или центробежная тенденция исчерпала свой потенциал. Любая смена политических элит или политический кризис в той или иной стране Центральной Азии, возможные влияния иностранных держав (например, появление военных баз США, и их союзников по НАТО в Центральной Азии) автоматически ставят вопрос о будущем геополитическом курсе ряда государств региона. Прежде всего, речь идет об их отношениях с Россией как полюсе постсоветской (евразийской) подсистемы, а также о геополитических предпочтениях экономических, политических элит и высшего руководства стран. Безусловно, активизация связей с внешними центрами силы в ущерб отношениям с Россией создает определенные сложности в международных процессах и не способствует развитию сотрудничества и взаимодействия его государств-участников.

Следует еще раз подчеркнуть, что у евразийских стран существует разная степень заинтересованности в интеграции и готовности, способности к ней, что

является и одной из причин сложностей реализации деклараций СНГ. Уже в середине 1990-х гг. стало ясно, что нужны новые подходы и новые интеграционные технологии.

Поиск новых интеграционных технологий включает в себя как стремление определить недостатки и просчеты базовых соглашений между странами региона, так и попытки найти более выгодные направления интеграции, что, к сожалению, реально стимулировало развитие и определенных центробежных тенденций.

Тем не менее, обозначилась и новая тенденция в сотрудничестве стран постсоветского пространства, получившая название «поэтапной и постепенной», «разноскоростной и разноуровневой интеграции» [94]. Концепция интеграции «разных скоростей» была обусловлена разным уровнем социально-экономического развития государств, несовпадением их геополитических интересов, спецификой социокультурных и ценностных предпочтений основных социальных групп в той или иной стране.

Концепция разноскоростной интеграции, конечно, предполагала не только темпы объединения, но и их различные «гибкие» формы.

Безусловно, образование ЦАЭС / ОЦАС, ЕврАзЭС, Союзного Государства России и Белоруссии и других объединений не могло моментально снять существующие противоречия между государствами в рамках СНГ и, тем более, полностью переломить ситуацию с существованием в рамках Содружества разнонаправленных геополитических векторов национального развития. Например, применительно к Узбекистану специалисты отмечают, что со второй половины 1990-х годов Ташкент взял курс на преимущественное развитие сотрудничества с США и активное развитие связи с Германией, Южной Кореей и Японией [95, с. 85].

С началом проведения антитеррористической операции в Афганистане взаимодействие Ташкента с Вашингтоном и его европейскими союзниками (в том числе военно-технического характера) еще более укрепилось. Это

наблюдалось и в других странах региона – Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане [95, с. 86].

Двух- и многосторонние связи (взаимосвязи) евразийских государств в середине 2000-х гг. можно представить на такой обобщенной схеме:

На этой схеме увеличение взаимозависимости двух стран СНГ изображено путем их объединения сплошной линией с прямыми и обратными стрелками. Например, увеличение взаимозависимости экономики России и Казахстана за 1990-1998 гг. способствовало тому, что в структуре торговли России со странами СНГ удельный вес Казахстана поднялся с 10,5% в 1990 г. до 15,2% в 1998 г. Одновременно доля России в аналогичных торговых связях Казахстана возросла с 60,7% в 1990 г. до 78,4% в 1998 г. Сходная тенденция наблюдается у России и Белоруссии, Узбекистана и Таджикистана, Туркменистана и Армении и т.д. [Рассчитано по: 96, с. 149; 97, с. 64-65].

Одновременно в схеме с помощью комбинированных – сплошных и пунктирных – прямых отображено увеличение односторонней зависимости стран от их торговых партнеров. Например, Кыргызстана от Казахстана. В торговле Кыргызстана со странами СНГ доля Казахстана возросла с 11,6% в

1990 г. до 24,0% в 1998 г. А в хозяйственных связях Казахстана удельный вес Кыргызстана, напротив, снизился с 2,8% в 1990 г. до 2,7% в 1998 г.

С позиций стран Центральной Азии и Закавказья в экономическом пространстве СНГ с помощью представленной схемы можно выделить следующие особенности.

Во-первых, это ослабление взаимозависимости России, системообразующего государства постсоветской подсистемы, и стран Центральной Азии, за исключением Казахстана.

Во-вторых, ослабление зависимости Казахстана от стран Центральной Азии, несмотря на увеличение односторонней зависимости от него Туркменистана, Узбекистана и Кыргызстана.

В-третьих, усиление взаимозависимости стран Центральной Азии (Туркменистана и Таджикистана, Таджикистана и Узбекистана, Узбекистана и Кыргызстана), а также стран Кавказа и Центральной Азии (Грузии, Азербайджана и Армении, с одной стороны, и Туркменистана – с другой).

В геоэкономическом отношении государства региона составляют следующие кластеры (в данном случае речь не идет об организациях):

- северно-широтный (Россия и Казахстан) с выходом на юго-восток (Кыргызстан и Таджикистан);
- южно-широтный (Туркменистан. Узбекистан);
- юго-восточный (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан).

Таким образом, можно говорить о выделении трех специфических регионов в экономическом пространстве, т.е. о его региональной структуризации. На основе экономических взаимосвязей формируется противоречивый по своему характеру и политизированный процесс организационного оформления региональных объединений.

Выводы. Для того чтобы интеграционные процессы в Евразии имели центростремительный вектор, необходимо, придерживаясь принципов суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга, во-первых, продолжать разноскоростное и разноформатное движение по пути интеграции.

Во-вторых, цели, задачи и интересы государств Центральной Азии следует соотносить с глобальными тенденциями развития. В-третьих, этим же тенденциям должны соответствовать региональные международные организации Евразии. В-четвертых, для успешного осуществления региональных проектов нужен учет различий в уровнях хозяйственного развития стран региона, в степени их готовности к интеграционным мероприятиям.

Как представляется, интеграционная политика в центральноазиатском регионе не должна форсироваться в направлении растворения национального государства в региональной общности. Как показывает практика, это однозначно воспринимается настороженно и болезненно политическими и экономическими элитами. Сохранение национальных государств как субъектов международных отношений представляется одним из основных факторов стабильности самой региональной системы.

Только соблюдение названных условий способно внести вклад в решение задачи выравнивания уровней развития стран Центральной Азии, что будет способствовать достижению их совокупной самодостаточности.

2.2. Геополитические векторы интеграционных процессов в Центральной Азии

Совокупность объективных процессов и субъективных действий оказывает свое влияние на формирование геополитических координат Евразии и ее региональных процессов. Пространство Центральной Азии является объектом внимания и действий различных акторов мировой политики. Их внимание можно объяснить как объективными, так и субъективными причинами – интересами этих акторов и интересами государств Центральной Азии.

Объективными причинами являются:

- динамика мирового баланса сил;
- трансформации региональных подсистем международных отношений и взаимосвязей между ними;
- динамика процессов глобализации и регионализации;
- исторические связи евразийских периферий с соседними регионами, странами и народами.

Субъективные причины – это интересы субъектов мировой и региональной политики и экономики.

Изначально можно было ожидать, что распад сверхдержавы вызовет нарушение устойчивости системы международных отношений – изменение мирового геополитического баланса сил и балансов сил в региональных подсистемах, составляющих пространство Евразии. Это простимулирует процесс заполнения геополитического вакуума в Евразии субъектами мировой и региональной политики как способ восстановления устойчивости мировой международной системы. В свою очередь, глобализация и регионализация интеграционных процессов предопределили втягивание в эти процессы самой Евразии. Вполне закономерно восстановление исторических и культурных связей евразийских периферий с соседними регионами, странами и народами.

Центральная Азия в стратегии США. Внешняя политика США как единственной мировой сверхдержавы имеет свою специфику. Масштабы деятельности этого государства выходят далеко за рамки сугубо его национальных интересов в их классическом понимании и распространяются на все мировое пространство. И, по большому счету, центральноазиатская политика США не определяется непосредственной ситуацией в Центральной Азии, а является региональной проекцией курса на глобальное лидерство.

Свой глобальный статус США обеспечивают сложной системой союзов и коалиций, включающих непосредственных союзников, союзников де факто и квази-нейтральных стран, тесно связанных экономически и политически, разветвленной архитектурой международных институтов (МВФ, Всемирный

банк, ВТО, Парижский и Лондонский клубы и т.д.), позволяющей оказывать многоуровневое воздействие на всю мировую систему [98, с. 32].

В феврале 1995 г. Белый дом опубликовал стратегию национальной безопасности - «Стратегию вовлечения и расширения» [99]. В этой концепции была поставлена задача безусловного сохранения лидерства США в мире, то есть фактически консолидации однополярной системы международных отношений. В то же время в идеологическом плане речь шла о распространении демократии и участии США в создании демократических институтов и формировании рыночной экономики по всему миру. Причем последнее рассматривается в рамках национальных интересов США: «... тенденция к установлению демократии и рыночной экономики повсюду в мире соответствует продвижению американских интересов. Соединенные Штаты должны поддерживать эту тенденцию путем активной вовлеченности в мировые дела. Это та стратегия, которая выведет нас в новое столетие» [100, с. 2].

В указанном документе упоминаются государства и регионы Евразии как объект глобальной политики США. Как можно судить по упомянутому и другим документам и источникам, евразийская политика имеет следующие цели:

- не допустить восстановления на пространстве Евразии сверхдержавы в любой форме;
- не допустить возможности доминирования России в Евразии;
- не допустить доминирования в Евразии Китая и любой другой державы, а также какого-либо международного союза, организации;
- противодействовать проникновению в регион исламистских экстремистских сил;
- способствовать формированию и становлению институтов демократии в евразийских государствах;
- не допустить появления (или нейтрализация) в Евразии какой-либо силы, способной создать угрозу США и ее союзникам;

- способствовать становлению в регионе рыночной экономики и инфраструктуры;

- создание инфраструктуры и транспортного коридора для альтернативных Ближнему и Среднему Востоку поставок нефти и газа.

Вашингтон, следуя традиции внешнеполитической школы «реальной политики», стремится создать такую систему международных отношений в Евразии, такой баланс сил, который давал бы им возможность вмешиваться прямо или опосредованно во внутренние региональные процессы. В геополитическом отношении США охватывают всю Евразию через систему союзов и военных баз. Их непосредственное присутствие в соседних регионах имеет определенную историческую традицию. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому вниманию, с которым Вашингтон наблюдает за процессами в Евразии и активно участвует в этих процессах.

В целом же евразийская политика США в явной или скрытой форме противодействует интеграционным процессам в постсоветской подсистеме международных отношений. И здесь используются различные технологии. В одних случаях речь шла о «поддержке реформ и демократии». В других – Вашингтон выступал в роли главного гаранта суверенитета молодых независимых государств. Например, в целом ряде соглашений с центральноазиатскими государствами США зафиксировали, что будут поддерживать суверенитет, независимость и территориальную целостность молодых режимов. Кроме того, Вашингтон устами своих официальных лиц, например, госсекретаря М. Олбрайт, неоднократно заявлял, что он выступает против любых привилегий и сфер влияния какого-либо государства вне их собственных границ [101, 241].

Продвижение американских компаний в богатые нефтью, газом, золотом и другими сырьевыми запасами государства Центральной Азии и бассейн Каспия определенно связано с национальными интересами США. Но помимо прочего это очень похоже на ту политику, которую Вашингтон проводил в странах Третьего мира. Применительно к Евразии, речь идет о поддержании тех

режимов и той политики, которые проявляют лояльность к названным выше целям США. Официальный Вашингтон продолжает развивать связи не только экономического, но и политического и военного характера, ибо они способствуют реализации стратегических интересов США.

Геополитические цели внешней политики США в Евразии теснейшим образом переплетаются с их целями в сфере экономики. В данном случае ставится задача максимального освоения богатых сырьевых ресурсов постсоветского пространства. Такое направление политики США объясняется не столько их целенаправленным устремлением превратить государства Содружества буквально в сырьевой придаток Запада, сколько потребительской сущностью западной цивилизации и ее лидера – США.

Для американцев высокий уровень жизни и потребления является нормой их существования. Гипотетически потенциальное снижение привычного высокого уровня потребления в западных государствах из-за нехватки и ограниченности мировых природно-сырьевых ресурсов и изменение образа жизни чревато их социально-политической дестабилизацией. В первую очередь по этой причине Вашингтон проводит активную политику по поддержке поиска и освоения американскими компаниями новых или ранее недоступных месторождений по всему миру. В 1990-е – 2000-е гг. основной упор делался на нефть и газ, в начале 2020-х гг. – также на уран и редкоземельные металлы.

Вашингтон в первую очередь стремился ослабить зависимость мирового рынка нефти от нестабильного региона Ближнего Востока, переориентировать основные направления импорта на Мексику и Канаду, с одной стороны, и на регион Каспийского моря – с другой. Обеспечение энергетической безопасности США в числе прочего за счет Каспия обосновывалось так: «Каспийский бассейн с потенциальными запасами нефти в 200 млрд. баррелей также может играть все более важную роль в удовлетворении растущего мирового спроса на энергоресурсы В предстоящие десятилетия» [100, с. 23].

При разработке и освоении углеводородных запасов прикаспийского региона и Каспийского моря официальный Вашингтон придерживался

концепции «множественности» трубопроводных маршрутов для перекачки каспийской нефти на мировые рынки. Делалось это с целью усиления экономической независимости прикаспийских государств СНГ от России, поскольку в 1990-е – начале 2000-х гг. они вынуждены были транспортировать свою нефть в Европу в основном через российскую территорию. Такая позиция США находила активную поддержку руководства Казахстана, Туркменистана, Азербайджана, Грузии и Турции.

Из своих стратегических соображений Вашингтон декларировал заинтересованность в стабильности Евразии и ее субрегионов, что официально формулировалось следующим образом: «Стабильные и процветающие Кавказ и Средняя Азия помогут обеспечить устойчивость и безопасность на пространстве от Средиземного моря до Китая и облегчить быстрое освоение и транспортировку на международные рынки большой каспийской нефти и газа с существенным коммерческим участием США. В то время как государства региона продвинулись в обеспечении суверенитета, стабильности, процветания и прочного положения на международной арене, многое еще должно быть осуществлено, в частности урегулирование региональных конфликтов» [100, с. 23].

Не только активная политика и дипломатия США определяла их присутствие в Евразии. Государства региона в определенной степени проявляли заинтересованность в присутствии США в своих странах. Ряд фракций политических и экономических элит стран Центральной Азии активно поощрял и поощряет энергичное проникновение американских сырьевых компаний в их государства. Среди них Казахстан, и Узбекистан – постсоветские государства, наиболее богатые после России природными ресурсами. Помимо экономических они преследуют и политические цели. Таким путем они пытаются укрепить собственную власть и суверенитет своих государств перед лицом России.

В то же время после распада СССР Вашингтон поставил перед своей дипломатией задачу, в первую очередь, «ослабить угрозу своей безопасности и

не допустить появления новых ядерных государств в лице тех, кто унаследовал ядерное оружие бывшего СССР» [102, с. 644]. Внимание США привлек Казахстан, на территории которого осталось стратегическое ракетно-ядерное оружие бывшего СССР.

При том, что Вашингтон был заинтересован в дистанцировании постсоветских государств от России, США не желали дистанцирования России от Запада или ее изоляции, видя в этом условие безопасности своей страны и своих союзников. Напротив, они рассматривали Россию как младшего, подчиненного, партнера, в том числе в Европе [103, с. 6-14]. На уровне декларации это звучало так: «Европейская стабильность жизненно важна для нашей безопасности. Наша цель состоит в завершении создания действительно интегрированной, демократической и безопасной Европы с демократической Россией в качестве полноправного участника» [103, с. 21].

Определенным шагом США по реализации этого принципа было подписание в Париже в мае 1997 г. Основополагающего акта Россия-НАТО. Важной мерой также стало создание в соответствии с ним в качестве механизма двустороннего взаимодействия Совместного постоянного совета. Следующим шагом было создание известной «двадцатки».

США непосредственно и с помощью НАТО осуществляли свое продвижение в глубины евразийского региона – в Центральную Азию как в рамках двусторонних отношений, так и в рамках программы «Партнерство ради мира», а позднее в рамках антитеррористической операции в Афганистане. Присутствие США в государствах региона стало вполне реальным и в том плане, что они открыли свои военные и военно-технические базы в Узбекистане и в Кыргызстане.

Курс США на продвижение НАТО на Восток не сводился только к закреплению своих геополитических позиций в Евразии и антитеррористической деятельности. Вашингтон, активизируя восточный вектор политики НАТО, фактически поставил задачу установления нового

миропорядка [98, с. 11]. Военная операция в Ираке явилась тому подтверждением.

Следует констатировать, что в 1990-е – начале 2000-х гг. США удалось добиться значительных успехов в укреплении своего влияния в Центральной Азии. В этом плане они потеснили Россию и ограничили амбиции Китая и Ирана. В то же время неверным было бы считать, что США буквально взяли в то время курс на тотальное вытеснение России. Вашингтон понимал, что России исторически суждено не просто сохранять свое присутствие в бывших союзных республиках, но и быть гарантом стабильности в отдельных евразийских странах [104, с. 101-102, 122-150]. Збигнев Бжезинский, который был известен своей антипатией к России, все же считал, что «исключение России из Центральной Азии в равной степени нежелательно и неосуществимо» [105, с. 178-179].

С другой стороны, опыт антитеррористической операции в Афганистане и войны в Ираке свидетельствовал о том, что США не под силу одним решать все проблемы безопасности. И они это осознавали, поэтому стремились получить поддержку других государств, в том числе России. В то же время американская политическая элита сознавала, что сближение Москвы и Пекина противоречило интересам США, поскольку именно эти две державы вполне могли бы стать серьезным противовесом США не только в Центральной Азии и АТР, но и в глобальном масштабе.

К концу 1990-х – началу 2000-х гг. сформировались многоаспектные интересы США в Центральной Азии, охватывающие экономику, в первую очередь энергетику (включая нефтегазовые отрасли стран региона и транспортировку энергоресурсов), политическую, военно-стратегическую и другие сферы. Но рассматривать их по отдельности, как представляется, было бы не совсем верно. Все эти интересы, в сущности, являлись составными частями единой геополитической цели, предусматривавшей окончательное закрепление США в этом районе.

Для Соединенных Штатов, державы с амбициями единоличного мирового лидера, Центральная Азия – исключительно привлекательный район. Контроль над этим районом, располагающимся в центре Евразии, позволял бы активно влиять на процессы во многих беспокоящих США или потенциально опасных для них районах Евразии (Китай, Индия и Пакистан, Россия, Иран). Так, например, если бы США окончательно закрепились в Центральной Азии, это практически полностью сняло бы их опасения относительно возможного возрождения Российской империи на южном направлении.

Формы достижения Соединенными Штатами этой цели достаточно традиционны: проникновение в экономику стран Центральной Азии, установление контроля над их финансовыми системами и влияние на них, целенаправленная гуманитарная и военная помощь, кадровая политика (формирование проамерикански настроенной прослойки в органах власти, экономике, политике, силовых структурах, культуре и других областях, лоббирование и продвижение нужных кандидатов и т.п.), военное присутствие в тех или иных формах.

Оценивая влияние военного присутствия США и других стран НАТО в отдельных странах Центральной Азии, развёрнутое в конце 2001 – начале 2002 гг., необходимо, как представляется, исходить из следующего.

Во-первых, прежде всего, надо учитывать, что американское и натовское военное присутствие явилось одним из важных факторов, определявших и политическую, и военно-стратегическую составляющие общей ситуации в Центральной Азии. С другой стороны, оно являлось составной частью общего комплексного и целенаправленного процесса усиления западного влияния в Центральной Азии. Важной, но далеко не главной его частью. Этот процесс охватывал и экономику, и политику стран Центральной Азии, к тому же в этих сферах он был более продвинут, чем в военной.

Само руководство стран Центральной Азии занимало в отношении пребывания войск США и других стран НАТО на своей территории первоначально благожелательную позицию. Так, президент Узбекистана

И. Каримов считал, что американцы должны оставаться в Центральной Азии столько, «сколько нужно, чтобы навести стабильность, обеспечить мир в Афганистане». Американский политолог Збигнев Бжезинский утверждал, в частности, что американское присутствие в Центральной Азии, «которое также включает и военную сферу, определенно будет возрастать, потому что государства Центральной Азии не хотят, чтобы в их регионе доминировали Россия или Китай».

Однако, как показали события 2000-х гг., администрация США переоценила прочность своих позиций в Центральной Азии и недооценила достигнутую странами региона способность проводить самостоятельный внешнеполитический курс, используя, в том числе, возможности балансирования между великими державами и потенциал действующих в Евразии интеграционных объединений и форматов многостороннего сотрудничества. Подавление узбекскими властями в мае 2005 г. мятежа в Андижане было воспринято Вашингтоном как возможность резко усилить свое влияние в Узбекистане. США потребовали независимого международного расследования андижанских событий. Ташкент отреагировал категорическим отказом и обвинил Вашингтон в сопричастности к действиям зачинщиков мятежа в Андижане. 28 июля 2005 г. США организовали переброску группы андижанских беженцев, среди которых были лица, разыскиваемые узбекскими правоохранительными органами, с юга Кыргызстана в Румынию [106, р. 104-106]. На следующий день Ташкент известил посольство США о необходимости прекратить в течение полугода использование американскими военными авиабазы в Узбекистане. В ноябре 2005 г. американские военные покинули страну. Россия и КНР оказали Узбекистану безоговорочную политико-дипломатическую поддержку, закрепившись в качестве ключевых внешнеполитических партнеров Ташкента.

Фактический разрыв многообещающего стратегического партнерства с Узбекистаном означал кризис американской политики в Центральной Азии. В конце 2005 – начале 2006 гг. администрация США сформулировала новую

концепцию политики в регионе. В апреле 2006 г. госдепартамент США заявил, что «содействие региональной экономической интеграции», параллельно с защитой интересов США в сфере безопасности и поддержкой демократических и рыночных преобразований, становится одной из задач центральноазиатской политики США [107]. Американская трактовка термина «интеграция» оказалась весьма специфической. Под интеграцией подразумевалось развитие «трансграничных экономических связей» между Центральной и Южной Азией, опирающееся на приписанную Афганистану роль моста, связующего два региона [107]. Фактически США выдвинули в качестве цели создание альтернативы интеграционным процессам, инициированным в Центральной Азии Россией, подрыв позиций КНР в регионе и содействие формированию сверхкомплекса, объединяющего еще только формирующуюся центральноазиатскую и южноазиатскую региональные подсистемы. В этом сверхкомплексе США, контролируя Афганистан и тесно взаимодействуя с Индией и Пакистаном, рассчитывали на существенное, а то и доминирующее, влияние. При этом интеграция с Южной Азией и консолидация суверенитета центральноазиатских стран виделись из Вашингтона взаимообусловленными процессами; как заявлял куратор центральноазиатской политики в госдепартаменте, «больше выбора» – «больше возможностей и, значит, больше независимости» [108].

Новая доктрина вызвала отрицательную реакцию в Москве и Пекине, но ее реализация почти сразу же споткнулась об афганские реалии. С лета 2006 г. афганский конфликт вступил в фазу активизации сопротивления талибов силам США и их союзников, а с 2007 г. началось наращивание американского контингента в стране. На практике стимулирование экономического взаимодействия между Центральной и Южной Азией свелось к финансированию проекта строительства моста через Пяндж и разработке технико-экономического обоснования поставок электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан. Произошла структурная перегруппировка в госдепартаменте, где страны Центральной Азии были

переданы из сферы ответственности Бюро по европейским и евразийским делам в сферу ответственности новосозданного Бюро по южноазиатским и центральноазиатским делам.

Администрация Б. Обамы была вынуждена пойти на резкое увеличение американского контингента в Афганистане. В декабре 2009 г. были объявлены цели политики новой администрации в Центральной Азии, оказавшиеся вполне традиционными: обеспечение со стороны государств региона поддержки действий США и их союзников в Афганистане, «развитие и диверсификация энергетических ресурсов региона и путей их транспортировки», содействие «политической либерализации» и развитию «конкурентоспособной рыночной экономики» в странах региона [109]. Тезис о центрально-южноазиатской интеграции не вошел в список, но госдепартамент США подтвердил, что на долгосрочную перспективу эта задача сохраняет силу [110]. На практике администрация Обамы сосредоточилась на постепенном восстановлении отношений с Узбекистаном и дальнейшем укреплении позиций американского бизнеса в Казахстане. Кыргызстан, настоявший на закрытии в 2014 г. американской базы (Центра транзитных перевозок) в Манасе, стал представлять интерес для США в первую очередь в силу сложившегося благоприятного политического и правового климата для деятельности неправительственных организаций. В 2015 г. был учрежден многосторонний формат диалога «США – Центральная Азия» («C5+1»).

Администрация Д. Трампа в феврале 2020 г. приняла Стратегию политики в Центральной Азии до 2025 г., ставшую первым в истории программным документом, посвященным непосредственно центральноазиатскому региону. В перечне целей американской политики на первое место вновь была вынесена «поддержка и усиление суверенитета и независимости центральноазиатских государств» – с важным уточнением, «индивидуально и как региона», за которыми последовали «сокращение террористических угроз» и поддержка стабильности в Афганистане. Поддержка «связанности» Центральной Азии и Афганистана вновь оказалась в списке, хотя и без риторики о межрегиональной

«интеграции» [111]. Визит госсекретаря США М. Помпео в Казахстан и Узбекистан в феврале 2020 г. был ознаменован всплеском антикитайских заявлений. Администрация Трампа ясно просигнализировала странам Центральной Азии, что именно КНР несет, по оценке Вашингтона, главную угрозу их независимости и суверенитету.

В условиях украинского кризиса американская политика в Центральной Азии приобрела откровенно антироссийский характер. Основной целью политики администрации Дж. Байдена в регионе является подрыв позиций России в Центральной Азии, блокирование и демонтаж российских интеграционных проектов в регионе, деструкция двусторонних отношений России с ее центральноазиатскими партнерами. При этом, однако, США не могут позволить себе игнорировать усиление региональных позиций КНР, рассматриваемой Соединенными Штатами в качестве наиболее опасного и перспективного противника. Борьба с китайским влиянием в регионе является, в среднесрочном горизонте планирования, столь же, если не более, существенным императивом, как и борьба с влиянием России.

В «Стратегии национальной безопасности США», принятой в октябре 2022 г., ставятся задачи продолжения «поддержки независимости, суверенитета и территориальной целостности» государств Центральной Азии», «устойчивости и демократического развития стран региона, их адаптации к изменению климата, содействию «интеграции в регионе», его «связанности с глобальными рынками», энергетической и продовольственной безопасности. Тематика интеграции вновь зазвучала в американских документах, но теперь уже это внутрирегиональная интеграция, а не интеграция с Южной Азией (говорить о которой было бы по меньшей мере странно после ухода США из Афганистана в августе 2021 г.). Неслучайно в стратегии администрации Байдена Центральная Азия оказалась в разделе «Европа», а Южная Азия – в разделе «Индо-Тихоокеанский регион» [112]. Фактически администрация США объявила курс на противопоставление центральноазиатской и евразийской интеграции.

Региональная интеграционная группировка должна, по замыслу Вашингтона, стать инструментом ограничения влияния России и Китая в Центральной Азии.

Китайский фактор в Центральной Азии. Присутствие Китая в Евразии определяется рядом факторов. Нынешние российские территории – Южная Сибирь и Дальний Восток – исторически были не только сферой интересов Китая, но и считались им потерянными, отторгнутыми от него. То же самое следует сказать о Центральной Азии. В процессе своего расширения Китаю удалось присоединить к себе часть большой Центральной Азии – Восточный Туркестан. В целом же китайские правители стали претендовать на другие территории Центральной Азии, вплоть до озера Балхаш [113, с. 282-284]. В 1960-1970-е годы в Китае активно обсуждали вопрос о «неравноправных» договорах (имелись в виду договоры с Российской империей о границах) [114, с. 407; 115, с. 114-127]. Отголоски территориальных споров мы можем зафиксировать и в российско-китайском соглашении 2005 г. по разграничению островов на реке Амур.

Следует учитывать особую экономическую заинтересованность Китая в Евразии после распада СССР, который по времени совпал с бурным экономическим ростом восточного соседа. При этом Китай стал рассматривать Евразию не только как открывающийся перспективный рынок, но и как плацдарм для продвижения дальше на запад. Утверждаясь в Евразии, Китай однозначно рассчитывает повысить свой статус в мировой политике. И в этом плане его политику на постсоветском пространстве, как и политику США, следует рассматривать в контексте мировых процессов, в частности развернувшегося в 2010-е - начале 2020-х гг. соперничества Китая и США.

Целый ряд специалистов отмечают «феноменальный» экономический рост Китая. В то же время «вступление КНР в ряды экономических супердержав», по мнению А.Д. Воскресенского, действительно может поставить под вопрос существующий мировой экономический порядок хотя бы потому, что Китай всегда был стороной, страдавшей от структурно-экономического лидерства Запада и никогда не скрывавшей своего недовольства прошлым и настоящим

положением дел» [116, с. 25]. Особое внимание Пекин обращает на соседние территории и регионы. Как известно, Китай имеет общую границу с Россией, Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном.

В отношении центральноазиатских государств Пекин стремится приобрести де-факто «особое положение» в Центральной Азии [116, с. 26], считает это исторически закономерным.

В обобщенном виде исходные принципы политики КНР на центральноазиатском направлении можно представить так:

- установление добрососедских дружественных отношений и мирное сосуществование; развертывание взаимовыгодного сотрудничества, содействие совместному процветанию;

- государства Центральной Азии подтверждают право самостоятельно выбирать свой общественный строй, концепцию ценностей и путь развития, отвечающие их национальным условиям; Китай поддерживает усилия государств региона, направленные на отстаивание самостоятельности и суверенитета;

- Китай будет всемерно содействовать миру и стабильности в регионе;

- отношения Китая с центральноазиатскими государствами не направлены против какой-либо третьей страны;

- Китай приветствует то, чтобы центральноазиатские государства жили в согласии и развивали дружественные отношения со всеми странами, в том числе с Россией и другими странами СНГ [117, 19].

«Особая» политика в Центральной Азии не исключает сотрудничества с Россией и учитывает ее интересы в регионе. По ряду позиций интересы Китая, России и центральноазиатских государств совпадают. Осознание этого факта приводит к тому, что первым шагом явилось желание урегулировать проблемы, доставшиеся России и центральноазиатским государствам от советско-китайских отношений. Так, в 1996 г. в Шанхае с целью урегулирования существующих приграничных проблем Казахстаном, Кыргызстаном, Китаем, Россией и Таджикистаном было подписано Соглашение об укреплении мер

доверия в военной области в районе границы. Это соглашение положило начало образованию так называемой «Шанхайской пятерки». В 1997 г в Москве было подписано Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе общих границ. Эти два соглашения стали основой для военной разрядки и политической кооперации в Центральной Азии с участием России и Китая. На саммите «Шанхайской пятерки» в Алматы в 1998 г. стороны подчеркнули, что не допустят использования своих территорий «для организации деятельности, наносящей ущерб государственному суверенитету, безопасности и общественному порядку какого-либо из пяти государств». В 1999 г. в Бишкеке на встрече «пятерки» речь шла уже о расширении многостороннего регионального диалога по укреплению безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. В подписанной сторонами Декларации были обозначены угрозы региональной стабильности, с которыми участники «Шанхайской пятерки» намерены бороться совместно: международный терроризм, контрабанда оружия, проявление национального сепаратизма и религиозного экстремизма.

В последующем в рамках «шанхайской пятерки», наряду с вопросами безопасности, стали обсуждаться пути развития экономического сотрудничества и содействия национальному развитию. Было очевидно, что страны «пятерки» намечают расширить не только сферы сотрудничества, но и повысить статус своих многосторонних отношений.

В 2001 г. странами «Шанхайской пятерки» и Узбекистаном была подписана Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Хотя основным пространством сотрудничества призван был стать регион Центральной Азии, предполагалось, что постепенно государства-участники, являвшиеся сторонниками концепции многополярного мира, будут активно взаимодействовать и по вопросам глобальной повестки дня. Россия и Китай как великие державы и члены СБ ООН, а также государства, обладающие ядерным оружием, являются акторами глобального уровня и выступили в качестве ядра новой региональной организации. Для координации

сотрудничества в рамках ШОС был создан Совет национальных координаторов, разработан Устав, учреждены институты саммитов глав государств и глав правительств стран-участниц.

Безусловно, целью центральноазиатской политики КНР являлось не только развитие связей со странами Центральной Азии. Пекин продемонстрировал всему миру, в том числе, конечно, и Москве, что Центральная Азия прочно вошла в сферу его интересов.

Быстро реализовав свой курс на присутствие в соседнем с ним регионе, Китай стал крупным действующим лицом в новой «большой игре» в Центральной Азии, тем самым бросив вызов другим ведущим игрокам – России и США.

По мнению известного политолога К.Н. Кулматова, внешняя политика и дипломатия Пекина в центральноазиатском регионе ставила перед собой следующие задачи:

- не допустить передела сырьевых рынков без своего участия, обеспечить себе широкий доступ к природным ресурсам региона, прежде всего к нефти и газу;
- обеспечить рынки для сбыта своей продукции;
- открыть для себя наиболее короткие транспортные коридоры в Европу, на Ближний и Средний Восток;
- обеспечив себе доступ к рынкам сбыта и сырья, а также к транспортным коридорам, ускорить социально-экономическое развитие глубинных центральных и западных районов страны с тем, чтобы смягчить опасные для внутренней стабильности противоречия; обеспечить внутреннюю стабильность СУАР и Тибета – этих взрывоопасных районов, населенных национальными меньшинствами;
- реализовав крупные экономические и инвестиционные проекты, обеспечить КНР доминирующие политические позиции и ограничить влияние США, других стран НАТО, Турции [118, с. 192].

Пекин считает, что Китай нужен Центральной Азии и для того, чтобы «уравновесить» присутствие в регионе других мировых и региональных центров силы. Со своей стороны, центральноазиатские государства рассчитывают на содействие Китая в решении их политических и экономических проблем – в частности, использовать территории региона и Китая в качестве транзитного звена формирующейся евроазиатской трансконтинентальной системы коммуникаций. К середине 2010-х гг. Китай стал одним из ведущих рынков сбыта их нефти, продовольствия, хлопка, отдельных видов минерального сырья, поставщиком промышленной продукции, ведущим рынком сбыта туркменского природного газа.

Развивая свои отношения с Центральной Азией, Китай не исключал возможности пассивного силового давления на своих соседей [118, с. 192]. В частности, речь идет об использовании известного водного фактора. Эксперты отмечают тот факт, что у Пекина есть возможность влиять на снабжение водными ресурсами России [119, с. 208-209] и центральноазиатских государств [120].

Со второй половины 2000-х гг. политика КНР в регионе активизировалась. Эта тенденция соответствовала принятой Пекином доктрине «мирного подъема» Китая, которая предусматривала, что Пекин будет расширять воздействие на систему международных отношений, но действовать в ее рамках. Более активным действиям КНР в Центральной Азии способствовали революция 2005 г. в Кыргызстане и андижанские события. Хотя Пекин занял позицию невмешательства в события в Бишкеке и незамедлительно признал новые власти, китайское руководство было обеспокоено и ролью, которую в революционных событиях сыграл ряд оппозиционных деятелей, зарекомендовавших себя противниками китайско-кыргызского пограничного урегулирования, и участием в событиях финансируемых Западом неправительственных организаций [121, с. 197-198].

Китайское руководство оперативно отреагировало на андижанский мятеж безоговорочной поддержкой действий руководства Узбекистана. Уже в конце

мая 2005 г. И. Каримов нанес визит в Пекин, в ходе которого между Узбекистаном и КНР был заключен договор о дружественных отношениях партнерства и сотрудничества [122]. Взаимодействие с Китаем стало для Узбекистана одним из внешнеполитических приоритетов. В июле 2005 г. была подписана китайско-казахстанская декларация об установлении и развитии стратегического партнерства, в январе 2007 г. – договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве с Таджикистаном.

Сформировалась тенденция к расширению экономического присутствия Китая в регионе, прежде всего в сфере нефте- и газодобычи. В 2005 г. Китайская национальная нефтяная компания купила компанию «ПетроКазахстан», владевшую месторождениями Кумкольской группы. За этим последовала серия приобретений: были куплены месторождение Каражанбас, 50 % акций компании «Мангистаумунайгаз», каспийское месторождение Дархан. Был построен нефтепровод Атасу-Алашанькоу – первый трубопроводный маршрут поставок нефти из Казахстана, не проходящий через территорию России. Китай приобрел права на разработку ряда газовых месторождений в Туркменистане, в том числе одного из крупнейших – Южного Йолотана, и ряда месторождений Бхарско-Хивинской группы в Узбекистане. В конце 2009 г. была запущена первая ветка туркменско-китайского газопровода. Расширялась сеть транспортных коммуникаций, связывающих КНР с Казахстаном. В конце 2000-х гг. стала формироваться практика выдачи Китаем странам региона крупных кредитов.

Высокими темпами росла торговля между КНР и странами Центральной Азии. За 2001-2008 гг. доля Китая в суммарном товарообороте государств региона повысилась с 4 % до 13 %, а общий объем торговли составил 20,1 млрд. долл., из которых 15,9 млрд. приходилось на Казахстан [Рассчитано по: 123]. В качестве ведущего торгового партнера региона Китай укрепился на втором после России месте. В товарной структуре торговли с КНР стала ярко проявляться сырьевая специализация государств Центральной Азии.

С 2010-х гг. Китай перешел к политике переструктурирования регионального пространства в своих интересах. Фактически эта политика стала частью стратегии КНР, направленной на становление Китая в качестве полюса будущей паназиатской подсистемы международных отношений. Осенью 2013 г. в Астане председатель КНР Си Цзиньпин выступил с инициативой «Один пояс – один путь», выделив в качестве ее основных аспектов политическую кооперацию, строительство единой инфраструктуры, укрепление торговых связей, усиление валютных потоков и развития связей между народами. Си Цзиньпин сразу же обозначил масштаб инициативы «Евразийским континентом» [124]. Вскоре председатель КНР представил во время визита в Индонезию дополнительную инициативу создания Морского Нового Шелкового пути. Одновременно китайское руководство стало подчеркивать, что КНР необходимо перейти к «менталитету большой страны» [125, с. 20]. Официальный документ инициативы, названный «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», был опубликован правительством Китая в 2015 г. [126].

Хотя для содействия реализации Инициативы ОПОП в 2015 г. был создан многосторонний финансовый институт – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, сама Инициатива реализуется Китаем преимущественно на основе и в рамках двусторонних договоренностей со странами-участницами. Россия, демонстрируя положительное отношение к ОПОП, не стала непосредственной участницей Инициативы и не подписала с КНР соответствующего двустороннего меморандума о взаимопонимании. Все государства Центральной Азии присоединились к Инициативе, причем Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан участвуют наиболее активно.

В 2022-2023 гг. украинский кризис, окончание коронавирусной пандемии и решение вопроса о переизбрании Си Цзиньпина лидером партии и государства на новый срок создали условия для перехода Китая новому этапу политики в Центральной Азии, который можно охарактеризовать как втягивание стран

региона в китаецентричную восточноазиатскую подсистему. В сентябре 2022 г. визиты в Казахстан и в Узбекистан стали первыми зарубежными поездками главы КНР с начала пандемии. В Казахстане китайский лидер подчеркнул, что Пекин будет поддерживать Астану «в защите независимости, суверенитета и территориальной целостности» [127]. Подобные заявления прозвучали и в отношении Узбекистана. В мае 2023 г. состоялся первый саммит «Китай – Центральная Азия». Пекин подчеркнул, что готов в самом скором времени приступить к реализации проекта железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан [128]. Китайское руководство заявило и о намерении возобновить строительство новой линии газопровода «Туркменистан – Китай», которая пройдет через Таджикистан и Кыргызстан.

За 2022 г. товарооборот Китая со странами Центральной Азии продемонстрировал беспрецедентный рост вырос с 42 до 70 млрд. долл. [129]. Китай укрепил позицию ведущего внешнеторгового партнера и для Центральной Азии в целом, и для каждой из ее пяти стран. Тенденция к упрочению экономических позиций Китая в Центральной Азии сохранилась и в 2023 г.

Центральная Азия в политике Европейского Союза. Объединенная Европа в лице Евросоюза неизменно присутствует во всех прогнозах развития мировых интеграционных и региональных процессов. Оценки потенциала ЕС как глобального игрока в целом высоки [130, с. 43]. Сами руководители Европейского Союза также придерживаются глобальной трактовки своих внешнеполитических интересов. Европейский Союз утвердился в мировой политике, развивая отношения с великими державами, а также с государствами Ближнего Востока, Средиземноморья, Латинской Америки, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии.

По мнению ряда политологов, в своей внешней политике и в оценке мировых процессов и глобальных опасностей Европейский Союз «близок к США. Однако особенности политической природы Евросоюза, его уникальная геополитическая специфика и особенности экономических устремлений

определяют существенные различия международных стратегий Брюсселя и Вашингтона» [130, с. 43]. Европейцы вырабатывают свой стиль глобальной политики – «более сдержанный и незаметный, но в долгосрочной перспективе, возможно, способный не уступать по эффективности американскому» [130, с. 43].

В сфере глобальных интересов Европейского Союза заметное место занимают страны Центральной Азии [131]. Деятельность Евросоюза в этом регионе, как и в других регионах мира, осуществляется в рамках программ содействия национальному экономическому и социальному развитию. В то же время деятельность Евросоюза в Центральной Азии имеет одну исключительную особенность: она непосредственно связана с отношениями ЕС с Россией. То есть политика Европейского Союза в том или ином субрегионе постсоветской (евразийской) подсистемы обязательно учитывает фактор присутствия в нем России и ее действий именно как бывшей «метрополии».

После расширения Евросоюза за счет стран Центральной Европы экспертами в недрах евробюрократических структур был подготовлен ряд предложений относительно политики развития отношений с непосредственными восточными соседями – странами СНГ. Они были обобщены в двух документах, в которых получила конкретизацию соответствующая стратегия Европейского Союза, известная как «концепция нового соседства» [132]. В отношении стран Центральной Азии Европейский Союз с 1990-х гг. реализовывал также ряд обособленных от России программ, ориентированных сугубо на собственные интересы.

В 2006-2007 гг. по инициативе Германии Европейский Союз разработал концепцию политики в Центральной Азии. Документ, названный «Стратегия нового партнерства», был принят Европейским Советом в июне 2007 г. В Стратегии констатировалось, что ЕС заинтересован в безопасности и стабильности в регионе, и определялись основные направления взаимодействия со странами Центральной Азии: «права человека, верховенство права, ответственное государственное управление и демократизация», «молодежь и

образование», «содействие экономическому развитию, торговле и инвестициям», «укрепление энергетических и транспортных связей», «устойчивость в области окружающей среды и водные ресурсы», «борьба с общими угрозами и вызовами», «межкультурный диалог». ЕС выразил готовность к «конструктивному диалогу» с действующими в Центральной Азии интеграционными структурами и форматами многостороннего сотрудничества, в том числе с ЕврАзЭС, ШОС и ОДКБ. Механизмами реализации Стратегии должны были явиться проведение регулярных встреч «ЕС – Центральная Азия» на уровне министров иностранных дел, увеличение объемов помощи, «структурированный диалог» по правам человека с каждой из стран региона, расширение региональной сети представительств Европейской Комиссии и посольств стран ЕС, инициативы в области образования и правовых реформ [133].

Однако в целом, несмотря на усилия Еврокомиссии и руководства Германии, политическое влияние ЕС в Центральной Азии оставалось и остается слабым. Абсолютное большинство стран ЕС не имело и не имеет в Центральной Азии значимых интересов. Действия ЕС практически не оказывают влияния на межгосударственные отношения в регионе. Выделяемые ЕС средства неадекватны масштабам поставленных задач, а сами программы помощи, по экспертным оценкам, отличаются, как правило, невысокой эффективностью. Сама Стратегия явилась декларативным документом, не содержащим критериев оценки успешности предпринимаемых мер. Новая Стратегия, принятая ЕС в 2019 г., сфокусировалась на крайне обтекаемых целях устойчивости, процветания и совместной работы. В ней выражается поддержка региональному сотрудничеству стран региона, но не содержится упоминаний о взаимодействии с ЕАЭС, ШОС и ОДКБ. Основным инструментом реализации Стратегии должно стать заключение со странами региона соглашений о расширенном партнерстве и сотрудничестве [134]. Первое из таких соглашений, с Казахстаном, вступило в силу в 2020 г.

Украинский кризис привел к возрастанию активности ЕС на центральноазиатском направлении, при этом для региональной политики Брюсселя стала характерна комбинация «мягкого» образа, создаваемого для общественного мнения, и попыток жесткого давления на страны региона, направленного на их присоединение к режиму антироссийских санкций.

Активность ЕС проявилась в увеличении количества многосторонних и двусторонних встреч. В 2022 г. и 2023 г. в Астане и Чолпон-Ате прошли первые встречи глав государств Центральной Азии с Председателем Европейского Совета, в октябре 2023 г. – первая встреча министров иностранных дел стран региона со всеми министрами иностранных дел стран ЕС и Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности.

Результативность этой деятельности остается невысокой. Принятая в 2023 г. Дорожная карта по углублению связей между ЕС и Центральной Азией носит декларативный характер, подчеркивая поддержку ЕС «углубления внутрирегионального политического диалога и сотрудничества» и развития Транскаспийского транспортного коридора [135]. В июле 2022 г. ЕС и Узбекистан парафировали Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве, но оно, как и парафированное в 2019 г. соглашение с Кыргызстаном, не подписано. В 2023 г. переговоры о заключении «расширенного» Соглашения о партнерстве начались между ЕС и Таджикистаном.

Особенности центральноазиатской политики государств – региональных сил влияния. В пространстве Евразии присутствуют и самостоятельно действуют средние и малые государства, которые заявили о своих интересах в Центральной Азии. Прежде всего, это те страны, которые имели давние историко-культурные связи с народами региона, с помощью которых они попытались реализовать свои геополитические и внешнеэкономические интересы в Центральной Азии.

Внешняя политика, проводимая Ираном, Турцией и Пакистаном, другими государствами Ближнего и Среднего Востока, особенно Саудовской Аравией, в

отношении центральноазиатских государств, предполагала использование исламского фактора в геополитических и экономических целях. Изначально преимущественно обладали Турция и соседний Иран.

Особенностью политики Турции в регионе являлось то, что она изначально делала ставку на этническую близость с тюркоязычными государствами Центральной Азии. Учитывая их явную заинтересованность во внешних связях, Турция активно внедрялась и внедряется в экономику региона. Более того, Анкара рассматривает свою политику в Центральной Азии не только как способ реализации великодержавных, стратегических и экономических интересов, но и как свой исторический, культурно-этнический и религиозный долг [136, с. 38]. Политические элиты Турции считали, что в Евразии тюркоязычные народы и страны «воспринимают Турцию как лидера, главного внедрителя собственной цивилизации» [137, с. 7-8].

После череды социально-экономических кризисов, прихода к власти Партии справедливости и развития и закрепления ее роли как доминирующей в Турции политической силы Анкара со второй половины 2000-х гг. начала возвращение к активной политике в Центральной Азии. В декабре 2006 г. в Анталии состоялась первая за пять лет встреча в верхах премьер-министра Турции и президентов Азербайджана, Казахстана и Кыргызстана. Участники саммита поддержали в принципе идею учреждения организации тюркских государств. В 2008 г. четырьмя странами была основана парламентская ассамблея тюркских государств. В октябре 2009 г. на встрече в верхах в Нахичевани Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция подписали соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ). Учреждалась международная организация, в задачи которой входило содействие развитию политического, экономического, военно-технического и гуманитарного сотрудничества между государствами-участниками и координация совместной борьбы с терроризмом и иными трансграничными угрозами [138]. В 2018 г. к ССТГ присоединился Узбекистан.

С течением времени ССТГ стал приобретать черты интеграционного объединения. В 2021 г. Совет был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ). Украинский кризис способствовал повышению авторитета Турции как регионального и глобального актора и ускорил укрепление ее позиций в Центральной Азии. Дополнительным фактором, способствующим усилению позиций Анкары в регионе, стало разрешение Азербайджаном, ближайшим союзником Анкары, нагорно-карабахского конфликта в свою пользу. Одержанная Азербайджаном победа сделала реальной перспективу открытие прямого транспортного коридора между Азербайджаном и Турцией.

Турецкое руководство инициировало создание трехсторонних форматов сотрудничества Турция – Азербайджан – Казахстан, Турция – Азербайджан – Туркменистан, Турция – Азербайджан – Узбекистан. В рамках ОТГ идет ускоренное развитие многосторонних институтов, одним из которых стал созданный в 2023 г. Тюркский инвестиционный фонд [139].

Центральноазиатские государства также заинтересованы в экономическом присутствии Ирана в регионе. Привлекает их и возможность использования Ирана для транзита своих товаров и связей с внешним миром. Однако острая конфронтация Ирана с США и их союзниками, надежды на смягчение которой были сорваны выходом США из «ядерной сделки», сдерживают развитие отношений Ирана с Казахстаном и Узбекистаном.

С началом военного конфликта на Украине российско-иранские отношения вышли на исторически наивысший уровень. Политика Тегерана в Центральной Азии не рассматривается Россией как угроза, тем более что Иран нацелен в большей степени на обеспечение безопасного для себя тыла в Центральной Азии в случае прямой конфронтации с США, чем к расширению собственного влияния в регионе. Иран продемонстрировал поддержку российским интеграционным проектам в Евразии и желание подключиться к ним в ограниченном формате, заключив в 2018 г. с ЕАЭС Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли, а в декабре 2023 г. – полноценное Соглашение о создании зоны свободной торговли с

ЕАЭС [140]. В 2023 г. Иран завершил длительную процедуру присоединения к ШОС.

Наряду с мировыми центрами силы – Китаем и США – и региональными силами влияния в пространстве Евразии присутствует целый ряд восточных и западных государств. Например, активно развиваются связи государств Центральной Азии с Германией и Францией, Японией и Южной Кореей. Очевидно, что все эти государства стремятся получить доступ к природным ресурсам евразийских государств, а также рассматривают их как возможных потребителей своих товаров и получателей инвестиций.

В целом геополитическое и экономическое присутствие внешних сил мирового и регионального уровня, а также других государств, с одной стороны, способствует решению целого ряда экономических проблем молодых независимых государств Центральной Азии, а с другой – не способствует их интеграции. Напротив, ориентация на внешние силы стимулирует центробежные процессы и создает условия для структурных изменений в постсоветской (евразийской) подсистеме международных отношений.

Выводы. Проведенный анализ показывает, что политика США в наибольшей степени направлена на обособление интеграционных процессов в Центральной Азии, под которыми в Вашингтоне понимают, в первую очередь, создание в регионе противодействующей влиянию России и Китая коалиции средних и малых стран, от евразийских интеграционных процессов. К такой же позиции приближается и первоначально более нюансированная политика ЕС. Работу по созданию собственного интеграционного контура, еще далекую от завершения, ведет Турция. Иран, связанный с центральноазиатскими государствами нормативно-правовой базой ОЭС и подключающийся к либерализации торговли с ЕАЭС, в наибольшей степени готов содействовать сопряжению процессов евразийской и центральноазиатской интеграции. Ключевым для перспектив сопряжения фактором является позиция Китая, который, реализуя инициативу ОПОП преимущественно как совокупность проектов, осуществляемых на основе двусторонних соглашений,

демонстрирует и готовность – пока осторожную – к учету в своей региональной политике факторов ЕАЭС и ОДКБ.

2.3. Основные направления национальных стратегий государств Центральной Азии и формат Консультативных встреч

Связанные с глобализацией интеграционные процессы ставят вопрос о месте и роли национального государства в мировом пространстве. В настоящее время национальное государство становится более открытым и имеет тенденцию к включению в региональные и трансрегиональные структуры. Но интенсификация интеграционных процессов в регионах не означает, что национальные государства имеют тенденцию к растворению в региональной общности. Напротив, сохранение национальных государств как субъектов международных отношений является необходимым условием для поддержания стабильности этой системы, если в этом случае рассматривать государство как один из институтов, организующих региональное пространство.

Речь идет не об изоляции и автаркии. Наоборот, национальное государство имеет шанс на успех в эпоху глобализации, если выбирает стратегию сотрудничества и взаимодействия с другими государствами и международными организациями.

Все государства Центральной Азии с обретения независимости были поставлены перед вызовами глобализации. Причем, с одной стороны, им необходимо было завершить процесс национальной консолидации и самореформирования, а с другой стороны – интегрироваться в мировое пространство и адаптироваться к процессам глобализации. Задача стоит далеко не простая, и она решается в ходе формирования национальных стратегий развития. Последние определяются культурно-цивилизационными,

геоэкономическими и геополитическими факторами, а также особенностями переходного периода развития.

Стратегия стран Центральной Азии определяется геополитической ситуацией в этом субкомплексе постсоветской подсистемы, где издавна пересекались интересы целого ряда великих исторических империй, а в настоящее время – интересы региональных и мировых держав [141; 142]. При этом политически, экономически и в культурном отношении новые независимые государства Центральной Азии продолжают оставаться частью евразийского пространства и сохраняют определенную зависимость от России.

Нельзя не учитывать, что у некоторых политических элит центральноазиатских государств присутствовали националистические настроения, характерные для всех молодых государств, проходящих начальный этап утверждения своего суверенитета и опасющихся реставрации «империи». Суть позиции представителей таких взглядов сводилась к тому, что экономическая интеграция на территории Евразии ослабит суверенитет их стран и затруднит развитие отношений с другими регионами земного шара [143, с. 7]. В развитие тезиса о нежелательности усиления интеграционных процессов на евразийском пространстве приводились различные аргументы и, прежде всего, следующие:

- реинтеграция разрушит суверенитет государств, входящих в СНГ;
- ослабнут демократические процессы в рамках Содружества;
- Россия, используя свои ресурсы, не сопоставимые с ресурсами других стран СНГ, «заиграет мускулами».

Процесс становления государственности в Центральной Азии прошел свою начальную стадию формирования. Уже в 1990-е гг. сформировались притязания Узбекистана на роль центра силы и прото-полюса формирующейся региональной подсистемы. Специалисты отмечают, что узбекской нации присуще сильное чувство национального самосознания, ощущение своего «исторического величия» [144, с. 2]. Узбекские элиты подчеркивают преимущество своей нации с рядом исторических государств большой

Центральной Азии и великих империй Востока, в частности, Империей Великих Моголов. Претензии Ташкента на великодержавие являются «неотъемлемым компонентом политики строительства нации» [144, с. 53].

Другие центральноазиатские государства, исходя из своего исторического опыта, вполне осознавали место Узбекистана в регионе. Их идентичности «сигнализировали» о потенциальных опасностях. Учитывая это, они искали альтернативные формы региональной организации отношений и противовесы, соответственно заключая соглашения с опорой уже на внешние силы. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан в качестве таковых, прежде всего, видят Россию и, в меньшей степени, США, Турцию (в случае Казахстана и Кыргызстана), Иран (в случае Таджикистана)

Следует отметить и то, что США и западноевропейские государства рассматриваются в странах Центральной Азии как дополнительный гарант их независимости от России, а также как спонсор их национальных экономик. Центральноазиатские и кавказские государства имеют регулярные контакты с США и европейскими государствами, как в рамках двусторонних отношений, так и в рамках НАТО, ЕС и ОБСЕ. Они реализовали с ними сотни различных проектов, в том числе в рамках таких программ, как «Партнерство ради мира» [145, с. 92-98], «ТРАСЕКА», TACIS, «Демократия» (поощрение плюрализма) [146, с. 127]. Например, благодаря сотрудничеству с НАТО, Кыргызстану удалось частично решить ряд актуальных проблем, в том числе в области подготовки военных кадров новой формации, приобретения опыта ликвидации последствий стихийных бедствий, экспертной помощи различным министерствам [147]. Президент С. Ниязов высказывал благодарность Североатлантическому альянсу за участие в подготовке туркменских военных кадров [148]. В свое время президент Каримов отмечал, что американские советники участвуют в создании узбекских вооруженных сил [149]. Высокую оценку вкладу НАТО в оборонное строительство Казахстана давал президент Н. Назарбаев [150]. Созданный усилиями Казахстана, Кыргызстан и Узбекистана объединенный батальон «Центразбат» тесно сотрудничал с НАТО

[151]. Впоследствии Узбекистан и Кыргызстан стали оказывать содействие США и их союзникам в антитеррористической операции в Афганистане и предоставили территорию для американской военной базы.

В то же время необходимо оговориться, что все центральноазиатские страны старались, по крайней мере, не ухудшать свои отношения с Россией. В беседах с натовцами лидеры этих государств подчеркивали, что они понимают озабоченность Москвы в связи с расширением НАТО на восток и считают, что российские интересы должны быть учтены [152, с. 2-3]. Кыргызстан предоставил свою территорию для размещения российской военной базы. В Бишкеке с 2002 г. действует Отделение Антитеррористического центра СНГ по Центральноазиатскому региону. Среди стран Центральной Азии наиболее ориентированы на развитие отношений с Россией и на евразийскую интеграцию Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Эти государства участвовали в создании СНГ, ЕвразЭС и (за исключением Таджикистана) ЕАЭС, Евразийского банка развития, ОДКБ, ШОС. Например, политические и экономические элиты Кыргызстана, как свидетельствуют известные российские политологи, видят свое будущее развитие в евразийской интеграции [118, с. 135-138, 144-145; 153, с. 73-89].

Общей стратегией всех государственных режимов Центральной Азии стала нейтрализация политической составляющей исламского движения [78, с. 95-105; 79, с. 80]. В определенной мере это было следствием их опасений, что такой его характер приведет к дестабилизации внутренней обстановки подобно тому, как это произошло в Иране в конце 1970-х гг., в Таджикистане в начале 1990-х гг., и ряде стран Арабского Востока в начале 2010-х гг. И такая политика находит поддержку внешних сил – западных стран и России.

Нельзя не учитывать, что наличие значительных запасов нефти и газа в регионе оказывает серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику каждой центральноазиатской страны. Уже в начале 1990-х гг. началась острая конкуренция за обладание, доступ и контроль, перспективную разработку этих

ресурсов как внутри каждой из перечисленных стран, так и в мировой политике. В этой конкурентной борьбе рождаются новые региональные элиты, а некоторые старые приобретают новые качества. Речь идет о новой философии национальной стратегии развития и внешней политике. В ее формировании начинают участвовать различные экономические элиты, имеющие отношение к разработке и транспортировке нефти и газа на внешние рынки.

Смена власти в Узбекистане в 2016 г. положила начало масштабным социально-экономическим преобразованиям в стране. Новый президент Ш. Мирзиев взял курс на открытие страны для иностранных инвесторов и улучшение отношений с соседями по Центральноазиатскому региону. Заявка Узбекистана на региональное лидерство стала формулироваться не столько в силовых, сколько в экономических категориях. В 2017 г., выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, президент Узбекистана инициировал создание формата Консультативных встреч глав государств региона [154] – первого после слияния ОЦАС и ЕврАзЭС формата взаимодействия, охватывающего только государств региона, причем с участием Туркменистана.

Первая встреча была проведена в Астане в марте 2018 г. (Туркменистан делегировал на саммит председателя парламента, а не главу государства). Ее повестка дня включала в себя вопросы торгово-экономического сотрудничества, обсуждение ситуации в Афганистане, борьбы с нетрадиционными угрозами безопасности, проблем водопользования, гуманитарного сотрудничества. Показательна двойственная позиция, занятая участниками встречи по отношению к России. Так, Н. Назарбаев заявил, что для решения проблем Центральной Азии нет необходимости «звать третьих лиц» [155]. В то же время казахстанский лидер подчеркнул, что основным форматом для решения проблем безопасности остается ОДКБ, а страны Центральной Азии не намерены замыкаться на внутрорегиональном рынке, будучи заинтересованными также в рынках России и КНР.

В ноябре 2019 г. в Ташкенте прошла вторая Консультативная встреча глав государств региона. На этот раз Туркменистан был представлен президентом, а

Казахстан представлял не новоизбранный президент К.-Ж. Токаев, в первый президент Н. Назарбаев, еще сохранявший фактическое лидерство в государстве. На встрече был одобрен Регламент подготовки и проведения консультативных встреч, которые, таким образом, получили статус регулярного формата. Регламент предусматривает также регулярные встречи на уровне министров иностранных дел и работу экспертных групп.

Выступая на встрече, Н. Назарбаев предложил странам региона заключить многосторонний Договор о добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке. Первый президент Казахстана предложил ввести практику проведения встреч секретарей Советов безопасности центральноазиатских государств. Назарбаев выдвинул и собственно интеграционную инициативу «создания «без барьерной Центральной Азии» за счет снятия препятствий для перемещения товаров, услуг и капитала» [156].

Ш. Мирзиеев заявил о необходимости «сосредоточиться на практической реализации задач в торгово-экономической, инвестиционной, транспортно-коммуникационной и энергетической сферах». Президент Узбекистана выступил с предложением проведения Центральноазиатского инвестиционного форума, заседания торгово-промышленных палат стран Центральной Азии, создать региональный совет по транспортным коммуникациям. Была подчеркнута необходимость налаживания взаимодействия между правоохранительными органами и спецслужбами стран региона [157].

Президент Кыргызстана С. Жээнбеков, в отличие от коллег, прямо упомянул необходимость интеграции в Центральной Азии. Жээнбеков отметил наличие многочисленных барьеров для торговли и инвестиций и заявил о необходимости обеспечить, прежде всего, реальное функционирование существующей в Центральной Азии де-юре зоны свободной торговли и упростить таможенные процедуры. Кыргызстан предложил также запустить механизм функциональной интеграции – разработать и запустить «механизмы компенсации за накопление водных ресурсов» и реформировать Международный фонд спасения Арала. Президент Кыргызстана оказался

единственным выступающим, подчеркнувшим важность для региона тесных связей с Россией [158, с. 9-14].

Президент Таджикистана предложил создать Инвестиционный фонд стран Центральной Азии и подписать многостороннее соглашение о сотрудничестве в транспортной сфере, а президент Туркменистана – Деловой совет стран региона. Показательно, что в выступлениях лидеров всех пяти государств прозвучали предложения об интенсификации образовательных и научных контактов, проведении взаимных дней культуры – то есть об актуализации общего культурного наследия и формировании на его основе общего ценностно-символического поля (так, Казахстан предложил установить день Центральной Азии, а Узбекистан – общую премию за достижения в науке, культуре и образовании).

Из-за коронавирусной пандемии третья Консультативная встреча глав государств региона прошла только в августе 2021 г. в г. Туркменбаши (Туркменистан). Президент Казахстана К.-Ж. Токаев призвал создать Совет промышленников и предпринимателей стран Центральной Азии и использовать Международный финансовый центр «Астана» как площадку для внутрирегионального экономического сотрудничества. Узбекистан выдвинул более конкретизированные инициативы о заключении соглашения об общих направлениях регионального торгово-экономического сотрудничества, единой информационной системы тестирования и вакцинации от коронавирусной инфекции и проведении регулярных встреч министров сельского хозяйства стран региона [159]. Стороны договорились о разработке региональной программы межвузовских и научных обменов. Был утвержден единый символ Консультативных встреч. Параллельно с Консультативной встречей прошел Экономический форум стран Центральной Азии.

Четвертая консультативная встреча прошла в июле 2022 г. в Чолпон-Ате. Она состоялась в новой международно-политической обстановке – в условиях военной конфронтации на Украине и санкционного давления Запада на Россию – и после завершения в начале 2022 г. транзита реальной власти в Казахстане от

Н. Назарбаева к К.-Ж. Токаеву. В этих обстоятельствах усилились стимулы к выработке странами Центральной Азии общих позиций. Результативность четвертой встречи была заметно выше, чем предыдущих, а спектр выдвигаемых главами государств инициатив расширился.

Встреча в Чолпон-Ате фактически стала платформой для выдвижения Казахстаном и Узбекистаном программы внутрирегиональной интеграции стран Центральной Азии. Программа, активно продвигаемая руководством Казахстана и в целом поддержанная Узбекистаном, предусматривает:

- проведение регулярных совещаний министров иностранных дел «для выработки согласованных подходов к ключевым вопросам региональной и международной проблематики»;

- создание экспертной группы для разработки «взаимоприемлемых подходов к делимитации границ», действующей под эгидой Совета министров иностранных дел;

- проведение регулярных консультаций руководителей спецслужб и секретарей Советов безопасности стран регионов;

- координация позиций в международных организациях и многосторонних форматах;

- запуск «сети приграничных торгово-экономических хабов, которые будут служить опорными точками единой товаропроводящей системы стран Центральной Азии»;

- «совместный механизм обеспечения населения стран региона продовольствием»;

- формирование «Центральноазиатского пространства промышленной локализации и импортозамещения»;

- развитие транспортных коридоров с выходом на Китай, Иран, Индию и Пакистан (в том числе строительство железной дороги Мазари – Шариф – Кабул – Пешавар), Транскаспийского транспортного коридора;

- совместное продвижение продукции на онлайн-выставках;

- запуск ежегодного Форума регионов стран Центральной Азии;

- формирование Центральноазиатского пространства высшего образования;
- популяризация культурного и исторического наследия стран региона, «совместная организация этногеографических и исторических исследований»;
- проведение регулярных встреч руководителей информационных агентств стран региона;
- создание общего телевизионного канала центральноазиатских стран [160; 161].

В поддержку казахстанско-узбекской инициативы выступил Кыргызстан, сделавший акцент на развитии сотрудничества в сфере гидроэнергетики и заручившийся обещаниями Ташкента и Астаны инвестировать в строительство гидроэлектростанций в стране.

По итогам встречи Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке (было заявлено, что Таджикистан и Туркменистан присоединятся позднее). В Договоре фиксировались обязательства сторон «проводить консультации в случае возникновения ситуации, представляющей собой угрозу безопасности, суверенитету и территориальной целостности» одной из них и «не допускать использования своих территорий, систем коммуникаций и другой инфраструктуры третьими государствами» в ущерб друг другу. Документ обозначил широчайший спектр сфер многостороннего сотрудничества, от борьбы с терроризмом до здравоохранения и туризма [162]. В Чолпон-Ате были также подписаны Концепция взаимодействия государств Центральной Азии в рамках многосторонних форматов, Центральноазиатская региональная программа «Зеленая повестка дня» и Дорожная карта развития регионального сотрудничества (2022-2024 гг.).

В 2023 г. состоялись первый Межпарламентский форум государств Центральной Азии и первая пятисторонняя встреча министров транспорта. В сентябре 2023 г. в Душанбе прошла пятая Консультативная встреча глав

государств региона. На саммите Казахстан предложил создать единую электронную базу данных товаропроизводителей, разработать план действий по развитию промышленной кооперации в регионе. Узбекистан внес предложение о создании Экономического совета стран Центральной Азии, принятии Программы формирования устойчивых торгово-логистических цепочек в регионе и Программы либерализации рынка транспортных услуг, разработке соглашения о транспорте и транзите. Ш. Мирзиев предложил также разработать межгосударственную программу по защите и укреплению границ стран Центральной Азии, что означало бы существенное продвижение центральноазиатских государств по треку военно-политического сотрудничества [163]. Президент Кыргызстана С. Жапаров призвал к большей открытости рынков, инвестированию в гидроэнергетику страны и запуску механизма компенсации за накопление водных ресурсов. Президент Таджикистана предложил разработать программы сотрудничества в сферах сельского хозяйства, новых технологий и промышленности. Создать совет по новым технологиям предложил президент Туркменистана.

По итогам пятой Консультативной встречи были подписаны соглашения об укреплении взаимосвязанности наземного транспорта в регионе, об общих направлениях молодежной политики, дорожная карта в поддержку здоровья и благополучия. Было принято решение о создании постоянно действующего органа – Совета национальных координаторов по делам Консультативных встреч, призванного, в частности, отслеживать реализацию достигнутых договоренностей [164].

Выводы. На стратегическом уровне активизация работы механизма Консультативных встреч в 2022-2023 гг. является попыткой создания центральноазиатскими странами альянса для совместного отстаивания нейтральной позиции государств региона в украинском конфликте, противодействия давлению как со стороны России, так и со стороны США и ЕС. Экономические, социетальные и экологические аспекты выдвигаемых инициатив и принимаемых решений свидетельствуют о формировании прото-

интеграционной повестки дня и соответствующих институтов. Формат Консультативных встреч и формирующаяся система институтов имеет потенциал стать механизмом сопряжения центральноазиатской и евразийской интеграции.

ГЛАВА 3. ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ФОРМАТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

3.1. Развитие евразийской экономической интеграции

Созданное в 2000 г. ЕврАзЭС в скором времени стало обнаруживать пределы своей функциональности как инструмента экономической интеграции. С одной стороны, в первой половине десятилетия в ЕврАзЭС сформировался режим свободной торговли, хотя и с исключениями и изъятиями. Действовал безвизовый режим перемещений граждан стран Сообщества. Были сделаны определенные, хотя и скромные шаги, к унификации таможенных законодательств сторон. Так, в мае 2001 г. был принят протокол о порядке взимания и применения вывозных таможенных пошлин, который предусматривал обязательное предварительное уведомление Интеграционного комитета ЕврАзЭС о принятии странами соответствующих решений и вынесение, в случае отсутствия консенсуса, вопроса на рассмотрение Комитета [165, с. 263-264]. В июле 2001 г. были согласованы унифицированные правила таможенного оформления товаров, обращающихся во взаимной торговле стран ЕврАзЭС, в сентябре 2001 г. Межгоссовет ЕврАзЭС принял решение о гармонизации акцизной политики государств Сообщества. В 2002 г. было подписано соглашение об общей товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности, устанавливающее в качестве общей товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности России [165, с. 282-283]. В апреле 2003 г. были согласованы Приоритетные направления развития Сообщества на 2003-2007 гг. Документом ставились очень широкие задачи: создание таможенного союза, единого энергетического рынка, транспортного союза, общего рынка капиталов, переход к

скоординированной аграрной политике. Речь шла о полной унификации ставок таможенных тарифов, принятии согласованных условий вступления в ВТО и даже о переходе, в неопределенном будущем, к единой валюте [166].

С другой стороны, руководство России откровенно заявляло, что работа ЕврАзЭС не опирается на надежный фундамент, а реальные результаты интеграции в рамках Сообщества последуют не скоро [167]. Уровни экономического развития и структуры экономик стран-участниц значительно различались. Интеграционный комитет и Совет руководителей таможенных служб стран ЕврАзЭС не смогли в установленные сроки подготовить нормативную базу для создания таможенного союза. Со вступлением в ЕврАзЭС в 2005 г. Узбекистана и слиянием Сообщества с ОЦАС руководство ЕврАзЭС поставило в повестку дня формирование в его рамках водно-энергетического консорциума центральноазиатских государств. Эта идея, теоретически открывающая возможность создания механизма сопряжения евразийской и центральноазиатской интеграции, даже не приблизилась к реализации, поскольку членство Узбекистана в ЕврАзЭС оказалось формальным и кратким.

В августе 2006 г. Межгоссовет ЕврАзЭС принял решение о запуске ускоренного интеграционного процесса между тремя более экономически развитыми странами объединения – Беларуссией, Казахстаном и Россией. Было условлено, что первоначально именно эти страны создадут таможенный союз, а Кыргызстан и Таджикистан присоединятся позднее, достигнув соответствующего уровня готовности [168]. В последующие годы Россия, Казахстан и Белоруссия разработали и подписали массив соглашений, создавших договорно-правовые рамки таможенного союза. В 2009 г. началась деятельность Комиссии таможенного союза – института, наделенного наднациональными полномочиями. Ответственным секретарем Комиссии стал известный российский экономист С. Глазьев. С 2010 г. заработал единый таможенный тариф стран Союза. К июлю 2011 г. завершилось формирование единой таможенной территории России, Казахстана и Белоруссии. Российское

руководство констатировало, что создание тройственного таможенного союза является «самым важным геополитическим и интеграционным событием» постсоветского времени [169].

Уже в декабре 2009 г. президенты трех стран взяли курс на создание Единого экономического пространства, предполагающего создание единого рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, координацию налоговой, денежной и торговой политики, создание объединенных транспортной, энергетической и информационно-коммуникационных систем [170]. В ходе интенсивной работы Россия, Казахстан и Белоруссия разработали и подписали соглашения о макроэкономической политике, правилах государственной поддержки промышленности и сельского хозяйства, регулировании естественных монополий; из заявленных в соответствующем межгосударственном плане действий намерений не удалось реализовать согласование документа о едином рынке нефти и газа. С января 2012 г. российско-белорусско-казахстанское единое экономическое пространство начало действовать. Был создан наднациональный институт управления – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Ей были переданы функции и полномочия Комиссии таможенного союза.

В октябре 2011 г. в рамках начавшейся предвыборной кампании В.В. Путина по избранию на третий президентский срок была выдвинута инициатива реформирования интеграционных процессов в трехстороннем таможенном союзе и ЕврАзЭС в рамках Евразийского союза. Предложения российского руководства были сформулированы в программной статье, опубликованной В.В. Путиным в газете «Известия». Показательно, что концепция Союза опиралась на либеральную экономическую идеологию. Речь шла об обеспечении граждан свободным выбором места жительства, работы и учебы и наделении бизнес-субъектов «всеми преимуществами национального производителя». Было заявлено о «партнерстве» евразийских стран с ЕС и их интеграции в итоге в «Большую Европу, объединенную общими ценностями свободы, демократии и рыночными законами» [171]. Договор, подписанный в

2011 г. в связи с предстоящим вступлением России в ВТО, устанавливал, что нормы ВТО станут частью правовой системы российско-белорусско-казахстанского таможенного союза.

Деятельность в рамках ЕврАзЭС тем временем постепенно затухала. В 2009 г., реагируя на мировой финансово-экономический кризис, Межгоссовет ЕврАзЭС принял решение о создании Антикризисного фонда Сообщества в объеме 8,5 млрд. долл. [172]. В 2010-2011 гг. из средств Фонда были выделены финансовые кредиты Таджикистану и Белоруссии, затем началась практика выдачи инвестиционных кредитов. В 2006 г. Россия и Казахстан учредили Евразийский банк развития (ЕАБР) с уставным капиталом в 1,5 млрд. долл., призванный финансировать совместные инвестиционные проекты [173]. В 2009 г. к ЕАБР, формально являющемуся самостоятельной международной организацией, не входящей в структуру ЕврАзЭС, присоединились Армения и Таджикистан, в 2010 г. – Белоруссия, в 2011 г. – Кыргызстан. После упразднения ЕврАзЭС средства Антикризисного фонда Сообщества, переименованного в Евразийский фонд стабилизации и развития, были переданы в управление ЕАБР [174].

В октябре 2011 г. потепление в российско-украинских отношениях позволило подписать договор о зоне свободной торговли СНГ, к которому присоединились все государства Содружества, кроме Азербайджана, Туркменистана и Узбекистана. Договор, вступивший в силу в 2012 г., не устранил существовавших торговых барьеров, но ввел правило их единообразного применения в отношении стран-участниц и запретил введение новых ограничительных мер [175]. Фактически, поскольку в ЕврАзЭС зона свободной торговли уже существовала, договор имел значение для Украины и Молдовы. В мае 2013 г. к договору присоединился Узбекистан. С 2016 г. Россия приостановила действие договора в отношении Украины в связи со вступлением в силу соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС.

Главой целью Евразийского союза, еще на стадии переговоров получившего название «Евразийский экономический союз», стало обеспечение

свободного движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и функционирования таможенного союза. В ходе переговоров, ход которых в целом укладывался в интеграционную модель либерального межправительственного подхода, было достигнуто принципиальное согласие о деполитизации ЕАЭС и его сфокусированности на экономических вопросах. Казахстанская сторона в особенности настаивала на сугубо экономической «специализации» ЕАЭС, заблокировав российские предложения о наделении ЕАЭС компетенциями в сферах внешнеполитической координации, защиты границ, визовой политики, образования, здравоохранения и культуры [176].

Наднациональная надстройка ЕАЭС является существенно более разветвленной и наделенной полномочиями, чем наднациональная надстройка ЕврАзЭС. Суд ЕАЭС, в который могут обращаться ЕЭК, страны-члены и юридические лица, наделен правом принятия решений, обязательных к исполнению на территории Союза. В институциональной структуре ЕАЭС Суд стал важным актором, склонным к расширительной трактовке своих компетенций. Коллегия ЕЭК, в которой каждая страна представлена двумя членами (министрами), принимает решения двумя третями голосов. Решения Коллегии ЕЭК имеют прямое действие на территории Союза. В тоже время решения по «чувствительным» вопросам могут быть переданы Совету ЕЭК, в котором каждая страна представлена профильным вице-премьером и который принимает решения консенсусом. Высшими межправительственными органами являются Евразийский межправительственный совет и Высший евразийский экономический совет (ВЕЭС), где решения также принимаются консенсусом [177].

Нормативно-правовые рамки деятельности ЕАЭС согласовывались в 2011-2013 гг. К моменту подписания Договора о ЕАЭС в мае 2014 г. и его вступления в силу 1 января 2015 г. (при одновременном прекращении деятельности ЕврАзЭС) геополитическая и геоэкономическая ситуация начала существенно меняться. Насильственная смена власти в Украине в феврале 2014 г. запустила маховик конфронтации между Россией и странами Запада. В ответ

на действия России по присоединению Крыма и в Донбассе США и ЕС начали налагать на Россию санкционные ограничения. В этой связи Россия начала рассматривать ЕАЭС как в значительной степени геостратегический проект, что не соответствовало интересам остальных стран-членов, прежде всего Казахстана. Члены ЕАЭС не присоединились к российским контрсанкциям против ЕС и выходу России из режима свободной торговли с Украиной. Астана открыто не согласилась с утверждением российской стороны, что Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС наносит урон экономическим интересам стран ЕАЭС [178]. Белоруссия приступила к активному реэкспорту в Россию сельскохозяйственной продукции из стран ЕС. Российская сторона ограничила транзит украинских товаров в Казахстан, что, по оценке Астаны, нарушало законодательство ЕАЭС в части положений о свободе транзита.

Российский курс на «секьюритизацию» ЕАЭС проявился в быстром расширении Союза. Уже 2 января 2015 г. в ЕАЭС, несмотря на недовольство Казахстана, вступила Армения, вынужденная в новых условиях отказаться от заключения Соглашения об ассоциации с ЕС, ранее не входившая в ЕврАзЭС и даже не имеющая с остальными странами ЕАЭС общей границы. Поспешностью, по некоторым экспертным оценкам, отличалось и вступление в ЕАЭС Кыргызстана в августе 2015 г. [179]

В конце 2015 г. состоялось вступление Казахстана в ВТО. При вступлении Астана согласилась понизить свой средневзвешенный таможенный тариф с 10,4 %, как это предусматривалось законодательством ЕАЭС, до 6,5 %, что означало понижение тарифов на более чем 3000 категорий товаров. Соответственно, эти товары были изъяты из действия общего таможенного тарифа ЕАЭС, а Казахстан обязался ограничить их распространение своим внутренним рынком [180]. Россия развернула мобильные таможенные группы возле границ с Белоруссией и Казахстаном. Таким образом, в реалиях в функционировании таможенного союза и режима свободного перемещения товаров в рамках ЕАЭС произошел регресс, усугубленный частым и избирательным применением странами Союза друг против друга норм

санитарного и ветеринарного контроля.

ЕАЭС продемонстрировал значительный прогресс в либерализации торговли услугами. Уже в январе 2015 г. была либерализована торговля в 43 секторах услуг, к концу 2022 г. были поэтапно либерализованы еще 85 секторов услуг. С 1 января 2023 г. в формат единого рынка были переведены еще 14 секторов услуг. Кроме того, в декабре 2022 г. ВЕЭС утвердил перечень приоритетных направлений для либерализации услуг, в который вошли 117 видов услуг, в том числе «услуги по производству текстильных изделий, бумаги, автомобилей, прицепов, транспортного оборудования, пластмассовых изделий» [181].

ЕАЭС существенно продвинулся в решении задачи обеспечения свободного перемещения рабочей силы. Для трудовых мигрантов было увеличено время, отводимое на регистрацию по новому месту жительства, эта процедура была значительно упрощена. В целом обеспечен равный доступ граждан стран ЕАЭС к здравоохранению и дошкольному образованию. В 2019 г. было подписано соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов ЕАЭС, вступившее в силу с 2021 г. [182]

В 2019 г. ВЕЭС утвердил концепцию формирования общего финансового рынка Союза. Документ предусматривает защиту прав и интересов инвесторов и потребителей финансовых услуг: развитие общего платежного пространства; формирование системы надзора за деятельностью участников общего финансового рынка; формирование общего биржевого пространства; гармонизацию законодательств государств в финансовой сфере. Планировалось, что с 2025 г., с которого общий финансовый рынок должен будет в целом заработать, будет обеспечен доступ участников финансового рынка на рынки друг друга, им будет предоставлен национальный режим (с учетом ограничений и изъятий), будут взаимно признаваться лицензии в банковском и страховом секторах, а также в секторе услуг на рынке ценных бумаг. Намечалось формирование интегрированного валютного рынка, с обеспечением прямых котировок национальных валют, проведением расчетов с

использованием национальных платежных систем, заключение соглашения о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений, создание единого рынка услуг в области аудита, налаживание в рамках ЕАЭС обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй [183].

Однако введение в 2022 г. масштабных западных санкций против российского финансового сектора, в том числе платежной системы «Мир», и отключение большинства российских банков от расчетной системы SWIFT привели к деградации уже начавшихся складываться элементов финансового рынка ЕАЭС и сделали реализацию намеченных на 2025 г. планов малореальной. В целом, по оценке бывшего председателя Коллегии ЕЭК М. Мясниковича, к 2024 г. общий рынок труда в ЕАЭС был реализован более чем на 70 % от заданного в базовом Договоре уровне, рынок товаров – на 65 %, рынок услуг – на 45 %, капиталов – менее чем на 40 % [184].

ЕАЭС удалось продвинуться в формировании общего рынка электроэнергии. После долгого переговорного процесса в октябре 2023 г. Межправительственный совет принял и утвердил Правила взаимной торговли электрической энергией на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС, которые должны вступить в силу с 1 января 2025 г. [185].

Совет руководителей уполномоченных органов стран ЕАЭС в сфере энергетики получил полномочия по контролю за действиями инфраструктурных организаций на общем электроэнергетическом рынке. Создание общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов, которое первоначально также намечалось на 2025 г., идет со значительным отставанием от графика. Хотя в июле 2023 г. ЕЭК сообщила о «высокой степени готовности» соответствующих договоров, ряд принципиально значимых вопросов, связанных с тарифами на транспортировку газа и доступам к магистральным нефтепроводам, остается нерешенным [186].

В ЕАЭС наметился прогресс в сфере содействия промышленной кооперации, в которой заинтересованы все страны-члены, поставившие задачу реиндустриализации экономики. В 2023 г. Межправительственный совет

принял Положение об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации. К отбору будут допущены проекты, участниками которых выступают предприятия трёх и более государств ЕАЭС, со сроком реализации не более пяти лет. По итогам реализации проекта должен быть достигнут один из следующих результатов: создано новое совместное промышленное производство или произойти техническое перевооружение существующего производства с созданием новых рабочих мест; создана новая цепочка добавленной стоимости; произойти увеличение экспорта продукции в третьи страны; увеличиться объём взаимной торговли или инвестиций в ЕАЭС [187].

В конце 2023 г. на заседании ВЕЭС была принята Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь». К 2045 г. ЕАЭС должен стать «самодостаточным, гармонично развитым и привлекательным для всех стран мира макрорегионом, обладающим экономико-технологическим и интеллектуальным лидерством и поддерживающим высокий уровень благосостояния государств-членов».

Основными направлениями развития обозначены обеспечение общего рынка ключевыми товарами и ресурсами и его эффективное функционирование, формирование общего пространства кооперационного взаимодействия и сотрудничества в сфере технологического развития, формирование общего транспортно-логистического пространства, создание общего финансового рынка, функционирование ЕАЭС как полюса экономического притяжения на международной арене [188].

Россия и руководство ЕЭК приложили усилия к развитию международной деятельности ЕАЭС. Главной задачей, отраженной в Совместном заявлении России и КНР от 8 мая 2015 г., стало сопряжение ЕАЭС с китайской инициативой ОПОП. В мае 2018 г. было подписано непреференциальное Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, вступившее в силу в октябре 2019 г. [189] В феврале

2023 г. был принят План развития торгово-экономического сотрудничества между ЕАЭС и Китаем, согласно которому намечена цифровизация транспортных коридоров, запуск диалога по внешнеторговой политике и проведение совместного научного исследования о перспективах сопряжения [190]. Эксперты ЕЭК в качестве основных сфер сопряжения ЕАЭС и ОПОП выделяли транспортную инфраструктуру, транзит и логистику, с выходом на составление перечня совместных транспортно-инфраструктурных проектов, принципов и механизмов их финансирования; торговлю и инвестиции, с разработкой и внедрением специальных инвестиционных и налоговых режимов, сближением норм и правил регулирования торговли; таможенное сотрудничество, с перспективой гармонизации систем прослеживаемости товаров, взаимным признанием средств идентификации и контроля при транзите; промышленное сотрудничество, в том числе создание индустриальных парков, трансграничных зон экономического сотрудничества, привлечение Китая к участию в развитии Евразийских технологических платформ; энергетику, с выходом на «формирование общего энергетического пространства макрорегиона ЕАЭС – ОПОП» и запуском общих биржевых механизмов формирования цен на энергоносители; валютно-финансовое взаимодействие, включающее разработку и тестирование цифровых валют стран ЕАЭС и Китая и учреждение общего рейтингового агентства [50].

ЕАЭС заключил соглашения о зонах свободной торговли с Вьетнамом в 2015 г., Сербией и Сингапуром в 2019 г., Ираном в конце 2023 г. (соглашение с Сингапуром, по-видимому, не вступит в силу в связи с присоединением страны к антироссийским санкциям в 2022 г. и внесением Сингапура в российский список недружественных стран). Сообщалось о разработке торговых соглашений с Индией, Индонезией, ОАЭ, Египтом, изучении вопроса о целесообразности разработки торгового соглашения с Монголией [191]. В 2018 г. был заключен меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и АСЕАН, в 2021 г. - меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Секретариатом ШОС.

В декабре 2020 г. Узбекистан получил статус наблюдателя при ЕАЭС. Это

событие активизировало дискуссии о присоединении Узбекистана к ЕАЭС в качестве полноправного члена. События 2022-2023 гг., однако, значительно снизили шансы на вступление Ташкента в ЕАЭС.

В Таджикистане целесообразность вступления в ЕАЭС рассматривается межведомственной рабочей группой еще с 2015; периодические призывы России присоединиться к ЕАЭС остаются в Душанбе без ответа – по-видимому, из-за неблагоприятной позиции КНР относительно этой перспективы [192]. Между тем в рамках СНГ, которое после фактического прекращения участия в деятельности Содружества Украины и Молдовы стало менее политизированной группировкой, в 2023 г. было подписано соглашение о свободной торговле услугами и осуществлении инвестиций [193]. После вступления в силу этот документ станет регулятором торговли услугами между странами ЕАЭС и Узбекистаном и Таджикистаном.

Выводы. ЕАЭС, несмотря на значительные трудности в его функционировании, стал основным и наиболее эффективным форматом экономической интеграции на постсоветском пространстве. В его рамках Казахстан и Кыргызстан экономически интегрируются с Россией значительно теснее, чем Узбекистан и Таджикистан, что создает экономическую линию размежевания в центральноазиатской подсистеме международных отношений. Вступление в ЕАЭС Узбекистана и Таджикистана маловероятно в геостратегических условиях, сформировавшихся в 2022-2023 гг. Тем не менее частичные механизмы сопряжения между центральноазиатской интеграцией и интеграцией в рамках ЕАЭС формируются через зону свободной торговли СНГ, включающую Узбекистан и Таджикистан, и соглашение о свободной торговле услугами в рамках СНГ, включающее как страны ЕАЭС, так и Ташкент и Душанбе.

Сопряжение ЕАЭС и инициативы ОПОП пока остается на бумаге, о чем свидетельствует тот факт, что только в 2023 г. в плане действий ЕАЭС и КНР появились пункты о проведении научного исследования о перспективах сопряжения и запуске диалога о внешнеторговой политике. С упразднением

ЕврАзЭС, в компетенцию которого входила интеграция в гуманитарной сфере и в рамках которого существовали соответствующие советы, обнаружилась недостаточность механизмов обеспечения социетальных аспектов интеграции, поскольку ЕАЭС не приобрел компетенций в сферах образования, здравоохранения, культуры и молодежной политики. У ЕАЭС практически отсутствует экологическое измерение деятельности, которое имело бы большое значение для государств Центральной Азии.

3.2. Этапы развития системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ

Регион Евразии традиционно играл огромную роль в мировой политике, а в настоящее время его значение еще более возросло. Находясь на стыке континентов и цивилизаций, занимая стратегическое геополитическое положение, имея богатейшие ресурсы и выгодные транспортные пути и коммуникации, регион остается средоточием жизненных интересов Запада и Востока. Недаром английский географ и политик Х. Маккиндер приравнял контроль над Евразией к контролю над миром [194, с. 8-9].

В настоящее время на евразийском пространстве протекают процессы и явления, характерные как для других регионов мира, так и для мировой политики в целом – региональная интеграция и транснациональная кооперация. В то же время в этом регионе обострились негативные процессы – угрозы со стороны международного терроризма, религиозного экстремизма, нелегальная транспортировка оружия и наркотиков. Прослеживается стремление многих государств активизировать свою роль на «шахматной доске» евразийского континента. Без установления в нем стратегического баланса сил на основе внутрирегиональных и внешнеполитических реалий, регион может еще долго оставаться беспокойным геопространством.

В связи с этим на повестку дня государств региона в качестве одного из главных приоритетов выдвинулась задача создания эффективной и надежной системы коллективной безопасности. Создание единой системы такого рода для всей Евразии представляется делом крайне сложным в виду беспрецедентного разнообразия интересов евразийских государств. Тем не менее, такие попытки предпринимались (например, в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), но украинский кризис 2022-2023 гг. показал их крайне низкую эффективность. В ситуации возникновения и роста угроз региональной безопасности на западе, на востоке и на южном направлении целесообразно создавать сеть региональных/субрегиональных систем безопасности в виде соответствующих соглашений, объединений государств, механизмов реагирования.

Ценный и интересный положительный опыт деятельности в области создания региональной системы коллективной безопасности накоплен и продолжает нарабатываться в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В 1990-е – начале 2000-х гг. в мире сложилась принципиально новая ситуация в сфере безопасности, для военно-политической составляющей которой наиболее значимыми стали новые вызовы и угрозы [195, с. 15-16].

Во-первых, на первый план в глобальной системе военно-политических отношений вышло противодействие новым вызовам, стимулированным процессами глобализации, в числе которых распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, рост международного терроризма, религиозного экстремизма, наркоторговли, интернационализация организованной преступности. Характер этих вызовов таков, что с ними невозможно эффективно бороться в рамках отдельных государств. В связи с этим резко повысилась важность международного сотрудничества силовых структур, включая спецслужбы и вооруженные силы.

Во-вторых, стало реальностью осуществление международных операций по применению силы вне традиционных военно-политических организаций.

Военная сила все чаще стала применяется в рамках коалиций, сформированных на временной основе. Это явилось отражением объективного характера ситуации в мире 1990-х – начала 2000-х гг., при которой на смену прямой военной агрессии стала приходиться скрытая, непредсказуемая или внезапно реализуемая угроза.

В-третьих, в условиях сращивания внутреннего и международного терроризма, стало очевидно, что терроризм трансформировался из политической угрозы в военно-политическую, и сфера ответственности вооруженных сил по противодействию ему значительно расширилась.

Причины и предпосылки возникновения структур военно-политической интеграции в рамках СНГ и интересы ее участников. 15 мая 1992 г. в Ташкенте сроком на 5 лет главами Армении, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана был подписан Договор о коллективной безопасности (ДКБ, вступил в силу в 1994 г.). В 1993 г. к нему присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия. 2 апреля 1999 г. Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном был подписан Протокол о продлении ДКБ, в соответствии с которым он продлевается автоматически на пять лет.

Среди основных причин, вызвавших к жизни Договор о коллективной безопасности, выделим следующие:

1. Договор был частью разворачивавшегося на постсоветском пространстве интеграционного процесса и в обозримой перспективе был призван стать составной частью создаваемой в Европе и Азии системы коллективной безопасности.

2. Главной движущей и направляющей силой Договора была и остается Россия. Создание Договора о коллективной безопасности можно и необходимо рассматривать как попытку России найти новые формы военно-политического сотрудничества на постсоветском пространстве, ответить на возникшие с распадом СССР угрозы и вызовы ее безопасности, в частности – предупредить появление иностранных военных баз на территории бывшего СССР и

одновременно сохранить собственное военное присутствие здесь для обеспечения возможности влиять на развитие крайне напряженной ситуации в благоприятном для себя ключе.

Необходимые предпосылки для этого существовали – это и схожесть исторической ситуации, в которой оказались постсоветские республики, и императив сохранения и интегрирования важнейших элементов комплекса связей, объединявших эти республики в единый государственный механизм, и необходимость совместных скоординированных действий по отражению новых, нетрадиционных вызовов и угроз национальной и региональной безопасности.

Тем не менее, после подписания Договора о коллективной безопасности реализация его замысла столкнулась с рядом объективных трудностей. Начальный этап функционирования Договора, подписание которого состоялось всего через пять месяцев после образования СНГ, в полной мере отразил специфику конкретно-исторической ситуации, возникшей тогда на пространстве бывшего СССР. Договор о коллективной безопасности рассматривали как своего рода военно-политическое ответвление Содружества; членство в ДКБ и СНГ было практически идентичным. Три участника Содружества, Молдавия, Туркменистан и Украина, не подписали Договор о коллективной безопасности (Молдавия – из-за разногласий с Россией на почве конфликта в Приднестровье, Туркмения провозгласила статус нейтрального государства, а Украина ограничилась статусом наблюдателя). Само образование круга участников ДКБ показало, что в рассматриваемый период это соглашение по объективным причинам не могло стать основой военно-политической организации бывших советских республик. К этим причинам необходимо отнести следующие факторы.

Во-первых, после распада СССР практически все составлявшие его ранее республики, получившие независимость, приступили к поиску самоидентификации в области внешней и военной политики. Имела место тенденция к усилению разнонаправленности военного курса государств

Содружества, возникшая в результате обретения суверенитета и возможности поиска альтернативных партнеров в военной области. В таких условиях были неизбежны множественность векторов внешней и военной политики и слабая заинтересованность в военно-политической интеграции.

Во-вторых, основной массив интеграционных усилий на постсоветском пространстве был вписан тогда в рамки СНГ, созданного – в том числе – и как форма «цивилизованного развода» новых независимых государств. Однако, следует иметь в виду, что само Содружество Независимых Государств в тот период также находилось на стадии становления, формирования нормативно-правовой и структурно-организационной базы. Эволюция военно-политической интеграции на постсоветском пространстве определялась общим состоянием интеграционных связей государств Содружества, в значительной степени определялась результирующей конфигурацией внешнеэкономических и внешнеполитических интересов каждого из них. Военная составляющая СНГ воспринималась скорее как необходимый «довесок» к другим, более важным его компонентам, в связи с чем Договор о коллективной безопасности оставался несколько в стороне от магистрального военно-политического процесса и не играл роли объединяющего начала.

В-третьих, при разнонаправленности военно-политических векторов курса ряда стран СНГ последний характеризовался также определенной сдержанностью в отношении России как несущей опоры коллективной безопасности в Евразии.

В-четвертых, ряд исследователей считают, что реальной опасности странам, подписавшим договор, в конкретно-исторической внешнеполитической ситуации 1990-х годов не существовало (не случайно в преамбуле документа ничего не говорится о каких-то конкретных угрозах, побудивших заключить это соглашение, а вероятный противник представлен в виде абстрактной страны-агрессора). Действительно, в рассматриваемый период трудно было себе представить такого рода агрессивные действия со стороны, например, Турции, Ирана или Китая [196].

В-пятых, на постсоветском пространстве сложился тогда ряд узлов и противоречий, некоторые из них переросли в вооруженные конфликты (и остаются нераспутанными). Ряд государств-членов ДКБ испытывал насущную необходимость в ликвидации угроз не внешнего характера, а находящихся внутри сообщества стран ДКБ. Поэтому явно или латентно дали себя знать сложившиеся противоречия или отсутствие интеграционных стимулов. Подключаясь к Договору о коллективной безопасности, большинство его участников помимо собственно интеграционных целей как таковых руководствовались прежде всего своими узкими интересами и рассчитывали получить дивиденды, используя его как инструмент решения собственных задач. Представления о военных угрозах у каждого члена ДКБ были тогда разные.

Так, Молдавия, как было сказано выше, разошлась с Россией и Украиной из-за Приднестровья. Армения вступала в ДКБ опасаясь войны с Азербайджаном (и даже Турцией) из-за конфликта в Нагорном Карабахе и в расчете на поддержку России. Азербайджан, в свою очередь, надеялся на «умиротворение» Армении в карабахском вопросе посредством коллективного воздействия в рамках ДКБ. Узбекистан был обеспокоен неопределенностью ситуации в Таджикистане и возможностью быть захлестнутым волной экстремизма в случае проникновения исламских экстремистов из Афганистана на свою территорию через Таджикистан (следует отметить, что единственной реальной силой, способной оказать Ташкенту помощь при таком сценарии, была тогда именно Россия). Таджикистан также опасался исламского вторжения и возможных акций со стороны Узбекистана и в целом, будучи раздираем гражданской войной, также мог полагаться только на помощь России. Грузия намеревалась заручиться поддержкой России в вопросе об установлении контроля над Абхазией и Южной Осетией [197, с. 528].

В-шестых, в 1992-93 гг. сама Россия явно ослабила свое внимание к азиатским и другим республикам бывшего СССР из-за чрезмерной увлеченности идеей установления «стратегического партнерства» с Западом

[198, с. 122].

В результате, почти на всем протяжении 1990-х годов на фоне обозначившихся расхождений и разногласий, свертывания военно-стратегических связей заинтересованность в развитии механизмов ДКБ ослабевала. Договор не нес нагрузки объединяющего фактора, а заседания его органов проходили как «приложение» к повестке дня органов Содружества. ДКБ преимущественно рассматривался его создателями не столько как составная часть интеграционной политики, сколько как инструмент, направленный на разрешение всех разногласий между ними, а также с другими государствами мирными средствами.

Юридически, данный Договор имел солидную и прочную основу, характерную для оборонительного союза. Хотя впоследствии эта основа была не только сохранена, но и углублена, на начальном этапе она оставляла ряд вопросов открытыми вследствие того, что имелось явное противоречие между соглашением и реальностью.

Так, в Статье 1 Договора указывалось: «Государства-участники подтверждают обязательство воздерживаться от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях» [199]. Вместе с тем, две страны-члена ДКБ – Армения и Азербайджан вели друг с другом войну, а еще две – Таджикистан и Узбекистан могли легко при случае применить силу друг против друга. В Статье 4 договора говорится: «Если одно из государств участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников настоящего договора» [199]. Не указано, однако, распространяется ли это положение на случаи агрессии со стороны других стран ДКБ. Все это создавало неопределенности в отношениях государств-участников. Не был также прописан механизм принятия решений об оказании военной помощи, что, с другой стороны, придавало ДКБ определенную декларативность. Следует признать, что в целом в рассматриваемый период ДКБ не отличала высокая эффективность. Далеко не все проблемы внутри

сферы действия Договора удавалось благополучно разрешить.

Тем не менее, последовательная позиция России в вопросе о сохранении и упрочении ДКБ полностью оправдала себя как с точки зрения ее собственных интересов, так и исторической перспективы. После отказа от прозападного «крена» во внешней политике и смены руководства российского МИД усилия Москвы по восстановлению своих позиций на постсоветском пространстве начали приносить плоды. Главным стимулом и опорой обозначившейся активизации деятельности ДКБ стало усиление Россией ее интеграционного вектора на направлении «ближнего зарубежья» в конце 1990-х годов, что было вызвано рядом причин внутреннего и внешнего порядка. В целом, российское руководство твердо взяло курс на возрождение страны как одного из лидеров мировой политики, более эффективной включенности в региональные и субрегиональные процессы и структуры, обоснованно позиционируя Россию как главную движущую силу сближения государств СНГ на основе общей заинтересованности в стабильном развитии и обеспечении безопасности.

Так, крупные конфликты, в конечном итоге, были урегулированы с учетом, прежде всего интересов России. В Таджикистане утвердился пророссийский режим Э. Рахмонова. Нагорный Карабах надолго (до 2023 г.) остался армянским. Грузия не смогла вернуть контроль над Абхазией и Южной Осетией. При этом в Таджикистане и Абхазии действовали миротворческие силы СНГ, состоявшие в первом случае главным образом из российских военных, а во втором случае – исключительно из них.

Возможно по этой причине, некоторые государства разочаровались в плодотворности многостороннего сотрудничества с участием России. Азербайджан, Грузия и Узбекистан объединились вместе с Украиной и Молдавией в блок ГУУАМ, ориентирующийся на сотрудничество с НАТО. Эти страны вышли из ДКБ, не пролонгировав его в 1999 г.

Ситуация начала быстро и радикально меняться в конце 1990-х годов, что было обусловлено следующими факторами:

- обострение ситуации в Афганистане, потребовавшее уже осенью 1996

г. (к концу сентября талибы взяли под контроль все провинции страны за исключением северных, захватили Кабул), а затем и летом 1998 г. (активизация военных действий талибов вблизи южных границ СНГ) принять меры по ограждению южных рубежей зоны действия Договора от внешних посягательств (в 1996 г. в связи с угрозой из Афганистана состоялась встреча руководителей государств-участников ДКБ, на которой Россию представлял премьер-министр В.С. Черномырдин, в Алма-Ате);

- активизация деятельности поддерживаемых талибами и другими фундаменталистскими центрами в арабо-мусульманском мире бандформирований из числа мусульманских экстремистов – выходцев из стран Центральной Азии с определенной социальной опорой в них (в 1997 г. возникло Исламское движение Узбекистана, поставившее целью свержение режима И. Каримова и создание в стране «исламского халифата», а летом 1999 г. и 2000 г. исламские боевики прорвались из Афганистана через Кыргызстан и Таджикистан в Узбекистан, но были остановлены армией Узбекистана);

- обострение военно-политической ситуации на юге Кыргызстана осенью 1999 г. и весной 2000 г.;

- первая «волна» расширения НАТО, приближение альянса к западным границам СНГ и государств-участников ДКБ с перспективой последующих «волн», сохранение напряженности на кавказском направлении.

Взятые в совокупности, эти факторы вызвали объективную необходимость не просто оживления деятельности в рамках ДКБ, но и потребовали перехода на более высокую ступень военно-политической интеграции в виде наращивания усилий по созданию конкретных механизмов военной безопасности (в первую очередь – региональных сил коллективной безопасности), задействования консультативного механизма ДКБ, активизации военно-технического сотрудничества, роста востребованности ресурсов России, а также согласования внешнеполитических позиций и подходов на уровне полноценного союзничества.

В итоге новые реалии геополитической обстановки, связанные прежде всего, с угрозой активизации международного терроризма и экстремизма, а также императивы внутри- и внешнеполитического развития потребовали нового, качественно более высокого по сравнению с укорененным в структурах СНГ Договором о коллективной безопасности уровня консолидации и координации коллективных действий, адекватной адаптации к общемировой тенденции и сплочения в деле противодействия глобальной угрозе.

Основные итоги формирования нормативно-правовой базы и этапы развития системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ (ДКБ). В целом, военно-политическое сотрудничество между группой стран бывшего СССР в рамках ОДКБ (ДКБ) пошло по традиционному пути от формального подписания соответствующего соглашения к созданию на его основе организационных структур (таким же путем, эволюционировал, например, блок НАТО).

Этот процесс не форсировался его участниками, а протекал сообразно развитию ситуации. Так, в 1995 г. были приняты Концепция коллективной безопасности государств-участников ДКБ, документ об «Основных направлениях углубления военного сотрудничества», подписано Соглашение о создании объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО). В 1999 г. был утвержден План второго этапа формирования системы коллективной безопасности, который предусматривал создание коалиционных сил на восточноевропейском, кавказском и центральноазиатском направлениях.

В 1999 г. подписанный в мае 1992 г. Ташкентский договор был продлен, но, как отмечалось выше, Азербайджан, Грузия и Узбекистан вышли из его состава. Выражение «Ташкентский договор» перестало употребляться, вместо этого утвердилось название «ДКБ». С выходом колеблющихся стран круг участников военно-политического сотрудничества в СНГ стал более устойчивым, что позволило перевести его на следующий, более высокий уровень.

В 2000 г. Совет коллективной безопасности (СКБ) принял Меморандум о

повышении эффективности ДКБ и его адаптации к современной геополитической ситуации, направляющий деятельность Организации на отражение новых вызовов региональной и коллективной безопасности. Были утверждены Положение о порядке принятия и реализации коллективных решений относительно применения сил и средств системы коллективной безопасности, Основные положения коалиционной стратегии, Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества, модель региональной системы коллективной безопасности. В целях повышения эффективности деятельности ДКБ на Минской сессии Совета коллективной безопасности в мае 2000 г. регионы коллективной безопасности были разграничены на европейский, кавказский и центральноазиатский.

В 2000-2001 гг. были подписаны Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности, Протокол о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств-участников ДКБ. В октябре 2000 г. в рамках Бишкекской сессии было принято решение о создании системы коллективных сил безопасности. По решению Ереванской сессии в мае 2001 г. были созданы Коллективные силы быстрого реагирования Центрально-Азиатского региона (КСБР ЦАР). Численность КСБР составила более 4000 человек с участием воинских подразделений Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана с приданными им вооружениями и военной техникой (11 батальонов государств-участников ДКБ). В Бишкеке действует Постоянная оперативная группа штаба КСБР ЦАР, регулярно проводятся командно-штабные учения и тренировки, совместные тактические учения с боевой стрельбой.

7 октября 2002 г. на саммите государств СНГ в Кишиневе шесть государств-участников ДКБ подписали Устав Организации ДКБ и Соглашение о правовом статусе ОДКБ, которые вступили в силу 18 сентября 2003 г., что означало преобразование сотрудничества в рамках Договора в международную региональную организацию. Ранее, 29 апреля 2003 г., участники ДКБ на заседании Совета коллективной безопасности СНГ в Душанбе приняли

решение о создании постоянно действующего Секретариата ОДКБ со своим бюджетом и штатом сотрудников, а также Объединенного штаба (функционирует с 1 января 2004 г.).

Со временем ОДКБ эволюционировала в многофункциональную военно-политическую интеграционную структуру. Организация располагает сложившейся иерархией руководящих, исполнительных и консультативных органов. В ОДКБ сложилась компактная и гибкая организационно-управленческая структура, в рамках которой функционируют Совет коллективной безопасности, Совет министров иностранных дел (СМИД), Совет министров обороны (СМО), Комитет секретарей советов безопасности (КССБ), Секретариат во главе с Генеральным секретарем Организации, Объединенный штаб с четко прописанными полномочиями и функциями.

В целом, в рамках ОДКБ был подписан ряд важных нормативно-правовых документов, составляющих юридическую базу военно-политического сотрудничества и отражающих его основные направления [200, с. 88-89].

Совокупность основополагающих документов, регулирующих деятельность ОДКБ в правовом отношении, отражена в Таблице 3.1., по данным официального интернет-представительства ОДКБ, на 10 января 2024 г.

Таблица 3.1. – Нормативно-правовые документы, подписанные в рамках ОДКБ (ДКБ) (таблица составлена автором).

1992 год	
15 мая (г.Ташкент, СНГ)	Договор о коллективной безопасности (ДКБ), подписанный главами шести государств: Республики Армения, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан.
6 июля (г.Москва, СНГ)	Соглашение об утверждении Положения о Совете коллективной безопасности (СКБ).

1993 год	
24 сентября	К Договору присоединилась Республика Азербайджан.
9 декабря	К Договору присоединилась Грузия.
31 декабря	К Договору присоединилась Республика Беларусь.
24 декабря (г.Ашгабад, СГГ)	<p>Решение о первоочередных мерах по реализации ДКБ (о внесении изменений и дополнений в Положение о СКБ, Протокол об условиях, механизме и процедуре присоединения;</p> <p>Протокол об условиях, механизме и процедуре присоединения к ДКБ государств, не подписавших этот Договор;</p> <p>Решение о назначении Генерального секретаря СКБ.</p>
1995 год	
10 февраля (г.Алма-Ата, СГГ)	<p>Решение СКБ о Концепции коллективной безопасности государств-участников ДКБ (об утверждении прилагаемой Концепции);</p> <p>Решение СКБ об основных направлениях углубления военного сотрудничества государств-участников ДКБ (об утверждении прилагаемых направлений);</p> <p>Решение о Декларации государств-участников ДКБ (об одобрении прилагаемой Декларации);</p>
26 мая (г.Минск, СГГ, СГП)	<p>Решение СКБ о регистрации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решение СКБ о Правилах процедуры СКБ;</p> <p>Решение СКБ о Плане реализации Концепции</p>

	коллективной безопасности и Основных направлений углубления военного сотрудничества государств-участников ДКБ (об утверждении прилагаемого Плана);
3 ноября (г.Москва, СГП)	Решение глав правительств государств-участников ДКБ о порядке финансирования деятельности СКБ и его рабочих органов (об утверждении порядка финансирования);
1996 год	
17 мая (г.Москва, СКБ)	Решение СКБ об упорядочении деятельности органов, координирующих работу по реализации ДКБ;
1997 год	
28 марта (г.Москва)	Положение о порядке проведения консультаций между государствами-участниками ДКБ;
1998 год	
5 марта (г.Москва)	<p>Решением Совета министров иностранных дел государств-участников ДКБ утверждено Положение о Полномочных представителях государств-участников ДКБ при Генеральном секретаре СКБ;</p> <p>Решением Совета министров иностранных дел государств-участников ДКБ на Секретариат СКБ возложены функции депозитария документов;</p>
1999 год	
2 апреля (г.Москва, СКБ)	<p>Протокол о продлении ДКБ от 15 мая 1992 года.</p> <p>План основных мероприятий второго этапа формирования системы коллективной безопасности (до 2001 года);</p> <p>Положение о Совете министров иностранных</p>

	дел государств-участников Договора о коллективной безопасности;
2000 год	
24 мая (г.Минск, СКБ)	<p>О Докладе Генерального секретаря Совета коллективной безопасности;</p> <p>Меморандум о повышении эффективности Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года и его адаптации к современной геополитической ситуации;</p> <p>О создании Комитета секретарей Совета безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности (КССБ);</p> <p>О Положении о Совете министров обороны государств-участников Договора о коллективной безопасности;</p> <p>О Положении о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение сил и средств системы коллективной безопасности;</p> <p>О Генеральном секретаре Совета коллективной безопасности;</p> <p>Заявление Глав государств-участников Договора о коллективной безопасности;</p>
20 июня (г.Москва, главы правительств)	Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами-участниками ДКБ;
11 октября (г.Бишкек, СКБ)	Заявление Глав государств Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан в связи с угрозами

	<p>безопасности в регионе Центральной Азии;</p> <p>План основных мероприятий по формированию системы коллективной безопасности на период 2001-2005 г.г.;</p> <p>Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности;</p> <p>О ходе работы по формированию системы коллективной безопасности;</p> <p>О реализации Соглашения об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами-участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года;</p> <p>О рабочих контактах Генерального секретаря Совета коллективной безопасности с международными организациями по вопросам безопасности;</p>
2001 год	
25 мая (г.Ереван, СКБ)	<p>О Докладе Генерального секретаря Совета коллективной безопасности;</p> <p>Заявление глав государств Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан;</p> <p>О Коллективных силах быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности;</p> <p>Протокол о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств-участников</p>

	<p>Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года;</p> <p>О создании межгосударственного органа военного управления системы коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности;</p> <p>О внесении изменений и дополнений в Положение о Совете коллективной безопасности и Правила процедуры Совета коллективной безопасности;</p>
12 сентября (г.Ереван, СКБ)	Заявление государств-участников ДКБ в связи с террористическими актами в Соединенных Штатах Америки;
2002 год	
5 февраля СКБ	<p>Решение о Плате мероприятий, посвященных десятой годовщине подписания Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года;</p> <p>Решение о механизме реализации Соглашения об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами-участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года;</p>
14 мая (г.Москва, СКБ)	<p>Об Аналитическом докладе «Десятилетие Договора о коллективной безопасности и задачи на перспективу»;</p> <p>Заявление Глав государств-участников Договора о коллективной безопасности по случаю 10-летия подписания Договора о коллективной безопасности;</p> <p>О придании Договору о коллективной</p>

	<p>безопасности статуса международной региональной организации;</p> <p>О вопросах деятельности Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона;</p> <p>О мерах по дальнейшему развитию военно-технического сотрудничества между государствами-участниками Договора о коллективной безопасности;</p>
<p>7 октября (г.Кишинев, СКБ)</p>	<p>Устав Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Соглашение о правовом статусе Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решение о работе по выступлению в силу Устава Организации Договора о коллективной безопасности и Соглашения о правовом статусе Организации Договора о коллективной безопасности;</p>
<p>2003 год</p>	
<p>28 апреля (г.Душанбе, СКБ)</p>	<p>О ежегодном докладе Генерального секретаря СКБ;</p> <p>Заявление глав государств-участников ДКБ;</p> <p>О положениях об органах Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Об организационно-финансовых документах Организации ДКБ;</p> <p>О создании Объединенного штаба Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>О начальнике Объединенного штаба Организации ДКБ и его Первом заместителе;</p> <p>О расширении сферы применения Соглашения</p>

	<p>об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами-участниками ДКБ;</p> <p>О развитии процесса совместного обучения кадров и специалистов для вооруженных сил государств-членов Организации ДКБ;</p> <p>Соглашение о создании единой системы технического прикрытия железных дорог государств-членов Организации ДКБ;</p> <p>О обеспечении Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности;</p> <p>О некоторых мерах, связанных с учреждением Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>О координации деятельности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по борьбе с наркоугрозой, исходящей извне;</p> <p>О Генеральном секретаре Совета коллективной безопасности (Организации Договора о коллективной безопасности);</p>
2004 год	
18 июня (г.Астана, СКБ)	<p>Заявление глав государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решения СКБ:</p> <p>О реализации решений Душанбинской (2003 г.) сессии Совета коллективной безопасности и о перспективах развития Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Об основных направлениях диалога и</p>

	<p>взаимоотношений Организации Договора о коллективной безопасности с Организацией Североатлантического Договора;</p> <p>О документах, регламентирующих деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (Правила процедуры ОДКБ, Положение о порядке приема и выхода из ОДКБ, Положение о приостановке участия государства-члена в деятельности органов ОДКБ или его исключения из ОДКБ, Положение о Почетной грамоте СКБ);</p> <p>О Концепции формирования и функционирования механизма миротворческой деятельности ОДКБ; Решение СКБ О коллективных силах быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности;</p> <p>О начальнике Объединенного штаба и о Группе координаторов из представителей генеральных (главных) штабов ВС государств-членов ОДКБ;</p> <p>По организационно-финансовым вопросам;</p> <p>Об очередной сессии Совета коллективной безопасности подписаны:</p> <p>Соглашение о взаимном обеспечении сохранности секретной информации в рамках ОДКБ;</p> <p>Соглашение об оперативном оборудовании территории, совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств-членов ОДКБ;</p>
2005 год	
23 июня (г.Москва, СКБ)	Заявление глав государств Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан,

Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан;

Решения СКБ:

О реализации решений Астанинской (2004 г.) сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности, об утверждении Приоритетных направлений деятельности Организации Договора о коллективной безопасности во втором полугодии 2005 года – первом полугодии 2006 года и Плана основных мероприятий по всестороннему укреплению межгосударственного сотрудничества, формированию и развитию системы коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности на 2006–2010 гг.;

О реализации Плана мероприятий по координации деятельности государств-членов ОДКБ в вопросах постконфликтного обустройства Афганистана и мерах по совершенствованию этой работы;

О начальнике Объединенного штаба Организации Договора о коллективной безопасности;

О концепции Программы военно-технического сотрудничества государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности на период 2006 - 2010 годов;

О Межгосударственной комиссии по военно-экономическому сотрудничеству Организации Договора о коллективной безопасности;

	<p>Об Отчете об исполнении Бюджета Организации Договора о коллективной безопасности за 2004 год и корректировке долевых взносов государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности на финансирование деятельности рабочих органов Организации в 2005 году;</p> <p>О создании Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности и утверждении Положения о Координационном совете руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>О развитии и совершенствовании противовоздушной обороны государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>О признании утратившими силу ряда нормативных правовых документов;</p> <p>О награждении Почетной грамотой Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Об очередной сессии Совета коллективной безопасности;</p> <p>Соглашение о подготовке военных кадров для государств-членов ОДКБ;</p>
2006 год	

<p>23 июня (г.Минск, СКБ)</p>	<p>Декларация о дальнейшем совершенствовании и повышении эффективности деятельности Организации;</p> <p>Приоритетные направления деятельности Организации на второе полугодие 2006 г. – первое полугодие 2007 г.;</p> <p>Заявление на Конференции ООН для обзора прогресса, достигнутого в осуществление Программы действий по предотвращению и искоренению незаконной торговли стрелковым оружием, легкими вооружениями во всех аспектах и борьбе с ней;</p> <p>План мероприятий, посвященных пятнадцатой годовщине подписания ДКБ;</p> <p>Решение о восстановлении членства Республики Узбекистан в ОДКБ;</p>
<p>2007 год 6 октября (г.Душанбе, СКБ)</p>	<p>Декларация государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в связи с 15-летием Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Соглашение о создании системы управления силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ;</p> <p>Соглашение о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные и используемые в ходе военно-экономического сотрудничества в рамках ОДКБ;</p> <p>Соглашение о взаимодействии в области</p>

	<p>рекламно-вставочной деятельности в сфере военно-экономического сотрудничества между государствами-членами ОДКБ;</p> <p>Соглашения о льготных условиях поставок специальной техники и специальных средств;</p> <p>Протокол о механизме оказания военно-технической помощи государствам-членам ОДКБ в случае возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии;</p> <p>Решения СКБ:</p> <p>Об организационных мерах по восстановлению членства Республики Узбекистан в ОДКБ;</p> <p>О документах по нормативному и организационному оформлению в рамках ОДКБ механизма миротворческой деятельности (Положение о коллективных миротворческих силах ОДКБ, Положение об Оперативной рабочей группе по подготовке миротворческих операций ОДКБ, Положение о главе миротворческой миссии ОДКБ) ;</p> <p>О создании Координационного совета по чрезвычайным ситуациям государств-членов ОДКБ;</p> <p>О создании Координационного совета руководителей компетентных органов государств-членов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией;</p> <p>Решение о плане переоснащения (оснащения) КСБР ЦАР;</p>
2008 год	
5 сентября	Декларация Московской сессии Совета

(г.Москва, СКБ)	<p>коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Соглашение о подготовке кадров для правоохранительных, противопожарных, аварийно-спасательных органов и специальных служб государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решение о Положении о порядке разработки, финансирования и реализации целевых межгосударственных программ Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решение о дополнительных мерах по усилению антинаркотической деятельности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решение о Программе совместных действий по формированию системы информационной безопасности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решение о Плане коллективных действий государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН на 2008-2012 годы;</p>
2009 год	
4 февраля (г.Москва, внеочередная сессия СКБ)	<p>Решение Совета коллективной безопасности о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ;</p>
14 июня	<p>Заявление глав государств-членов Организации</p>

(г.Москва, СКБ)	<p>Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Соглашение об основных принципах создания системы скрытого управления силами и средствами системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решение «Об основных направлениях деятельности государств-членов ОДКБ по формированию системы коллективного реагирования на чрезвычайные ситуации на период до 2012 года» ;</p> <p>Решение «О Плане действий государств-членов ОДКБ по формированию коллективной системы противодействия незаконной миграции граждан третьих стран на период до 2012 года»;</p>
2010 год	
10 декабря (г.Москва, СКБ)	<p>Декларация государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Заявление государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности о Миротворческих силах ОДКБ;</p> <p>Решение «О мерах по подготовке стратегических и концептуальных документов по совершенствованию и развитию системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности»;</p> <p>Протокол о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года;</p>

Протокол о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года;

Решение «О Положении о порядке реагирования на кризисные ситуации Организации Договора о коллективной безопасности»;

Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности;

Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности;

Решение «О Положении о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности»;

Соглашение о сохранении специализации предприятий и организаций, участвующих в производстве продукции военного назначения в рамках Организации Договора о коллективной безопасности;

Соглашение о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в области разработки, производства, эксплуатации, ремонта, модернизации, продления сроков эксплуатации и утилизации продукции военного назначения;

	<p>Соглашение об общих принципах создания межгосударственных научно-производственных объединений в Организации Договора о коллективной безопасности по выпуску продукции военного назначения;</p> <p>Протокол об обеспечении технической и информационной совместимости вооружения и военной техники сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решение «О Положении о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности»;</p>
2011 год	
20 декабря (г.Москва, СКБ)	<p>Заявление (Итоговый документ) сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности в связи с 20-летием подписания Договора о коллективной безопасности и 10-летием Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Целевой межгосударственной программе оснащения Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности современным вооружением, военной и специальной техникой, специальными средствами»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности</p>

	<p>Организации Договора о коллективной безопасности «О Плане первоочередных мероприятий по формированию основ скоординированной информационной политики в интересах государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Перечне мероприятий, направленных на формирование системы обеспечения информационной безопасности в интересах Организации Договора о коллективной безопасности»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Положении о порядке реагирования государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности на чрезвычайные ситуации»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Плане мероприятий Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию вызовам и угрозам безопасности, исходящим с территории Афганистана»;</p> <p>Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности;</p>
2012 год	
11 мая	Декларация глав государств-членов Организации

(г.Москва, внеочередная сессия)	Договора о коллективной безопасности;
19 декабря (г.Москва, сессия СКБ)	Решение СКБ о развитии военной составляющей ОДКБ до 2020 года; Решение СКБ о мерах по противодействию угрозам, исходящим с территории Афганистана; Решение СКБ об утверждении основных направлений развития системы коллективного реагирования на чрезвычайные ситуации; Решение о приостановке членства Узбекистана в Организации;
2013 год	
28 мая (г.Бишкек, неформальная встреча глав государств- членов ОДКБ Центральноазиатского региона)	Решение об оказании содействия властям Афганистана после вывода Международных сил содействия безопасности;
23 сентября (г.Сочи, СКБ)	Заявление СКБ о ситуации в Сирии и вокруг нее; Решение об оказании военно-технической помощи Пограничным войскам Республики Таджикистан для укрепления таджикско-афганской границы;
2014 год	
23 декабря (г.Москва, СКБ)	Заявление глав государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности; Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности

«О Коллективных авиационных силах Организации Договора о коллективной безопасности»;

Протокол о составе и дислокации национальных формирований (контингентов) Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности;

Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Положении о Межгосударственной комиссии по военно-экономическому сотрудничеству Организации Договора о коллективной безопасности»;

Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Положении об организации совместной рекламной выставочной деятельности в сфере военно-экономического сотрудничества государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности»;

Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «Об Антинаркотической стратегии государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2015-2020 годы»;

Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Плане мероприятий по реализации Основных направлений развития системы коллективного реагирования государств-членов Организации

	<p>Договора о коллективной безопасности на чрезвычайные ситуации»;</p> <p>Протокол о взаимодействии государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Положении об операции постоянного действия государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий (операция «ПРОКСИ»)»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Консультационном координационном центре Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам реагирования на компьютерные инциденты»;</p>
2015 год	
15 сентября (г.Душанбе, СКБ)	<p>Протокол о составе и базировании Коллективных авиационных сил ОДКБ;</p> <p>Решение о системе управления Войсками (Коллективными силами) ОДКБ;</p> <p>Соглашение о сотрудничестве в области перевозок воинских и других формирований, движимого имущества и продукции военного назначения;</p> <p>Заявление глав государств-членов ОДКБ;</p>

<p>21 декабря (г.Москва, СКБ)</p>	<p>Заявление о противодействии международному терроризму;</p>
<p>2016 год</p>	
<p>14 октября (г.Ереван, СКБ)</p>	<p>Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О Перечне дополнительных мер по противодействию международному терроризму и экстремизму в формате Организации Договора о коллективной безопасности»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О Положении о формировании Единого списка организаций, признанных террористическими в формате Организации Договора о коллективной безопасности»;</p> <p>Заявление глав государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Заявление глав государств–членов ОДКБ по нагорно-карабахскому конфликту;</p> <p>Заявления глав государств–членов ОДКБ о влиянии односторонних действий по развертыванию глобальной системы противоракетной обороны на международную безопасность и стабильность;</p> <p>Заявление глав государств–членов ОДКБ об обеспечении охраны государственных границ ОДКБ;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О Центре кризисного реагирования</p>

	<p>Организации Договора о коллективной безопасности»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О Концепции стандартизации вооружения и военной техники в рамках Организации Договора о коллективной безопасности»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О Концепции развития системы совместной подготовки военных кадров для вооруженных сил государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2020 года»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О реагировании государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности на чрезвычайные ситуации»;</p>
2017 год	
30 ноября (г.Минск, СКБ)	<p>Декларация глав государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности в связи с 25-летием Договора о коллективной безопасности и 15-летием Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Заявление глав государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности о ситуации в Сирии и вокруг нее;</p> <p>Заявление глав государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности о поддержке посреднических усилий сопредседателей Минской группы ОБСЕ по нагорно-карабахскому урегулированию;</p>

	<p>Заявление глав государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности о совместных мерах по укреплению оборонного потенциала государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Соглашение о сотрудничестве государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Плане реализации Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года»;</p> <p>Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О совершенствовании мер по противодействию незаконной миграции»;</p>
2018 год	
8 ноября (г.Астана, СКБ)	<p>Заявление о скоординированных мерах в отношении участников вооруженных конфликтов на стороне международных террористических организаций;</p> <p>Решение о правовом оформлении статуса наблюдателя при ОДКБ и партнера ОДКБ;</p> <p>Решение о Положении о Центре кризисного реагирования ОДКБ;</p> <p>План мероприятий по развитию скоординированной информационной политики в</p>

	<p>интересах государств-членов ОДКБ;</p> <p>План по развитию коллективной системы противодействия незаконной миграции на период до 2025 г.;</p>
2019 год	
<p>28 ноября (г.Бишкек, СКБ)</p>	<p>Заявление о совершенствовании международного взаимодействия и сотрудничества в целях укрепления глобальной и региональной безопасности;</p> <p>Решение «О Плана коллективных действий государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН на 2019 – 2021 годы»;</p> <p>Решение «О Перечне дополнительных мер, направленных на снижение напряженности в таджикско-афганском приграничье»;</p> <p>Решение «О Положении о порядке организации и проведения совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в рамках Организации Договора о коллективной безопасности»;</p>
2020 год	
<p>2 декабря (в режиме видеоконференции, СКБ)</p>	<p>Декларация Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Заявление Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности о формировании справедливого и устойчивого мироустройства;</p>

Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Плане развития военного сотрудничества государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021-2025 годы»;

Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «Об Антинаркотической стратегии государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021-2025 годы»;

Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Концепции комплексного системного подхода к обеспечению и контролю качества совместно разрабатываемой и производимой в рамках Организации Договора о коллективной безопасности продукции военного назначения на протяжении всего жизненного цикла»;

Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О дополнительных мерах по совершенствованию системы подготовки кадров для органов государственной власти государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности»;

Соглашение о совместном материально-техническом и медицинском обеспечении Войск (Коллективных сил) Организации Договора о коллективной безопасности;

2021 год	
16 сентября (г.Душанбе, СКБ)	<p>Декларация Совета коллективной безопасности; Решение об учреждении института Специального представителя Генерального секретаря ОДКБ по вопросам миротворчества;</p> <p>План оснащения КСОП ОДКБ современными вооружением, военной и специальной техникой, специальными средствами;</p> <p>Соглашение по вопросам юрисдикции и оказанию правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием формирований сил и средств коллективной безопасности на территориях государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности;</p>
2022 год	
6 января (в режиме видеоконференции, СКБ)	Решение «О мерах по нормализации обстановки в Республике Казахстан»;
16 мая (г.Москва, встреча глав государств ОДКБ, посвященная 30-летию подписания ДКБ и 20-летию создания ОДКБ)	Заявление глав государств;
13 сентября (в режиме	Договоренность о направлении в Армению Миссии ОДКБ;

<p>видеоконференции, внеочередная сессия СКБ)</p>	
<p>23 ноября (г.Ереван, СКБ)</p>	<p>Решение об оснащении Миротворческих сил ОДКБ современным вооружением, военной и специальной техникой;</p> <p>Решение о совместном формировании радиационной, химической и биологической защиты и медицинского обеспечения ОДКБ;</p> <p>Решение о сроках председательства в Совете коллективной безопасности ОДКБ;</p>
<p>2023 год</p>	
<p>23 ноября (г.Минск, СКБ)</p>	<p>Декларация Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности;</p> <p>Решение СКБ ОДКБ «О мерах по развитию системы кризисного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности»;</p> <p>Решение СКБ ОДКБ «О Рекомендациях о порядке проведения взаиморасчетов за передаваемые материальные средства (предоставляемые услуги) между контингентами Войск (Коллективных сил) Организации Договора о коллективной безопасности».</p>

К середине 2000-х гг. в создании системы коллективной безопасности на базе ОДКБ были достигнуты значительные, весомые результаты, к числу которых необходимо отнести следующие.

1. Превращение ОДКБ в полноценную международную организацию – преобразование ДКБ в апреле 2002 г. в военно-политический блок Организация Договора о коллективной безопасности).

2. Включение механизма внешнеполитических согласований и выдвижение конкретных инициатив.

3. Завершение в основном создания коалиционной группировки войск и развертывание их практического славивания на учениях, командно-штабных играх.

4. Совершенствование организационной и нормативно-правовой базы (созданы Секретариат, Объединенный штаб, приняты документы о порядке принятия и реализации решений о применения сил и средств ОДКБ, ее модели региональной системы коллективной безопасности, основах коалиционной стратегии и др.).

5. Развитие других направлений деятельности и достижение по ним конкретных результатов (например, в сфере противодействия наркоугрозе, нелегальной миграции).

В целом, к середине 2000-х гг. обозначилась тенденция к укреплению ткани союзнических отношений в рамках ОДКБ на всех основных направлениях ее деятельности. Организация вышла на приоритетное направление противодействия современным вызовам и угрозам. Это решение было подкреплено практическими действиями, включая оформление Комитета секретарей советов безопасности как координирующего органа в вопросах противодействия терроризму, экстремизму и наркоугрозе, создание КСБР ЦАР, принятие новых решений и договоренностей, направленных на укрепление региональных (коалиционных) группировок сил (средств) системы коллективной безопасности, на налаживание взаимодействия между ними.

Во второй половине 2000-х гг. российское руководство приложило значительные усилия для развития ОДКБ. Организация была объявлена «ключевым инструментом поддержания стабильности и обеспечения безопасности на пространстве СНГ» [201].

В 2007 г. СКБ были приняты документы, позволяющие создавать в рамках военно-политического союза Коллективные миротворческие силы, в 2009 г. – соглашение о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР)

[202]. Однако обозначилась и ключевая проблема в деятельности Организации – слабая координация внешней политики стран-участниц. Так, страны ОДКБ не проявили солидарности с Россией во время российско-грузинского конфликта в августе 2008 г. и не признали независимости Абхазии и Южной Осетии. Не оправдались ожидания от вступления в ОДКБ Узбекистана в 2006 г.: Ташкент фактически игнорировал основной объем деятельности ОДКБ, а в 2012 г. приостановил членство в Организации. Неблагоприятно отразился на репутации ОДКБ отказ Организации от вмешательства в события в Южном Кыргызстане в июне 2010 г., запрос на которое поступил от Временного Правительства страны.

В декабре 2010 г. Россия инициировала внесение поправок в Устав ОДКБ и сам Договор о коллективной безопасности. ОДКБ получила мандат на действия в случае «кризисных ситуаций, угрожающих безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету» стран-членов [203].

Таким образом, при наличии обращения соответствующего государства, ОДКБ получила полномочия действовать не только в случае внешней агрессии, но и в случае возникновения острых внутренних угроз безопасности. Однако расширение мандата ОДКБ не сопровождалось ни прорывом в совместном военном строительстве, ни усилением внешнеполитической координации.

В 2010-е гг. ОДКБ начала входить в период стагнации. Страны-союзницы не поддержали Россию по имеющим для нее первостепенную важность проблеме Крыма и украинскому вопросу в целом. Стало возрастать разочарование в ОДКБ со стороны Армении, не только не получившей ожидаемой в Ереване поддержки по время карабахских войн 2016 г. и 2020 г., но и столкнувшейся с политической поддержкой Азербайджана Казахстаном.

В начале 2022 г. инструмент Миротворческих сил ОДКБ был впервые использован для вмешательства в острый внутривосточный кризис, поразивший Казахстан. Контингент ОДКБ сыграл важную роль в поддержке президента К.-Ж. Токаева в подавлении попытки государственного переворота

в стране. Однако начало СВО на Украине высветило нежелание союзников, за исключением Белоруссии, проявить хотя бы минимальную политическую солидарность с Россией.

Новая вспышка войны в Нагорном Карабахе в сентябре 2023 г., приведшая к полной военной победе Азербайджана, вызвала в Армении резкую, хотя и вряд ли обоснованную, реакцию на бездействие ОДКБ. Армения прекратила заполнять своими гражданами квоты в Секретариате ОДКБ и проигнорировала саммит Организации, состоявшийся в ноябре 2023 г. [204] Впрочем, решения о выходе из состава ОДКБ, на принятие которого намекало армянское руководство, Ереван не принял.

Вывод. За двадцать лет деятельности ОДКБ достигла значительного прогресса по ряду важнейших функциональных направлений деятельности. Однако ключевой для Организации проблемой стала низкая степень координации внешнеполитической деятельности. Развитие ОДКБ в логике функционально-технического продвижения требует дополнения принятием принципиальных решений политического характера. Решение задачи оптимизации деятельности ОДКБ необходимо для создания в евразийской подсистеме международных отношений устойчивого контура военно-политической интеграции, создающего безопасную среду для экономической и социетальной интеграции.

3.3. Основные направления оптимизации деятельности ОДКБ как системы коллективной безопасности

Задача организации на базе Ташкентского договора стран СНГ системы коллективной безопасности была поставлена практически одновременно с его созданием и затем конкретизирована в ряде документов (например, в документе

«Стратегический курс России с государствами-участниками СНГ», 1995 г.). В Концепции коллективной безопасности государств-участников ДКБ (февраль 1995 г.) основные контуры будущей архитектуры такого рода системы были прописаны наиболее полно и получили дальнейшее развитие в документах ОДКБ.

Оформление ОДКБ в качестве полноправной международной региональной организации обозначило перспективы и открыло новые возможности для успешного ее встраивания в систему региональных и международных отношений, в первую очередь – в сфере поддержания безопасности и стабильности.

На первый план в деятельности ОДКБ в начале 2000-х гг. выдвинулось противодействие новым угрозам и вызовам в сфере безопасности. Взаимодействие и координация усилий в деле предупреждения, нейтрализации этих угроз и вызовов, а также ликвидации их последствий развивается в ОДКБ по следующим основным направлениям.

1. С учетом новых требований адаптируется и оптимизируется военная составляющая ОДКБ, предусматривается отработка специальных антитеррористических операций в ходе оперативной и боевой подготовки КСБР ЦАР и КСОР. Эти силы подкрепляются элементами спецподразделений государств-участников.

2. Предпринимаются коллективные и скоординированные национальные меры по укреплению контртеррористического потенциала ОДКБ (формирование нормативно-правовой базы для эффективной борьбы с терроризмом, координация деятельности правоохранительных органов и спецслужб государств-членов, меры в области подготовки кадров, материально-технического и финансового обеспечения борьбы с терроризмом, положения о взаимном использовании соответствующих инфраструктур государств-членов ОДКБ при проведении антитеррористических мероприятий).

Антитеррористический потенциал Договора доказал свою жизнеспособность после событий 11 сентября 2001 г. Государства-участники

ОДКБ оказывали существенную помощь Северному альянсу, предоставили США необходимую разведывательную информацию, а также необходимую тыловую поддержку Международным силам по содействию безопасности в Афганистане.

3. Развивается информационное обеспечение противодействия терроризму (расширяется обмен сведениями по соответствующей проблематике, планируется создание банка информационных потребностей антитеррористических подразделений государств-членов ОДКБ, в 2016 г. сформирован единый перечень террористических и признанных экстремистскими организаций, действующих в зоне ответственности ОДКБ [205]).

4. Усиливается организационная база антитеррористической составляющей (так, в 2003 г. в структуре Секретариата ОДКБ было создано специализированное подразделение по борьбе с международным терроризмом – Управление противодействия вызовам и угрозам). Проводятся на регулярной основе консультации на уровне руководителей антитеррористических подразделений.

6. В рамках противодействия новым вызовам и угрозам в работе ОДКБ существуют и другие важные направления. Следующим по значимости после антитеррористической деятельности является борьба с наркоугрозой, исходящей в основном из Афганистана, по периметру северных границ которого планируется создать своего рода «антинаркотический пояс». В ОДКБ принят единый План мероприятий по борьбе с наркоугрозой, на основе которого проводятся крупномасштабные антинаркотические операции (как, например, ежегодная операция «Канал»); планируется шире привлекать к таким операциям другие государства. При Секретариате ОДКБ создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков [206].

Крайне важным, необходимым начинанием в деле борьбы с терроризмом и наркоугрозой представляются совершенствование и гармонизация

национальных законодательств, регламентирующих меры по обеспечению безопасности государств-членов. В этом отношении заслуживает высокой оценки работа Парламентской Ассамблеи ОДКБ.

7. Для пресечения распространения угроз терроризма и наркотиков не менее важным является закрытие каналов их влияния, включая политическую, религиозную, финансовую и другие сферы. Такая работа – пока на концептуальном уровне – в ОДКБ также осуществляется. Как свидетельствует мировой опыт и, в частности, собственно опыт постсоветского пространства распространению двух вышеназванных угроз, а также росту трансграничной организованной преступности сопутствует, как правило, нелегальная миграция, слабая защищенность границ государства [207, с. 91-92]. Поэтому еще одним актуальным вектором деятельности ОДКБ является работа по формированию в рамках Организации единой пограничной и миграционной политики. В перспективе, в ОДКБ будут согласовываться подходы к так называемым «миграционно опасным» государствам, вплоть до выработки единого перечня государств, в отношении которых действовали бы единые визовые и миграционные правила.

8. Принципиально важным для самоутверждения ОДКБ на международной арене представляется и такое направление деятельности как миротворчество. В ОДКБ разработан пакет документов о коллективном миротворческом потенциале. Отметим, что в этой области был востребован опыт России, которая располагает для подготовки персонала и проведения миротворческих операций необходимой базой. Первым опытом коллективного миротворчества стало проведение операции в Казахстане в январе 2022 г.

Этим вся совокупность работы ОДКБ по отражению современных угроз не исчерпывается. Так, новым и актуальным направлением для данной организации представляется создание в ее формате единого информационного поля – как в целях информационного охвата ее деятельности, так и для отражения информационных угроз. В апреле 2004 г. ОДКБ провела первый Международный антитеррористический медиафорум, который стал постоянно

действующей структурой под эгидой ОДКБ. Необходимо принятие целевой межгосударственной информационной программы борьбы с терроризмом, экстремизмом и наркоугрозой.

Военное сотрудничество. Развитие военного сотрудничества в рамках ОДКБ обусловлено требованиями сформированного в ее рамках военного союза, а именно принятыми по Договору коллективной безопасности и Уставу ОДКБ обязательствами о коллективном отражении военной агрессии против любого из государств-членов.

1. В середине 2000-х гг. в рамках второго этапа развития Организации Договора коллективной безопасности в военной сфере ее деятельности были приняты важные меры. На сессии Совета коллективной безопасности в Астане в июне 2004 г. были утверждены Основные направления коалиционного военного строительства в рамках ОДКБ на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу, отражающие замысел развития военной составляющей. В рамках развития Основных направлений был принят План коалиционного военного строительства ОДКБ, определяющий практические шаги по созданию целостной и действенной системы коллективной безопасности.

В соответствии с названными документами, в короткие сроки были определены основные параметры по группировкам, составу коллективных сил и средств, порядку их планирования, применения и управления, технического оснащения, переоснащения и всестороннего обеспечения. За основу были взяты единые стандарты подготовки, а также оснащение однотипными образцами вооружений и военной техники. Был определен комплекс мер по оперативному оборудованию территории и совместном использовании объектов военной инфраструктуры, по созданию единой системы технического прикрытия железных дорог государств-членов ОДКБ.

В целом, запланировано создание в центральноазиатском регионе коалиционной (региональной) группировки войск (сил) коллективной безопасности, а также реализация принятых ранее решений о создании объединенных систем военного назначения (прежде всего – объединенных

систем управления и связи, информационно-разведывательной системы). Решение о создании объединенной системы ПВО было реализовано к началу 2020-х гг.

2. Продолжается организационно-правовое совершенствование функциональных основ ОДКБ. Важным шагом в этом направлении стало создание Объединенного штаба (ОШ ОДКБ), который в соответствии с решениями СКБ начал свою деятельность с 1 января 2004 г. На Объединенный Штаб возложен широкий круг важнейших задач, прежде всего по формированию и обеспечению функционирования сил и средств системы коллективной безопасности и их оперативной и боевой подготовки.

3. В 2001 г. участниками Договора были сделаны решительные шаги по формированию сил быстрого развертывания. В состав КСБР ЦАР были включены казахстанский штурмовой батальон «Казбат», кыргызский горно-стрелковый батальон, российская тактическая группа на уровне батальонных соединений и отдельный батальон связи, а также таджикский десантно-штурмовой батальон. Этим силам была придана необходимая авиатехника, в том числе транспортная и штурмовая авиация, вертолеты [196]. В Бишкеке создана Постоянная оперативная группа (ПОГ) КСБР ЦАР.

В октябре 2003 г. в 30 км от столицы Кыргызстана г. Бишкека в г. Кант открылась российская военно-воздушная база (на её торжественное открытие прибыли президенты двух стран). На аэродроме разместилось 10 Су-24 и Су-27, два военно-транспортных самолёта и 13 учебно-тренировочных самолета. При том, что база находится в Кыргызстане на безвозмездной основе, на её обустройство было выделено 7 млн. долларов и по 4 млн. долларов в год выделялось на её содержание. Организационно она сперва входила в Уральскую армию ВВС и ПВО со штабом в Екатеринбурге, затем была передана в состав 14-й армии ВВС и ПВО Центрального военного округа. База в Канте является авиационным компонентом КСБР.

Во исполнение ранее принятых об усилении КСБР ЦАР решений и для совершенствования боевой готовности этих сил в августе 2004 г. в Казахстане и

в горном учебном центре Министерства обороны Кыргызстана «Эдельвейс» (близ г. Балыкчы) в рамках ОДКБ были проведены первые широкомасштабные учения под кодовым названием «Рубеж-2004», в котором были задействованы вооруженные силы Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана. Особенностью этих учений стало применение авиационного компонента КСБР ЦАР, дислоцированного на аэродроме в г. Кант. Военные отметили высокий уровень слаженности действий частей и подразделений. Учения «Рубеж» приобрели ежегодный характер.

В 2009 г. в Казахстане прошли первые учения КСОП ОДКБ, ставшие к тому моменту самыми масштабными в истории ОДКБ [208]. Учения КСОП под кодовым названием «Взаимодействие» стали проводиться ежегодно. Со временем спектр учений в рамках ОДКБ расширился: стали проводиться учения подразделений разведки «Поиск», подразделений материально-технического обеспечения «Эшелон», учения с совместным формированием радиационной, химической, биологической защиты и медицинского обеспечения «Барьер», учения с подразделениями МЧС «Скала», учения миротворческих сил «Нерушимое братство» [209].

Вместе с тем, в развитии Коллективных сил существует ряд проблем, касающихся в первую очередь усиления их состава и совершенствования системы управления. Как отмечали на одной из научных конференций представители Генштаба ВС РФ, систематически возникают вопросы с укомплектованностью Постоянной оперативной группы штаба КСБР ЦАР. Недостаточно внимания уделяется вопросам проведения совместных мероприятий оперативно-тактической подготовки (нередки случаи отказа от участия в такого рода мероприятиях по политическим мотивам). В целом, необходимо повысить ответственность за качество выполнения решений ОДКБ, подготовки и проведения мероприятий по их реализации [210, с. 87].

4. В современной ситуации особое значение для перспектив ОДКБ имеют военно-экономическое и военно-техническое сотрудничество между государствами-участниками ОДКБ на многосторонней основе. Эти виды

сотрудничества не только образуют материальную основу военно-интеграционного процесса в рамках ОДКБ, но и определяют способность реагировать на военные вызовы, эффективность ее сил и средств.

Комплекс военно-технического сотрудничества в рамках ОДКБ регулирует подписанное президентами государств-участников в 2000 г. Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами-участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. Соглашение устранило препятствия, тормозящие военно-экономическое и военно-техническое сотрудничество на многосторонней основе, и предусматривало его развитие в рамках ДКБ на приоритетных началах.

По данному Соглашению поставки продукции военного назначения реализуются в рамках ОДКБ на льготной основе (в соответствии с Протоколом от 22 сентября 2003 г. о внесении в данное Соглашение о военно-техническом сотрудничестве соответствующих изменений и дополнений. Предусматривающее льготы Соглашение распространяет свое действие не только на коллективные силы, но и на национальные воинские формирования государств-членов ОДКБ). Принципиально важным представляется принятие решения об интеграции военно-технического сотрудничества с военно-экономическим сотрудничеством в формате ОДКБ, что позволит выйти на совместные программы НИОКР, модернизацию и ремонт военно-воздушной техники с соответствующим финансовым обеспечением этих мероприятий.

5. Отдельное направление военного сотрудничества – это совместное обучение военных специалистов. Ведущую роль здесь играет Россия как главный наследник единого комплекса бывшего СССР по подготовке военных кадров. По поручению Президента РФ В.В. Путина, в декабре 2003 г. заинтересованными российским министерствами и ведомствами были подготовлены конкретные предложения по организации подготовки военных кадров для стран-участниц ОДКБ на бесплатной основе. В июне 2005 г. было подписано соответствующее соглашение о подготовке военных кадров. Для реализации соглашения был утвержден список военно-учебных заведений

стран-членов, преимущественно российских. Если в 2004 г. общее количество военнослужащих из государств ОДКБ, проходивших обучение в России, составляло около 400, то уже в 2008 г. их число возросло до 2,5 тыс. и держалось на этом уровне до 2022 г. [211]. С началом СВО на этом направлении сотрудничества наметился регресс: в 2022 г. общий набор по квоте ОДКБ снизился до 1,9 тыс. чел. [212].

В целом, по мнению российских военных экспертов, главными направлениями совершенствования системы региональной безопасности в рамках ОДКБ могут быть следующие:

- совершенствование нормативно-правовой базы военного сотрудничества;
- координация действий и оказание помощи в вопросах строительства и развития национальных вооруженных сил ОДКБ с учетом угроз военной безопасности;
- развитие коалиционных группировок войск, включая прежде всего их органов управления;
- совершенствование инфраструктуры регионов коллективной безопасности, обеспечивающей оперативное развертывание и наиболее эффективное использование коалиционных группировок, а также создание необходимых для них запасов материальных средств [210, с. 89].

Развитие партнерства в сфере безопасности. В 2000-е – 2010-е гг. Организация Договора о коллективной безопасности, заполняющая важную нишу в пространстве безопасности в Евразии, активно расширяла контакты и стремилась координировать усилия с другими международными организациями и влиятельными государствами. На объективный характер необходимости развития такого рода сотрудничества указывали западные эксперты. Так, директор Центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы Джорджтаунского университета А. Стент (США) отмечала, что сам характер угроз в постсоветском регионе настоятельно требует партнерства, и при создании новой структуры безопасности Россия будет естественным образом стремиться стать гарантом стабильности в нем, действуя сообща с США,

Китаем, ЕС [213, с. 173]. В числе таких организаций, уполномоченных решать вопросы безопасности в соответствии с их мандатами и компетенцией, в первую очередь необходимо назвать следующие:

а) ведущие международные и европейские организации:

- структуры и органы ООН (имеются устойчивые связи и опыт работы в подготовке ряда документов с Секретариатом и Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН, Управлением по наркотикам и преступности);

- ОБСЕ, диалог с которой у ОДКБ был наиболее продвинут до его замораживания в 2022 г. (Секретариат ОДКБ, действуя от имени Совета коллективной безопасности, принимал участие в разработке и принятии Стратегии ОБСЕ по противодействию угрозам безопасности в XXI веке);

- НАТО (ОДКБ сделал предложения о сотрудничестве на межблоковой основе, на сессии Совета коллективной безопасности в Астане 18 июня 2004 г. были утверждены Основные направления диалога и взаимоотношений с НАТО. Со стороны НАТО, однако, попытки ОДКБ наладить взаимодействие по вопросам совместного противодействия международному терроризму не встретили поддержки. Диалог двух крупнейших в Евразии военно-политических альянсов так и не был запущен).

б) действующие на постсоветском пространстве межгосударственные объединения и международные организации: СНГ, ШОС, ЕАЭС / ЕврАзЭС, СНГ. Следует отметить, что в ряде органов и отраслевых структур СНГ решения нередко принимаются только голосами государств-членов ОДКБ и как таковые могут считаться решениями самой этой Организации. В декабре 2009 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между Исполнительным Комитетом СНГ и Секретариатом ОДКБ. Документ предусматривает обмен информацией, планами работ, сотрудничество при формировании правовой базы, выработку согласованных позиций во взаимодействии с рабочими органами других международных организаций [214]. В 2011 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между Секретариатом ОДКБ и

Антитеррористическим Центром (АТЦ) СНГ, зафиксировавший практику обмена информацией и возможность участия в качестве наблюдателей в мероприятиях и учениях сторон [215].

- формат ЕврАзЭС был наиболее близок к ОДКБ по составу участников и по ряду функций (по мнению Генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности в 2003-2017 гг. Н. Бордюжи, сотрудничество между ОДКБ и ЕврАзЭС – исходя из линии ОДКБ на консолидацию усилий, а также разграничению функций организаций, созданных на постсоветском пространстве – позволило бы избежать дублирования задействованных в их рамках механизмов и функций, добиться «кумулятивного эффекта» в выполнении общих для них задач, таких как пограничная политика в интересах борьбы с терроризмом, военно-экономическое сотрудничество, борьба с отмыванием преступных доходов, экспортный контроль [216, с. 14]). Рассматривалась возможность подписания меморандума о сотрудничестве между ЕврАзЭС и ОДКБ. Однако этот документ, главным образом из-за сопротивления Казахстана, не был разработан. Несмотря на почти полную идентичность состава членов ОДКБ и ЕАЭС, между двумя организациями нет взаимодействия.

- Шанхайскую организацию сотрудничества, особенно с учетом созданного в ШОС антитеррористического потенциала, а также заявленной этой структурой заинтересованности и готовности в принятии практических мер по укреплению безопасности и стабильности в азиатском регионе (7 июля 2002 г. участниками ШОС было подписано соглашение о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС) со штаб-квартирой в Бишкеке, позднее перенесенной в Ташкент). В октябре 2007 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между секретариатами ОДКБ и ШОС, предполагающий проведение консультаций и обмен информацией [217]. В июне 2011 г. был подписан протокол о сотрудничестве между РАТС ШОС и Секретариатом ОДКБ, предусматривающий взаимодействие в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом

наркотиков и оружия, транснациональной преступностью [218]. В мае 2018 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ, РАТС ШОС и АТЦ СНГ [219]. В сентябре 2020 г. состоялось совместное заседание министров обороны стран ОДКБ, СНГ и ШОС. В феврале 2022 г. Секретариат ОДКБ, РАТС ШОС и АТЦ приняли совместную позицию по вопросам противодействия терроризму и экстремизму [220].

Следует особо выделить перспективы сотрудничества ОДКБ с такой страной, как Китай. Как отмечают отечественные исследователи, главной задачей последнего в зоне действия ОДКБ (Центральная Азия) является обеспечение политической стабильности в регионе, недопущение проникновения сюда исламского фундаментализма. Пекин серьезно беспокоят явления роста исламской и тюркской солидарности, идеи создания «Восточного Туркестана», негласно поддерживаемые Турцией и Саудовской Аравией (эти факторы могут серьезно осложнить обстановку в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР [221, с. 124]). Логичным и целесообразным представляется налаживать с Китайской Народной Республикой взаимодействие по линии отражения этих угроз именно через Шанхайскую организацию сотрудничества.

Организация Договора коллективной безопасности представляет собой живой организм, адаптирующийся к быстро меняющимся геополитическим реалиям. Главное – это поддержание готовности Организации адекватно реагировать на возникающие в мире ситуации, способные отразиться или реально сказывающиеся на национальных интересах государств-членов и, что еще более важно, способность ОДКБ влиять на военно-политические процессы в регионе в целях обеспечения стабильности и безопасности.

Выводы. Организация Договора о коллективной безопасности доказала свою действенность как инструмент поддержания и укрепления региональной безопасности. В ОДКБ запущен процесс формирования единого пространства безопасности группы стран, реально претендующей на то, чтобы стать одним из полюсов многополярного мира. При этом военно-политическая интеграция на

основе ОДКБ сопровождается становлением общего экономического пространства, обеспечивающего материальную базу такого рода интеграции. Общность или близость интересов, схожесть конкретно-исторической ситуации, наличие общих угроз придают особо важное значение военно-политической составляющей сотрудничества постсоветских стран, подчеркивают перспективу ее дальнейшего развития.

В развитии Организации Договора коллективной безопасности можно выделить три этапа:

- этап подготовки, охвативший начало – конец 1990-х годов;
- этап формирования коалиционных сил, пришедший на 2000-е гг.;
- этап развития функциональной интеграции при нарастании элементов общеполитической стагнации (2010-е – начало 2020-х гг.).

На первом этапе шла в основном разработка концептуальных и нормативно-правовых основ деятельности ОДКБ и политические консультации; на втором ее участники приступили к созданию совместных группировок сил и систем; на третьем этапе шло наращивание сотрудничества по отдельным направлениям взаимодействия, но обнаружились фундаментальные проблемы недостаточности внешнеполитической координации между странами-участницами.

Возможности ДКБ были востребованы в начале 1990-х гг. в связи с необходимостью достижения национального примирения в Таджикистане (создание коллективных миротворческих сил), осенью 1996 г. и летом 1998 г. – в связи с опасной динамикой развития событий в близлежащем Афганистане, в 1999 и 2000 гг. – в связи с вторжением международных террористов на территорию Узбекистана, обострением ситуации на юге Кыргызстана. Наиболее значимым примером востребованности потенциала ОДКБ является участие миротворческого контингента Организации в разрешении внутриполитического кризиса в Казахстане в январе 2022 г.

На данном этапе как система безопасности ОДКБ может быть классифицирована как переходная от формата общей безопасности (в целом,

данный формат характеризуется прежде всего наличием общих ценностей, интересов и установлений при одновременном редуцировании силового компонента системы) к стадии военного союза (или коллективной обороны, существующей, например, в рамках НАТО). Особенностью формирующейся в рамках ОДКБ системы безопасности является ее тесная увязка с другими составляющими интеграционного процесса на постсоветском пространстве, что сближает эту систему с представлениями о «сообществах безопасности» в духе К. Дойча.

Создание Организации ДКБ указывает на возросшую роль региональных организаций безопасности, что весьма актуально для Большой Евразии, в масштабе которой тяжесть работы по борьбе с угрозами военного характера все более переносится в регионы и сопровождается конкретными инициативами и мерами (например, на юге континента, в Средиземноморье).

ОДКБ может и должна стать важным действующим и связующим звеном в комплексе региональной и общей международной безопасности, заполнить определенную нишу в архитектуре последней. В перспективе, после завершения острой фазы украинского кризиса, ясно вырисовывается необходимость взаимодействия ОДКБ с другими европейскими и евроазиатскими организациями, уполномоченными решать вопросы безопасности (в первую очередь - со всеми действующими на постсоветском пространстве структурами - СНГ, ШОС, ЕАЭС, СВМДА. ОЭС, а также с ОБСЕ, НАТО, ЕС), сотрудничества с такими структурами на межблоковой основе. Поскольку возможности ОДКБ выглядят весьма скромными по сравнению с той же НАТО, необходимо вести дело к созданию именно военного оборонительного союза как наиболее адекватной модели безопасности для государств-участников, с тем чтобы действовать в перспективе «единым фронтом», позиционируя себя как сила, с которой необходимо считаться и сотрудничать. Нельзя исключать в будущем присоединение к ОДКБ стран, не являющихся членами СНГ.

В целом, ОДКБ открыта для масштабного и взаимовыгодного

сотрудничества с другими государствами, международными организациями и структурами и готова рассмотреть любые возможные форматы такого сотрудничества, как на основе соответствующих соглашений или протоколов, так и проведения совместных мероприятий, включая военные и военно-политические.

Несомненно, что перспективы углубления военно-политических связей в рамках ОДКБ будут во многом определяться внутренней ситуацией в государствах-участниках. Необходимо при этом подчеркнуть особую роль Российской Федерации, являющейся главной движущей и консолидирующей силой такого рода интеграции. Именно с опорой на Россию как на мощный и влиятельный в военном, политическом и экономическом отношениях фактор возможно дальнейшее сплочение в целях отражения общих угроз. Характер интеграции при этом будет определяться (и уже сейчас определяется) моделью «центр-периферия». Такие модели существуют в мире (например, в рамках общеамериканской модели в Западном полушарии: США и страны Латинской Америки и Карибского бассейна); при этом страна-лидер нередко стремится навязать свою волю «младшим партнерам». В системе ОДКБ реализации этой модели противодействуют, в первую очередь, Казахстан и, после поражения в карабахских войнах 2020 г. и 2023 г., Армения.

Характер угроз и вызовов в сфере безопасности таков, что заставляет не только изыскивать новые средства коллективного противодействия, но и наращивать координацию усилий и активизацию связей на целом ряде важных направлений. Речь идет, прежде всего, об углублении сотрудничества и оптимизации взаимодействия между силовыми, правоохранительными структурами, пограничными службами и спецслужбами, а также информационными, финансовыми и другими органами государств-участников. Задача формирования военно-оборонительного союза акцентирует необходимость усиления и отстаивания коллективных начал и интересов членов ОДКБ на международной арене, выдвижения крупных совместных инициатив, сочетания всех возможных средств отражения угроз и активизации

сотрудничества с другими государствами и международными организациями (в практику ОДКБ вошли выступления государств-членов с совместными политическими заявлениями по актуальным международным и региональным проблемам, включая современные вызовы и угрозы, разоружение и нераспространение ОМУ, ракетных технологий и средств их доставки, проблематику ДОВСЕ). В рамках ОДКБ вполне возможно создание новых контингентов для действий на других стратегических направлениях.

Главным является центральноазиатское направление деятельности ОДКБ. Угроза, исходящая из Афганистана, – несмотря на миролюбивые заявления руководства движения «Талибан» – не снята. С учетом этих обстоятельств стабилизирующая роль ОДКБ в Центральной Азии сохранится на безальтернативной основе, тем более что ин одна из стран региона не в состоянии обеспечивать свою безопасность самостоятельно.

Нельзя оставлять без внимания и традиционные угрозы, в частности – военно-политический вызов со стороны США и их союзников, которые, как показывает практика последних десятилетий, используют для достижения своих целей силу и удары по отдельным странам, игнорируя международное право и объявив «зоной ответственности» фактически весь мир. Нельзя, таким образом, забывать о генеральной задаче любого военного альянса – а именно об обеспечении территориальной целостности и суверенитета его членов.

Суммируя сказанное об эволюции, современном состоянии и перспективах деятельности ОДКБ, представляется целесообразным дать следующие рекомендации по ее развитию. Прежде всего, необходимо совершенствовать военную составляющую ОДКБ, развивать военную инфраструктуру, военно-техническое и военно-экономическое сотрудничество, обучать и готовить персонал на общей основе. Следует принимать меры к повышению эффективности работы существующих механизмов ОДКБ, последовательно выполняя решения высших и других органов ОДКБ в военно-политической области, привести концептуально-документальную базу в соответствие с современными реалиями. Необходимо создать действенный механизм

координации внешней политики стран-участниц. Важно также создать механизм координации деятельности ОДКБ и ЕАЭС, приступив к устранению сложившегося разрыва между военно-политической и экономической интеграцией.

ГЛАВА 4. МЕСТО И РОЛЬ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

4.1. Генезис и историческая миссия ШОС как инструмента стабильности и развития в Евразии

Рубежным для истории развития международных отношений в Евразии событием стало вступление в 2003 г. в силу Хартии Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). К началу 2004 г. был практически завершен запуск механизма деятельности ключевых организационных структур ШОС. Таким образом, ШОС завершила свое организационное оформление и де-юре начала функционировать в качестве самостоятельного фактора международной жизни.

При этом речь шла о генезисе международной организации нового типа, потенциально способствующей формированию нового, справедливого и рационального международного порядка и по существу совершенно новой инфраструктуры панъевразийской геополитики, геоэкономики и геокультуры, качественно и количественно развивая при этом прогрессивный опыт прежней и современной мировой дипломатии.

Генезис ШОС исходно стал возможен благодаря нормализации и, далее, поступательному развитию взаимоотношений между СССР – Россией и КНР как форпостов формирования архитектуры геоэкономики, геополитики, геокультуры нового типа.

ШОС была основана в июне 2001 г. в результате преобразования «Шанхайской пятерки» после вступления в нее шестого участника – Узбекистана. «Пятерка» была создана в апреле 1996 г. на встрече в Шанхае руководителей пяти государств – России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

Общая площадь шести стран ШОС составила 30188 тыс. кв. км, т. е. 3/5 всей территории Евразийского материка, а численность их населения достигала 1465 млн. человек, или 25% населения земного шара [222, с. 8].

Второй саммит нового международного Шанхайского форума прошел в апреле 1997 г. в Москве, третий – в июле 1998 г. в Алма-Ате, четвертый – в августе 1999 г. в Бишкеке, пятый – в июле 2000 г. в Душанбе, шестой – в июне 2001 г. вновь в Шанхае (уже в формате ШОС), седьмой – в июне 2002 г. в Санкт-Петербурге, восьмой – в мае 2003 г. снова в Москве, девятый – в июне 2004 г. в Ташкенте. Юбилейный, десятый по счету, саммит Шанхайского форума состоялся в 2005 г. в Астане (Казахстан).

По итогам проводившихся встреч в рамках ШОС был подписан ряд основополагающих официальных документов, оформивших юридический статус Организации и сформулировавших историческую миссию и основные направления деятельности этого форума:

- Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы (Шанхай, апрель 1996 г.);
- Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы (Москва, апрель 1997 г.);
- Итоговое совместное заявление, подписанное министрами иностранных дел в июле 1998 г. в Алма-Ате, в котором поддержано предложение Казахстана о созыве Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии;
- Бишкекская декларация Глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан (подписана 25 августа 1999 г. в Бишкеке), представляющая собой по сути декларацию об основных направлениях стратегического партнерства;
- Душанбинская декларация, в которой одобрено новое название «пятерки» - «Шанхайский форум» (Душанбе, июль 2000 г.);

- Совместное заявление Глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан (Шанхай, 14 июня 2001 г.).
- Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества (Шанхай, 15 июня 2001 г.), в которую помимо исходных членов «пятерки» вошел Узбекистан, не граничащий с Китаем;
- Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.);
- Меморандум между Правительствами государств–участников Шанхайской организации сотрудничества об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций (Алма-Ата, 14 сентября 2001 г.);
- Хартия Шанхайской организации сотрудничества (подписана 7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге), т.е. основной документ («Устав») ШОС;
- Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре (подписано 7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге);
- Декларация Глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (подписана 7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге);
- Временная схема взаимоотношений Шанхайской организации сотрудничества с другими международными организациями и государствами (подписана 23 ноября 2002 г. в Москве);
- Декларация Глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Москва, 29 мая 2003 г.);
- Совместное коммюнике по итогам заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Пекин, 23 сентября 2003 г.);

- Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (утверждена решением Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в Пекине 23 сентября 2003 г.);
- Ташкентская декларация Глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Ташкент, 17 июня 2004 г.).
- Протокол о сотрудничестве и координации деятельности между министерствами иностранных дел государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Ташкент, 17 июня 2004 г.).
- Положение о статусе наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества (утверждено Решением Совета Глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества 17 июня 2004 г. в Ташкенте).
- Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (Ташкент, 17 июня 2004 г.).

По всем формальным признакам с точки зрения международного права Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) можно классифицировать как региональную международную структуру. Вместе с тем ШОС, фактически являясь прямой наследницей (но не правопреемницей) «Шанхайской пятерки», имела серьезную предысторию.

Появление «Шанхайской пятерки» было обусловлено итоговой позитивной эволюцией более чем тридцатилетнего двустороннего диалога СССР – РФ и КНР по погранично-территориальной тематике и проблемам безопасности.

К середине 1990-х годов, после появления в зоне прежней советско-китайской границы новых суверенных государств, возникла необходимость трансформировать прежний двусторонний переговорный механизм в многосторонний. Это произошло в Шанхае в 1996 г., когда руководители России, КНР, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана заключили Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Этот документ и

подписанное в 1997 г. Московское соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы дали импульс формированию постоянно действующего консультативного пятистороннего механизма, позднее ставшего известным как «Шанхайская пятерка». В результате последующих саммитов в Алма-Ате (июль 1998 г.), Бишкеке (август 1999 г.) и Душанбе (июль 2000 г.) руководители пяти стран вышли на принципиальные договоренности по конкретным направлениям многостороннего сотрудничества, расширения формата шанхайского процесса и его институционализации.

Практическая реализация основополагающих для «пятерки» соглашений 1996 и 1997 гг. началась с создания в 1999 г. Совместной контрольной группы (СКГ), построенной по формуле «КНР – Россия + 3» и имеющей целью проведение взаимных инспекций в рамках 100-километровых «зон предсказуемости и транспарентности военной деятельности», расположенных по обе стороны от прежней советско-китайской границы. СКГ сохранила свой первоначальный пятисторонний формат и после образования ШОС. Данное положение было обусловлено принципиальным совместным решением России и КНР о том, что не следует ни увеличивать количество участников соглашений 1996-1997 гг., ни заключать аналогичные соглашения в рамках любого расширенного формата ШОС.

Один из основных участков совместной работы «пятерки», а затем и «шестерки» – противодействие международному терроризму, сепаратизму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, контрабанде оружия, нелегальной миграции и другим формам трансграничной преступной деятельности. С декабря 1999 г. работу на этом направлении стала координировать так называемая «Бишкекская группа» руководителей правоохранительных органов и спецслужб, заседания которой регулярно проходят в столице Кыргызстана.

5 июля 2000 г. в Душанбе состоялся пятый «шанхайский» саммит, на котором в качестве гостя присутствовал и президент Узбекистана И. Каримов. В декларации, принятой по итогам этой встречи, главы пяти государств заявили

о намерении превратить «Шанхайскую пятерку» в региональную структуру многостороннего сотрудничества. Было также признано необходимым дополнить саммиты встречами глав правительств и ежегодными совещаниями министров иностранных дел (СМИД). Обозначенные в Душанбе перспективы институционализации шанхайского процесса привели к появлению нового термина – «Шанхайский форум». Причем последний активно использовался Россией и ее центральноазиатскими партнерами, в то время как Пекин сначала проявил нежелание официально использовать данный термин (в том числе по лингвистическим соображениям, так как в переводе на китайский язык слово «форум» имеет подтекст «говорильня»).

Собственно Шанхайская организация сотрудничества была основана 15 июня 2001 г. на встрече в верхах в Шанхае, где главы шести государств (России, КНР, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана) подписали Декларацию о ее создании. Тогда же был образован и начал действовать основной рабочий орган ШОС – Совет национальных координаторов (СНК), взявший на себя общую организацию и координацию повседневного функционирования ШОС. Основной целью ШОС было провозглашено «упрочение всестороннего взаимодействия между государствами-участниками по вопросам безопасности, обороны, правоохранительной работы, внешней политики, охраны окружающей среды, включая использование водных ресурсов, культуры». Приоритетное внимание, как зафиксировано в Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанной в Шанхае, государства-участники ШОС уделяют борьбе с международным терроризмом, наркобизнесом и незаконным оборотом оружия. В соответствии с этим документом в Бишкеке было намечено создать Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) ШОС.

В 2001 г. были сделаны первые шаги к запуску многостороннего экономического сотрудничества в рамках ШОС. Так, 14 сентября 2001 г. в Алма-Ате состоялась первая встреча глав правительств ШОС, на которой был подписан Меморандум об основных целях и направлениях регионального

экономического сотрудничества, запущен механизм консультаций по торгово-экономическим вопросам на уровне министров, учреждены рабочие группы по различным направлениям отраслевого взаимодействия. Кроме того, в связи с трагическими событиями в США 11 сентября 2001 г. премьер-министры ШОС приняли совместное заявление, в котором резко осудили эти теракты и подтвердили готовность ШОС к тесному сотрудничеству с другими государствами и международными организациями в борьбе с угрозой международного терроризма [223, с. 17].

На очередном саммите ШОС 7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге была подписана Хартия – основной уставной документ Шанхайской организации сотрудничества, что де-юре завершило процесс становления ШОС как полномасштабной международной организации.

Ряд важных решений был принят на саммите ШОС в Москве (май 2003 г.) и на саммите ШОС в Ташкенте (июнь 2004 г.), о чем будет сказано ниже.

В результате практической реализации ранее принятых государствами-участниками ШОС решений и с началом деятельности (на рубеже 2004 г.) постоянно действующих органов ШОС, эта Организация вступила в новый этап своего развития – этап развертывания полномасштабного сотрудничества в различных областях.

Историческая миссия и перспективы деятельности ШОС. Особое значение для прояснения исторической миссии и перспектив деятельности ШОС имела констатация в подписанной 15 июня 2001 г. руководителями «шестерки» Декларации о создании «Шанхайской организации сотрудничества» того, что «сформировавшийся в процессе развития «Шанхайской пятерки» «шанхайский дух», характеризующийся взаимным доверием, взаимной выгодой, равенством, взаимными консультациями, уважением к многообразию культур, стремлением к совместному развитию, является бесценным достоянием, накопленным странами региона за годы сотрудничества. Оно будет приумножаться, становясь в новом столетии нормой в отношениях между государствами-участниками «Шанхайской организации сотрудничества».

В этом же документе отмечалось, что государства-участники ШОС твердо придерживаются целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций и что «Шанхайская организация сотрудничества» не является союзом, направленным против других государств и регионов, придерживается принципа открытости». При этом государства-учредители ШОС выразили готовность развивать диалог, контакты и сотрудничество в любых формах с другими государствами и соответствующими международными и региональными организациями и на основе консенсуса принимать в качестве новых членов государства, которые разделяют цели, задачи и принципы сотрудничества в рамках ШОС [224].

Как следует из подписанной 7 июня 2002 г. Хартии Шанхайской организации сотрудничества, основными целями и задачами ШОС являются:

- укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства;
- развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка;
- совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией;
- поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес;
- содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе посредством совместных действий на основе равноправного партнерства в целях

неуклонного повышения уровня и улучшения условий жизни народов государств-членов;

- координация подходов при интеграции в мировую экономику;
- содействие обеспечению прав и основных свобод человека в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством;
- поддержание и развитие отношений с другими государствами и международными организациями;
- взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании;
- совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI в.

Исходя из подписанной 7 июня 2002 г. Хартии Шанхайской организации сотрудничества, государства-члены ШОС придерживаются следующих принципов:

- взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности государств и нерушимости государственных границ, ненападения, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах;
- равноправия всех государств-членов, поиска совместных точек зрения на основе взаимопонимания и уважения мнений каждого из них;
- поэтапного осуществления совместных действий в сферах общего интереса;
- мирного разрешения разногласий между государствами-членами;
- ненаправленности ШОС против других государств и международных организаций;
- недопущения любых противоправных действий, направленных против интересов ШОС;
- добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из настоящей Хартии и других документов, принятых в рамках ШОС.

Согласно подписанной 7 июня 2002 г. Хартии Шанхайской организации сотрудничества, основными направлениями сотрудничества в рамках ШОС являются:

- поддержание мира и укрепление безопасности и доверия в регионе;
- поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе в международных организациях и на международных форумах;
- выработка и реализация мероприятий по совместному противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков и оружия, другим видам транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграции;
- координация усилий по вопросам разоружения и контроля над вооружениями;
- поддержка усилий по вопросам разоружения и контроля над вооружениями;
- поддержка и поощрение регионального экономического сотрудничества в различных формах, содействие созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий;
- эффективное использование имеющейся инфраструктуры в области транспорта и коммуникаций, совершенствование транзитного потенциала государств-членов, развитие энергетических систем;
- обеспечение рационального природопользования, включая использование водных ресурсов в регионе, осуществление совместных специальных природоохранных программ и проектов;
- оказание взаимной помощи в предупреждении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и ликвидация их последствий;
- обмен правовой информацией в интересах развития сотрудничества в рамках ШОС;

- расширение взаимодействия в области науки и техники, образования и здравоохранения, культуры, спорта и туризма.

Государства-члены ШОС могут по взаимному согласию расширять сферы сотрудничества [225].

Организационная структура ШОС. Как следует из подписанной 7 июня 2002 г. Хартии Шанхайской организации сотрудничества, для выполнения целей и задач Хартии ШОС в рамках Организации действуют на регулярной основе: Совет глав государств; Совет глав правительств; Совет министров иностранных дел; Совет руководителей министерств и/или ведомств; Совет национальных координаторов; Региональная антитеррористическая структура; Секретариат.

Система институциональных органов ШОС предусматривает следующий порядок деятельности ее органов, работающих на сессионной основе:

- Совет глав государств – высший орган, который собирается раз в год и призван решить принципиальные вопросы внутреннего устройства и функционирования Организации;

- Совет глав правительств (премьер-министров), который также собирается раз в год, рассматривает и решает основные вопросы, относящиеся к конкретным, в особенности экономическим, сферам развития взаимодействия в рамках Организации (среди прочих вопросов этот Совет должен принимать бюджет Организации);

- Совет министров иностранных дел собирается, как правило, за один месяц до проведения заседания Совета глав государств и рассматривает вопросы текущей деятельности Организации (председатель Совета представляет Организацию в осуществлении внешних контактов);

- Совещания руководителей министерств и/или ведомств, в рамках которых могут создаваться на постоянной или временной основе рабочие группы экспертов, рассматривают конкретные вопросы развития взаимодействия в соответствующих областях;

- Совет национальных координаторов, который собирается на свои заседания не реже трех раз в год и осуществляет координацию и управление текущей деятельностью Организации [225].

Деятельность органов ШОС регламентируется специальными положениями.

На начальном этапе деятельности ШОС сформировались два постоянно действующих органа: Региональная антитеррористическая структура со штаб-квартирой в Ташкенте и Секретариат с месторасположением в Пекине.

Деятельность Региональной антитеррористической структуры регламентируется подписанным 7 июня 2002 г. Соглашением о Региональной антитеррористической структуре ШОС.

Секретариат ШОС является постоянно действующим административным органом. Он осуществляет организационно-техническое обеспечение мероприятий, проводимых в рамках ШОС, готовит предложения по ежегодному бюджету Организации. Секретариат возглавляется Исполнительным секретарем, который утверждается Советом глав государств по представлению Совета министров иностранных дел. В Секретариате работают международные чиновники, независимые от государств, гражданами которых они являются или в которых постоянно проживают. Этот персонал обладает специально определенным объемом привилегий и иммунитетов.

При Секретариате осуществляют свою работу назначенные государствами-членами их постоянные представители, которые входят в состав дипломатического персонала соответствующих посольств.

Работа в ШОС осуществляется на двух языках – русском и китайском, которые являются официальными языками Организации.

Решения в органах ШОС принимаются путем согласования без проведения голосования и считаются принятыми, если ни одно из государств-членов в процессе согласования не возразило против них. Исключение составляют решения о приостановке или об исключении из Организации, которые

принимаются по принципу «консенсус минус один голос заинтересованного государства-члена».

Решения органов ШОС должны исполняться государствами-членами в соответствии с процедурами, определяемыми их национальным законодательством.

ШОС объявлена открытой организацией для приема в ее члены других государств региона, которые обязуются соблюдать цели и принципы Хартии, а также положения других международных договоров и документов, принятых в рамках ШОС. Решение о приеме в ШОС новых членов принимается Советом глав государств по представлению Совета министров иностранных дел на основе официального обращения заинтересованного государства, направляемого действующему председателю Совета министров иностранных дел.

Пути повышения роли ШОС как инструмента стабильности и развития в Евразии. Пути повышения роли ШОС как инструмента стабильности и развития в Евразии на начальном этапе деятельности этого нового международного объединения изложены исходно в официально принятых Декларациях ШОС – в Декларации о создании «Шанхайской организации сотрудничества» от 15 июня 2001 г., в Декларации глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 г., в Декларации московского саммита ШОС (май 2003 г.) и в Декларации ташкентского саммита ШОС (июнь 2004 г.).

Системный анализ указанных документов позволяет сделать вывод о том, что основные направления и пути повышения роли ШОС как инструмента стабильности и развития в Центральной Азии и, шире, Евразии определялись следующим образом:

- развитие наследия «Шанхайской пятерки», возникшей на основе двух новаторских для Азиатского континента соглашений о мерах доверия в военной области и сокращении вооружений, что соответствует реальной обстановке в регионе и в мире, отвечает коренным интересам народов стран-участниц и

способствует достижению цели укрепления между государствами-членами ШОС взаимного доверия, дружбы и добрососедства, упрочения разностороннего взаимодействия в деле поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, совместного противодействия новым вызовам и угрозам, поощрения эффективного и взаимовыгодного сотрудничества в различных областях, содействия экономическому росту, социальному и культурному развитию государств-членов Организации;

- принятие в рамках ШОС действенных шагов для реализации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, для принятия соответствующих документов о многостороннем сотрудничестве в деле пресечения незаконного оборота наркотиков и оружия, других видов преступной деятельности, имеющей транснациональный характер, а также незаконной миграции;

- создание в рамках ШОС механизма взаимного информирования и поиска общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим взаимный интерес, в том числе в рамках международных организаций и форумов, включая ООН;

- продолжение процесса развития и институционализации предметного взаимодействия государств-членов в различных областях, включая механизмы встреч глав правительств, совещаний министров иностранных дел, развитие контактов между оборонными, внешнеполитическими и пограничными ведомствами, руководителями правоохранительных органов и спецслужб в рамках «Бишкекской группы», министерствами культуры, службами по чрезвычайным ситуациям и другими правительственными структурами;

- приоритетное развитие в рамках ШОС экономического партнерства, в том числе посредством активизации переговорного процесса по вопросам создания благоприятных условий для торговли и инвестиций, долгосрочного многостороннего торгово-экономического сотрудничества, а также путем определения приоритетных проектов для практического взаимодействия в таких сферах, как строительство транспортных коммуникаций и объектов

энергетики, водопользование, добыча и транспортировка энергоресурсов, а также в других областях, представляющих взаимный интерес;

- строительство государствами-участниками ШОС своих взаимоотношений в рамках формирующейся многополярной системы международных отношений, исходя из признания того, что миропорядок в XXI веке должен опираться на механизмы коллективного решения ключевых проблем, верховенство права и последовательную демократизацию международных отношений;

- усилия государств-участников ШОС по предотвращению и мирному урегулированию международных конфликтов, связанных с межэтническими, межконфессиональными, территориальными, политическими и иными противоречиями, в строгом соответствии с Уставом ООН и нормами международного права;

- развитие сотрудничества государств-участников ШОС между собой и с другими странами в поиске ответов на вызовы процесса глобализации, нейтрализации его негативных аспектов и возможных рисков, сохранения многообразия форм экономического, социального и культурного развития, исходя при этом из того факта, что глобализация и национальные интересы государств – не взаимоисключающие, а взаимодополняющие структурные элементы развивающегося мироустройства, равно как и из того факта, что международное сообщество нуждается в выработке концепции безопасности нового типа, базирующейся на принципах взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства и взаимодействия, способствующей радикальному ослаблению факторов, подрывающих безопасность, и искоренению источников новых угроз;

- активизация международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также оружия, рассматривая эти явления как транснациональные угрозы, эффективное

противодействие которым может быть организовано только коллективными усилиями международного сообщества;

- решительное отвержение ШОС всех актов, методов и практики терроризма, исходя при этом из того, что борьба с терроризмом должна вестись на основе норм и принципов международного права, не отождествляясь с борьбой против какой-либо религии, отдельных стран и национальностей, и должна быть лишена тенденциозности и «двойных стандартов»;

- создание глобальной системы противодействия новым угрозам и вызовам при центральной координирующей роли ООН и Совета Безопасности ООН, которая включала бы соответствующие международные механизмы взаимодействия, в том числе по раннему предупреждению и предотвращению возникающих угроз, решительному и адекватному реагированию на их проявления, имея в виду при этом необходимость для действий на этом направлении сформулировать в рамках ООН принципы, а также четкую, обязательную для всех международно-правовую базу их антитеррористической деятельности, которые не давали бы повода для двойного толкования и не служили бы прикрытием для вмешательства в дела других государств и ущемления их суверенитета;

- реализация вслед за Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. также Соглашения между государствами-членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре от 7 июня 2002 г., что создает четкие правовые рамки для налаживания на региональном уровне практического взаимодействия в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;

- содействие лишению терроризма социальной опоры, в том числе ликвидации нищеты, безработицы, неграмотности, дискриминации по расовым, этническим и религиозным принципам;

- поддержка усилий друг друга по ликвидации проявлений терроризма, сепаратизма и экстремизма, а также шагов международного сообщества, направленных на перекрытие каналов финансирования террористической

деятельности, и наращивание собственных усилий по недопущению на своих территориях подготовки и финансирования актов терроризма и отказ террористам в убежище;

- всемерное содействие усилению роли ООН в международных делах, дальнейшему повышению эффективности и авторитета Совета Безопасности ООН, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности;

- содействие соблюдению международного режима ядерного нераспространения как одного из важнейших элементов обеспечения мира и безопасности как в Азии, так и в глобальном масштабе, исходя при этом из того, что скорейшее присоединение всех стран к Договору о нераспространении ядерного оружия, а также подписание и ратификация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний теми государствами, которые этого еще не сделали, будут способствовать укреплению стратегической стабильности на различных уровнях;

- поддержка создания зон, свободных от ядерного оружия, в том числе зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), в Центральной Азии;

- уважение и поддержка безъядерного статуса Монголии;

- содействие скорейшему началу многосторонних переговоров по подготовке всеобъемлющей договоренности о не размещении оружия в космосе, неприменения силы или угрозы силой в отношении космических объектов;

- подтверждение универсальности, неделимости, взаимозависимости и взаимосвязанности всех прав человека, а также своих обязательств соблюдать права и основные свободы человека, исходя из того, что мир и развитие являются основной гарантией содействию и защите прав человека и недопустимо применение двойных стандартов в вопросах прав человека и вмешательство во внутренние дела других государств под предлогом их защиты;

- уважение и соблюдение неотъемлемого права каждого государства-члена ШОС на самостоятельный выбор форм и методов обеспечения своей безопасности, включая налаживание сотрудничества с другими государствами, не допуская при этом негативных последствий для региональной стабильности и безопасности;

- наращивание сотрудничества между собой в области содействия послевоенному политическому и экономическому восстановлению Афганистана, считая, что безопасность Центральной Азии неразрывно связана с перспективами мирного процесса в Афганистане; содействие процессу формирования широко представительного правительства Афганистана в интересах всего афганского народа и создания нового, стабильного Афганистана – свободного от террора, войны, наркотиков и бедности при уважении культур и традиций всех народов, населяющих эту страну;

- содействие превращению Азиатско-Тихоокеанского региона в зону мира, стабильности и совместного процветания; конструктивное сотрудничество в этих целях со всеми государствами и региональными объединениями в деле формирования в АТР кооперативной системы общерегиональной безопасности, действующей в рамках Устава ООН и международного права, в равной степени учитывающей интересы и подходы всех участников, в том числе посредством укрепления уже зарекомендовавших себя механизмов многостороннего взаимодействия – таких, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), и других;

- урегулирование вопроса о Тайване, исходя из того, что правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань – неотъемлемая часть территории Китая;

- поддержка деятельности учрежденного по инициативе Республики Казахстан Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), исходя из того, что этот форум наряду с существующими в Азии структурами и механизмами сыграет важную роль в повышении уровня взаимного доверия и развития многостороннего сотрудничества между азиатскими странами.

Таков был перечень основных исходных направлений и путей повышения роли ШОС как инструмента стабильности и развития в Евразии.

Становление практического взаимодействия государств-членов ШОС. Параллельно с организационным строительством в ШОС набирал темпы процесс налаживания практического взаимодействия государств-членов по многим другим направлениям.

На первой встрече 14 сентября 2001 г. в Алма-Ате глав правительств шести государств, вошедших в ШОС, были заданы магистральные ориентиры развития экономического сотрудничества в рамках ШОС, включая разработку долгосрочной программы. Они были сформулированы в подписанном главами правительств Меморандуме между Правительствами государств-участников Шанхайской организации сотрудничества об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций. С этой целью был создан механизм консультаций министров, отвечающих за торговлю и экономическое сотрудничество, в рамках которого была образована многосторонняя рабочая группа экспертов и экспертные группы по различным направлениям отраслевого сотрудничества. Первая встреча министров государств-членов ШОС, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность, состоялась в Шанхае в мае 2002 г.

Основными целями развития регионального экономического сотрудничества государств-участников ШОС были обозначены:

- выявление экономической взаимодополняемости государств-участников в интересах содействия всеобщему развитию их экономики, расширение масштабов торговли и инвестиций, содействие развитию совместных производств и торгово-экономической деятельности хозяйствующих субъектов, улучшение торгового и инвестиционного климата, создание условий для постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий;

- гармонизация национальных законодательств, регулирующих внешнеэкономическую деятельность;
- эффективное использование имеющейся инфраструктуры в области транспорта и коммуникаций, дальнейшее развитие транзитного потенциала;
- развитие сотрудничества в области торговли услугами;
- обеспечение рационального природопользования, осуществление совместных экологических программ и проектов;
- создание и развитие механизмов осуществления регионального экономического сотрудничества.

Антитеррористическое направление в деятельности ШОС получило дополнительный импульс после серии крупных терактов в различных странах мира. При всем этом особую угрозу государствам-участникам ШОС представляли террористические силы, ранее нашедшие прибежище в Афганистане. В этой связи на состоявшемся 7 января 2002 г. в Пекине внеочередном совещании министров иностранных дел ШОС было принято значимое Совместное заявление, зафиксировавшее развернутое видение государствами-участниками ШОС перспектив и принципиальных основ глобальной борьбы с терроризмом и отразившее единые позиции государств-участников относительно путей урегулирования и постконфликтного обустройства в Афганистане, конкретных направлений совместной работы в сферах безопасности и развития, а также роли и места ШОС в решении упомянутых задач.

В указанном Заявлении подчеркивалось, что ШОС, объединяющая соседей Афганистана, намерена принять самое активное участие в постконфликтном обустройстве этой страны, а также в более широком плане – в обеспечении региональной стабильности и безопасности.

Особое внимание было обращено на твердую и активную поддержку государствами-членами ШОС усилий временной афганской администрации по созданию надежных гарантий того, что Афганистан никогда больше не будет очагом распространения терроризма, сепаратизма и наркотиков. ШОС призвала

международное сообщество к взаимодействию в рамках ООН в целях недопущения новой дестабилизации обстановки в Афганистане, к построению мирного и нейтрального афганского государства. Также было подчеркнуто, что любые попытки навязать Афганистану те или иные формы правления, втягивания этой страны в сферу чьего-либо влияния могут привести к новому кризису, а определение будущего политического устройства, выбор структуры и характера органов власти – неотъемлемое право самого афганского народа. Также было заявлено о намерении государств-участников ШОС внести свой вклад в оказание гуманитарной помощи Афганистану и в проекты его экономической реконструкции.

В том же документе государства-члены ШОС изложили общее видение перспектив глобальной борьбы с терроризмом. Было акцентировано, что страны ШОС осуждают и решительно борются с терроризмом во всех его проявлениях, выступают против использования террористических методов для достижения политических целей, за то, чтобы противодействие терроризму, который не имеет конкретной национальной или религиозной принадлежности, не отождествлялось с борьбой против какой-либо религии, свободы вероисповедания, отдельных стран и национальностей.

Подчеркнуто, что следует обеспечить эффективную борьбу с угрозой терроризма на всех уровнях – глобальном, региональном и национальном, и что эта борьба должна быть лишена тенденциозности и «двойных стандартов». Все государства-участники ШОС в равной степени озабочены террористической угрозой и с пониманием относятся к действиям государств-участников по борьбе с ней, считают их важной составной частью международной борьбы с терроризмом.

В том же Совместном заявлении министров подчеркнуто единое понимание государствами-участниками ШОС того, что ведущая роль в международной борьбе против терроризма принадлежит ООН и ее Совету Безопасности, а все антитеррористические операции должны отвечать целям и принципам Устава ООН и другим общепризнанным нормам международного

права, их рамки не могут расширяться произвольно, они не должны сопровождаться вмешательством во внутренние дела суверенных государств.

В том же документе было зафиксировано общее мнение, что глобальная система противодействия терроризму должна опираться на региональные, субрегиональные и национальные структуры и намерение в ближайшее время завершить создание антитеррористической структуры ШОС. Была выражена надежда, что аналогичные структуры будут также созданы в рамках других региональных и субрегиональных объединений и что это будет способствовать международной борьбе против терроризма [226, с. 14].

На саммите ШОС в 2002 г. в Санкт-Петербурге было сочтено целесообразным, взяв за образец налаживание антитеррористического взаимодействия, начать институционализацию уже в формате ШОС сотрудничества в сфере пресечения незаконного оборота наркотиков и оружия и других видов транснациональной преступности.

К рубежу 2003-2004 гг. был завершён процесс практического запуска механизма ШОС, имеется в виду прежде всего начало работы Секретариата в Пекине, штаб-квартиры РАТС в Ташкенте и решение финансово-бюджетных вопросов. 3-4 июня 2004 г. в Ташкенте по инициативе Узбекистана состоялась первая в истории ШОС встреча Секретарей Советов безопасности государств-участников этой Организации.

Гуманитарная составляющая деятельности ШОС была стимулирована на состоявшейся в апреле 2002 г. встрече министров культуры государств-членов в Пекине. При этом участники ШОС исходили из общего признания того, что сотрудничество в гуманитарной сфере – важнейший канал укрепления взаимопонимания, а значит, и взаимного доверия и дружбы между народами.

Фактически, как отмечалось на ташкентском саммите ШОС в июне 2004 г., с началом деятельности постоянно действующих органов этой Организации она вступила в новый этап своего развития – этап полномасштабного развертывания практического сотрудничества в различных сферах.

Выводы. Становление ШОС отразило, прежде всего, совпадение интересов России и КНР в обеспечении безопасности и стабильности в Центральной Азии. Ядром Организации явился международный режим – режим пониженной военной активности в зоне бывшей советско-китайской границы. ШОС не создавалась как интеграционное объединение, но в ее функционал объективно был заложен интеграционный потенциал: так, предусматривались постепенный переход к свободному передвижению товаров, услуг, капиталов и технологий и гармонизация национальных законодательств во внешнеэкономической сфере.

4.2. Геополитическое и геоэкономическое расширение и диверсификация деятельности ШОС

В Декларации руководителей государств «шестерки» о создании ШОС был зафиксирован, как уже отмечалось, открытый характер этой организации. С учетом официального вступления в силу с 19 сентября 2003 г. Хартии ШОС вопрос о дальнейшем расширении состава Организации стал практически реальным. Примечательно в этой связи, что на ташкентском саммите ШОС в июне 2004 г. было утверждено Положение о статусе наблюдателя при ШОС.

Относительно целесообразным и в целом наименее болезненным представлялось присоединение к ШОС Монголии. Наличие общих границ с Китаем, Россией и Казахстаном подразумевало и возможность ее участия в системе мер доверия, уже существующих в рамках ШОС. Показательно, что в ходе ташкентского саммита ШОС в июне 2004 г. в связи с обращением президента Монголии М. Багабанди было принято решение о предоставлении этой стране статуса наблюдателя при ШОС. Весьма примечательно также, что в работе ташкентского саммита ШОС 2004 г. принимал участие Глава Переходного Правительства Афганистана Х. Карзай.

На саммите ШОС в Астане в июле 2005 г. статус наблюдателя при ШОС получили еще три страны – Индия, Иран и Пакистан. При этом обращает на себя внимание тот факт, что ведущие страны ШОС, Китай и Россия, соблюдали при приеме третьих стран в категорию наблюдателей баланс: прием наблюдатели имеющей традиционной тесные связи с Россией Индии «уравновешивался» приемом ориентирующегося на Пекин Пакистана. По некоторым сведениям, не подтвержденным официально, возможность получить статус наблюдателя при ШОС зондировала накануне встречи в Астане администрация США, но не получила поддержки Москвы и Пекина [227]. В ноябре 2006 г. была образована Контактная группа ШОС – Афганистан, включавшая в себя постоянных представителе стран ШОС при секретариате Организации, должностных лиц секретариата и дипломатов афганского посольства в Пекине [228].

В марте 2008 г. Иран подал заявку на полноправное членство в ШОС. В июне 2009 г. на саммите ШОС в Екатеринбурге два государства, Белоруссия и Шри-Ланка, получили статус партнеров по диалогу ШОС, предоставляемый странам или организациям, которые разделяют цели и принципы ШОС и сотрудничают с Организацией по отдельным направлениям [229]. Однако во второй половине 2000-х гг. расширения ШОС, вопреки прогнозам многих экспертов, не произошло. По проблеме расширения в Организации шли сложные дискуссии. Для КНР и России приоритетом оставалось укрепление «внутреннего круга» участников и консолидация роли ШОС как основного инструмента российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии. Пекин и Москва желали избежать появления в рядах ШОС новых противоречий, которые повлекло бы за собой присоединение новых членов.

Только в 2010 г. на саммите ШОС в Ташкенте было принято положение о порядке приема новых членов в Организацию, создавшее необходимую правовую основу для расширения ШОС [230]. В 2010 г. заявку на членство ШОС подал Пакистан, в 2014 г. – Индия. Только в июне 2017 г. Индия и Пакистан стали полноправными членами Организации. Вступление в ШОС

Ирана затянулось до июля 2023 г., поскольку Китай долгое время воздерживался от приема в ШОС страны, находящейся в жесткой конфронтации с США. Усугубление американо-китайских противоречий в 2022-2023 гг. подтолкнуло Пекин к более решительным действиям. К тому же в октябре 2023 г. формально истекли санкции, введенные Советом Безопасности ООН против Ирана в связи с его ядерной программой и разработкой им баллистических ракет (государство, находящееся под санкциями Совета Безопасности ООН, не может, согласно действующему в ШОС Положению, вступить в Организацию). В 2022 г. начался процесс принятия в члены ШОС Белоруссии [231]. Монголия, являющаяся старейшим наблюдателем при ШОС, не претендует на членство в Организации, предпочитая сохранять нейтральный статус.

Параллельно менялся состав наблюдателей при ШОС и партнеров Организации по диалогу. В июне 2012 г. статус наблюдателя получил Афганистан, в 2015 г. – Белоруссия. В 2013 г. партнером по диалогу стала Турция, в 2015 г. – Камбоджа, в 2016 г. – Азербайджан, Армения и Непал, в 2022 г. – Египет, Катар и Саудовская Аравия, в 2023 г. – Бахрейн, Кувейт, Мальдивская Республика, Мьянма и ОАЭ [232]. С 2007 г. в качестве гостя на саммитах ШОС неизменно присутствует президент Туркменистана.

В 2023 г. председательство в ШОС впервые осуществлялось страной, не входившей в число учредителей Организации, – Индией. Индийское председательство проходило на фоне усугубления индо-китайских противоречий. Председатель КНР Си Цзиньпин и президент России В.В. Путин предпочли не посещать саммит ШОС в Нью-Дели, который в результате был переведен в виртуальный формат. Показательно также, что Индия – единственная страна ШОС, не поддерживающая китайскую инициативу ОПОП, что нашло отражение в итоговой декларации саммита [233]. Тем не менее вряд ли приходится сомневаться, что долгосрочные выгоды для ШОС от включения в свой состав Индии перевесят отражающиеся на сплоченности ШОС

краткосрочные издержки, связанные с обострением индо-китайских противоречий.

Доктрина формирования ШОС как международного трансрегионального форума нового типа представляет собой концептуальную альтернативу различным теоретическим обоснованиям «однополярного» гегемонизма Индустриального Центра (Запада) геоэкономики и в глобальном, и в региональном масштабе.

Геополитическое расширение ШОС, подразумевающее и активное формирование «стратегического треугольника» Россия – Китай – Индия, фактически предполагает усиление стратегического взаимодействия трех стран на уровне координации политики и, прежде всего, развитие их взаимоотношений не в стиле коллективной безопасности, а в духе безопасности на основе сотрудничества, то есть так называемой «Cooperative Security». Это новая модель безопасности, которая сейчас развивается в основном на региональном уровне и которую можно свести к некой совокупности международных режимов безопасности, превентивной дипломатии и многостороннему сотрудничеству в сфере безопасности. В целом речь идет об обеспечении военной (точнее, оборонной) безопасности преимущественно политико-дипломатическими, экономическими и иными мирными средствами.

Как известно, такого рода концепция на протяжении уже нескольких десятилетий разрабатывается в политической науке – и в отечественной, и в зарубежной. Если обратиться к классикам современной политической науки, то они еще в начале 1950-х годов писали о том, что возможны и целесообразны два типа сообществ безопасности, один из которых – иерархические сообщества безопасности – получил свое распространение в виде военных блоков и союзов (например, НАТО и ОВД). Другой тип сообществ безопасности, о котором писали классики политической науки, – это так называемые плюралистические сообщества безопасности, некие многосторонние образования, которые сводились бы к политико-дипломатическим способам обеспечения военной (точнее, оборонной)

безопасности. В этой связи допустимо полагать, что ШОС и, в особенности, новый «стратегический треугольник» подразумевают потенциальное формирование именно плюралистического сообщества безопасности.

Стратегический интерес России, если говорить о шанхайском процессе и в целом о ситуации в Панъевразийско-Тихоокеанском регионе, прежде всего, заключается в поддержании стабильности на макроуровне, что невозможно без упрочения союзнических отношений с государствами Центральной Азии и стратегического взаимодействия с такими регионально-глобальными центрами силы, как Китай и Индия. А последнее означает гибкое по форме, многоуровневое стратегическое взаимодействие по поддержанию региональной стабильности и безопасности на гигантском Евразийском материке и прилегающей океанской акватории.

Практические направления эволюции взаимоотношений стран-членов ШОС исходно зависят от динамики социально-экономического развития в каждой из сторон. Вместе с тем с перспективным характером партнерства в рамках ШОС непосредственно взаимосвязано будущее мировой экономики и геополитики, включая осуществимость макромасштабных транснационально-хозяйственных и регионально-интеграционных проектов. Причем, вне зависимости от желаемого «прорыва» к трансконтинентальному инвестиционному сотрудничеству с другими ведущими глобальными центрами силы и геостратегически, и политико-дипломатически оптимальной для России представлялась бы широкая, ориентированная на новейшие достижения НТР экономическая кооперация с различными деловыми кругами Большой Евразии (например, по формуле: природные и энергетические ресурсы, машиностроительно-транспортная база, новейшие научно-производственные технологии России + использование потенциала Индии, Китая, центральноазиатских стран и стран АСЕАН в развитии сельского хозяйства, пищевой, легкой, текстильной и электронной промышленности, медицины и бытового обслуживания + привлечение «высоких технологий» и свободных

капиталов из НИС АТР + дополнительный приток инвестиций из аравийских монархий).

Что касается наиболее перспективных конкретных сфер развития экономического сотрудничества в рамках ШОС, то следует особо выделить агропромсферу, которая представляет комплекс отраслей народного хозяйства, где даже относительно скромные капиталовложения способны принести высокую прибыль. Именно в этой сфере у России есть безусловные геоэкономические преимущества. Главное из них заключается в том, что Россия имеет значительный потенциал увеличения производства продовольствия при относительно меньших затратах по сравнению, например, с Китаем. Соответственно, в перспективе Россия могла бы стать естественным экономическим партнером Китая в решении его продовольственных проблем. Данное обстоятельство актуально и применительно к сотрудничеству других государств-участников ШОС. В практическом плане компетентным российским организациям необходимо подготовить специальное межправительственное соглашение по защите прав китайских арендаторов и инвесторов, работающих в агропромышленном комплексе России. Кроме того, Россия, КНР и «центральноазиатские страны могли бы выработать совместные планы развития своих агропромышленных комплексов на базе использования различий в природно-климатических условиях и почвенных ресурсах (например, в рамках согласованной программы обмена тропических фруктов, чая и кофе на зерновые, сухомолочные и другие продовольственные продукты).

Помимо агропромсферы существует ряд других реально осуществимых проектов и направлений экономического сотрудничества России с КНР и центральноазиатскими странами. Важным направлением такого сотрудничества стала бы совместная разработка минеральных, лесных и топливно-энергетических ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Еще одной областью сотрудничества может стать экологически сбалансированное промышленное использование крупнейшего в мире источника высококачественной пресной воды – озера Байкал. Далее, весьма перспективно сотрудничество стран –

членов ШОС в обрабатывающей промышленности, где наши страны могут успешно координировать свои проекты в освоении космоса, в авиастроении и других отраслях машиностроения.

Потенциальное развитие сотрудничества государств-членов ШОС перед лицом вызовов усугубляющейся геополитической конфронтации и глобализации, как минимум, может основываться на общности совпадений главных государственных интересов и общности вызовов нашего времени. Главные государственные интересы и России, и Китая, и Индии, и центральноазиатских стран совпадают или близки в следующем:

1. Обеспечение экономического развития и процветания, повышение благосостояния народа, искоренение бедности и отсталости.

2. Обеспечение суверенитета, территориальной целостности и единства страны. Совместное или скоординированное противостояние международному терроризму и наркобизнесу.

3. Создание благоприятных международных условий для экономического, политического и культурного процветания каждой из наших стран.

4. Обеспечение достойного места в международном сообществе, отвечающего историческому опыту и вкладу цивилизаций каждой из стран в мировую культуру и поддержание мира и развития.

5. Сохранение самобытности национальных культур.

6. Создание многополярного мира, укрепление международных институтов сотрудничества, прежде всего ООН.

7. Содействие строительству нового справедливого демократического международного порядка, обеспечивающего уважение интересов всех стран и народов и исключающего гегемонизм и диктат в международных отношениях [234, с. 24].

Участие России в ШОС отражает курс России на «поворот на Восток» и строительство Большой Евразии. Весьма примечательна в этой связи изначальная постановка данной проблемы в авторстве самого Президента РФ.

Так, в своей статье «Россия: новые восточные перспективы», опубликованной в Брунее накануне проведения там саммита АТЭС в 2000 г., В.В.Путин отмечал: «Россия всегда ощущала себя евразийской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество... Пришло время нам вместе со странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион, переходить от слов к делу – наращивать экономические, политические и иные связи... Полновесное участие России в процессах экономического взаимодействия на пространствах Азии и Тихого океана – естественно и неизбежно». И далее: «Мы с оптимизмом смотрим в будущее и уверены, что следующее тысячелетие – это время новых возможностей для Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). А для России открываются новые восточные перспективы, которые мы будем, безусловно, развивать и активно участвовать в процессе превращения этого региона в наш «общий дом». Таким образом, применительно к деятельности ШОС перед российской дипломатией стоит исключительно ответственная задача – гармонично развивать стратегическое взаимодействие с центральноазиатскими странами, КНР, Индией, Пакистаном и Ираном [235. с. 75].

На базе созданного и эффективно заработавшего многостороннего механизма по укреплению мер доверия в военной и политической области участникам шанхайского процесса удалось (на основе подписанного соответствующего соглашения о делимитации) существенно активизировать процесс урегулирования застарелой погранично-территориальной проблемы. Казахстан в 1998 г. и Кыргызстан в 1999 г. ценой односторонних уступок полностью урегулировали пограничные вопросы с КНР. В 2001 г. Пекину также удалось реализовать тактику процентного раздела спорных участков границы на переговорах с Душанбе, который, отступив от исторически сложившейся линии границы, передал Китаю 1 тыс. кв. км территорий вдоль Сары-Кольского хребта (Памир). Одновременно, в Договоре о добрососедстве, дружбе и

сотрудничестве между РФ и КНР (июнь 2001 г.) официально зафиксировано отсутствие у сторон взаимных территориальных претензий.

Важный залог устойчивости ШОС – общая заинтересованность России, КНР и Индии в использовании дополнительного (в данном случае – многостороннего) формата для активизации собственно двусторонних российско-китайских, российско-индийских и индийско-китайских отношений.

Геостратегический потенциал России в Центральной Азии и механизм ШОС. Несмотря на недостаточную координацию в рамках ШОС (например, не преодолены разногласия в рамках ее центральноазиатской четверки, между Индией и Пакистаном, КНР и Индией), в российско-китайской «связке» этого форума заложен солидный потенциал в плане решения российских геостратегических задач в Центральной Азии. Согласно оценкам российских ученых, геостратегический потенциал России в Центральной Азии сквозь призму механизма ШОС, можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, с точки зрения обеспечения контролируемой геополитической стабильности вдоль южных границ России (в условиях проблематичности соответствующего инженерно-технического оборудования российской границы с Казахстаном) стабилизирующий потенциал ШОС может, как минимум, получить немаловажный в данной ситуации дополнительный временной задел.

Во-вторых, для России немалое значение имеет беспрепятственное использование транспортно-транзитного (железнодорожного, трубопроводно-энергетического и т.д.) потенциала Центральной Азии, что способствует развитию партнерских отношений с КНР, Индией, Ираном, Пакистаном, Республикой Корея, Вьетнамом и другими странами АСЕАН.

В-третьих, в течение всего постсоветского периода Россия стремится сохранить с Центральной Азией общее экономическое пространство, подразумевающее удержание емкого рынка сбыта своей продукции и устойчивый импорт из региона. Центральная Азия остается для России традиционным источником поступления хлопка и ячменя. К числу приоритетных долгосрочных интересов России относится и повышение ее роли

в использовании центральноазиатских гидроэнергетических и минеральных ресурсов (нефть, газ, уран, золото, серебро, полиметаллы, алюминий, бор). Особого внимания при этом заслуживают Таджикистан и Кыргызстан, на территории которых формируется 86% всего водостока Центральной Азии. Речь идет о возможных вариантах совместного освоения колоссальных запасов гидроэнергетических ресурсов этих двух республик, что позволило бы России не только иметь важнейший рычаг воздействия на весь регион, но и принять участие в экономически выгодных проектах переброски избыточной электроэнергии в государства Южной Азии. Реализация подобных проектов в принципе возможна исключительно на многосторонней основе, в том числе с использованием механизма ШОС.

В-четвертых, весьма значимо для Москвы использование геостратегического потенциала региона в плане решения практических оборонно-политических задач России как великой мировой и региональной державы. Стратегическое значение имеет противоракетный полигон Сары-Шаган в Казахстане, расположенные на берегу озера Балхаш российские радиолокационные станции, пункт дальней связи военно-морского флота России в Кыргызстане, станция оптико-электронного наблюдения «Окно» в Таджикистане, действующая в рамках глобальной российской системы контроля космического пространства, 201-я российская военная база в Таджикистане с общей численностью личного состава более 7 тыс. человек.

В-пятых, взаимодействие России с другими государствами-членами ШОС в сфере региональной безопасности определяется в особенности тем обстоятельством, что все страны Организации вынуждены иметь дело со спектром вызовов и угроз, исходящих с территории Афганистана. Возвращение движения «Талибан» к власти в 2021 г., несмотря на миролюбивые заявления нового поколения лидеров талибов, сопровождается сохранением очагов гражданской войны, ростом напряженности в отношениях между талибами и Исламабадом, вооруженными столкновениями на афгано-иранской границе, угрозами кабульского правительства в адрес Таджикистана, поддерживающего

Фронт национального сопротивления Афганистана, и началом строительства крайне опасного для экосистемы Амударьи канала Кош-Тепа, угрожающего экологической безопасности Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана [236].

В-шестых, России, очевидно, следует активнее задействовать фактор по-прежнему численно значимой центральноазиатской русской общины как естественного этнополитического союзника России и эффективный канал российского влияния.

В-седьмых, взаимодействие России с другими государствами-членами ШОС в сфере культуры определяется прежде всего тем обстоятельством, что Центральная Азия – уникальный регион, где соседствуют и переплелись четыре цивилизации: конфуцианство, ислам, славянская цивилизация и индуизм. Поэтому чрезвычайно важно развивать диалог цивилизаций и культурное сотрудничество стран ШОС. Императив углубления такого сотрудничества стал особенно актуальным в контексте беспрецедентной экспансии в данном регионе (вслед за военно-силовым внедрением) проамериканской, прозападной «попкультуры» и прочих атрибутов бездуховности и аморальности.

В-восьмых, с точки зрения более широкой исторической перспективы механизм ШОС может быть использован, как «программа-минимум», в качестве основы генезиса некоего подобия Организации по безопасности и сотрудничеству в Евразии (в гармоничное развитие и корреляцию механизма Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и системы Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии), а как «программа-максимум» – в формировании широкого трансконтинентального политического блока (панъевразийского союза) и нового типа геоэкономической интеграции.

Вместе с тем следует признать, что в настоящее время важнейшая «цементирующая» сила ШОС – это Китай. С точки зрения Пекина, дальнейшая активизация шанхайского процесса призвана укрепить китайские позиции в жизненно важной для КНР Центральной Азии, а также стать дополнительным, хотя бы относительно прокитайским элементом в постбиполярном

миропорядке. Речь идет о принципиальной установке КНР на поиск асимметричного ответа американскому глобальному давлению. При этом ни в коей мере не следует переоценивать долгосрочную действенность относительной антиамериканской направленности стратегического взаимодействия России и КНР. Кроме того, Пекин рассматривает ШОС как важный инструмент обеспечения международной поддержки единства Китая. Традиционно присутствующий на любых международных форумах интерес КНР к фиксации нужных ей правовых формулировок в связи с вопросами о Тайване, Тибете и «Восточном Туркестане» в рамках шанхайского процесса вылился в установку на жесткую увязку сепаратизма с экстремизмом и терроризмом. В этом плане Пекин с полным правом может записать себе в актив и факт появления, и конкретное наполнение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Актуальные «проблемы роста» ШОС. Реальное международное влияние ШОС пока не может напрямую соотноситься с действительно весьма значительным суммарным (экономическим, геополитическим, демографическим и т.д.) потенциалом ее государств-участников. Весьма показательным в этом плане исходное несовпадение векторов их внешних связей.

Так, в частности, по итогам 2000 г. удельный вес «шанхайских» стран был значительным лишь во внешней торговле Казахстана - 6,3 млрд. долл. (44%). Что же касается вклада «шанхайских» стран во внешнюю торговлю как России, так и КНР, то по итогам 2000 г. он составил соответственно 10,7% (14,8 млрд. долл.) и 2,5% (12 млрд. долл.).

Разнонаправленными на начальном этапе и вплоть до объявленного Россией в 2014 г. «поворота на Восток» (фактически – вплоть до обвального сокращения экономических связей с ЕС в 2022 г.) и запуска в 2013 г. китайской инициативы ОПОП оставались также российский (преимущественно «европоцентристский») и китайский («азиатско-тихоокеанский») геоэкономический и геополитический выборы. Так, в 2000 г. на европейское направление приходилось 72% внешнеторгового оборота России, а для Китая

соответствующий показатель применительно к тихоокеанскому региону (Япония, США, Тайвань, Корея, страны ЮВА) составил 65% [237, с. 24].

Следствием всего этого явилась исходно серьезная проблематичность крупномасштабных экономических инвестиционных программ в рамках ШОС, столь значимых для роста реального влияния и авторитета Организации.

Любые долгосрочные планы многостороннего экономического сотрудничества, тем более экономической интеграции, в рамках ШОС дополнительно осложнялись серьезными противоречиями в центральноазиатской «четверке». Имелись серьезные расстыковки между процессами вступления стран региона в ВТО и интеграции в учрежденное в 2000 г. Евразийское экономическое сообщество, а впоследствии – в Евразийский экономический союз. Практически неизбежны разногласия в рамках ШОС и по водохозяйственной проблеме. Так, стоит вопрос о согласовании китайских, казахских и российских интересов в связи с осуществляемым Пекином отводом вод с верховьев Иртыша и Или.

В Декларации о создании ШОС 2001 г. было отмечено, что ШОС будет использовать огромный потенциал взаимовыгодного сотрудничества стран-участниц в торгово-экономической сфере на двусторонней и многосторонней основе. В этом контексте было намечено начать переговоры по вопросам создания благоприятных условий для торговли и инвестиций, разработать программу многостороннего эффективного сотрудничества и подписать соответствующие документы.

В ходе проводившихся в этой связи переговоров Казахстан предложил повысить эффективность использования водных ресурсов трансграничных рек, создать сеть авиационных, железнодорожных, автомобильных и трубопроводных систем, грузовых терминалов, таможенных пунктов, проводить взаимовыгодную транзитную политику. Кыргызстан и Таджикистан выразили заинтересованность в сотрудничестве стран-участниц ШОС в модернизации существующей транспортной инфраструктуры, налаживании

взаимодействия автомобильного, железнодорожного, воздушного транспорта сторон, развития гидроэнергетики.

При всем этом своего рода «локомотивом» прочих двусторонних и многосторонних проектов в рамках ШОС представляется активно развивающееся сотрудничество России и КНР (в том числе в рамках ряда крупных проектов в области энергетики, строительства нефтепроводов и газопроводов и др.). Что же касается причин известной пассивности центральноазиатских государств, то относительный «вакуум силы», образовавшийся после определенного сворачивания присутствия России в регионе, начал быстро заполняться масштабным проникновением сюда транснациональных корпораций и банков ведущих индустриально развитых держав («Запада»).

Таким образом, экономические связи России с другими странами-участницами ШОС, как и в целом, экономические связи в рамках ШОС, базируются в основном на фундаменте двусторонних «осей» сотрудничества. Вместе с тем весьма вероятно, что в более отдаленной перспективе стороны примут соответствующие решения и будут осуществлять меры интеграционного характера в рамках ШОС. В более широкой перспективе в рамках и на базе ШОС может быть формализован новый (устойчивый) тип общественного воспроизводства и новый экологически гармоничный социально-технологический способ производства (биоэкономика), в том числе с выходом на формирование Панъевразийского Экономического Союза – на основе новейших достижений НТР и императивов глобальной «зеленой дипломатии» в духе решений мировых саммитов в Рио-де-Жанейро, Йоханнесбурге, Париже, Глазго, Дубае.

С учетом этого российской дипломатии предстоит подготовить необходимые условия для инициирования и стимулирования процессов многостороннего сотрудничества в рамках ШОС. Их развитие представляется наиболее оптимальным в тесной координации со всеми заинтересованными региональными и глобальными международными форумами. При этом особого

внимания заслуживает инициатива о поступательном формировании различными международными сообществами (субцивилизациями) Панъевразийско-Тихоокеанского региона зон свободной торговли, таможенных союзов, общих рынков, платежных, валютных, экономических, социально-политических, социально-культурных и социально-экологических союзов.

В конце мая 2003 г. в Москве прошла очередная встреча глав государств-членов ШОС. Эта встреча прошла в ответственный момент, когда ШОС входила в период завершения своего организационного оформления и начинала функционировать в качестве самостоятельного фактора международной жизни.

В принятой на московском саммите ШОС Декларации глав государств-членов Организации было подчеркнуто, что принятое в Шанхае 15 июня 2001 г. решение о создании ШОС было своевременным и отвечающим главным тенденциям развития обстановки в регионе и в мире и что подписанная в Санкт-Петербурге 7 июня 2002 г. Хартия ШОС заложила прочную правовую основу развития Организации, позволила ей стать важным фактором обеспечения мира и стабильности в регионе, укрепления мира и развития во всем мире.

Главы государств-членов ШОС утвердили подготовленные нормативные документы, регламентирующие порядок работы органов ШОС, в том числе постоянно действующих – Секретариата в Пекине и Региональной антитеррористической структуры ШОС (РАТС) со штаб-квартирой в Ташкенте, а также устанавливающие эмблему и флаг Организации.

По представлению Совета министров иностранных дел государств-членов ШОС было принято решение об утверждении Чжан Дэгуана (КНР) первым Исполнительным секретарем ШОС.

Был также согласован порядок формирования и исполнения бюджета Организации, и в этих целях главы государств подписали соответствующее Соглашение.

Главы государств подчеркнули необходимость обеспечения начала работы постоянно действующих органов ШОС не позднее 1 января 2004 г. Было

признано также необходимым ускорить создание Совета РАТС для решения вопросов, вытекающих из Соглашения о РАТС.

Как подчеркивалось в указанной Декларации, ШОС нацелена на то, чтобы совместными усилиями развивать партнерские отношения на большом пространстве, объединяющем ее государств-членов, по широкой повестке дня, которая включает в себя сотрудничество в политической, торгово-экономической, гуманитарной сферах и в противодействии современным угрозам и вызовам.

Положительно оценив развитие процесса институционализации и конкретизации предметного взаимодействия в рамках ШОС в различных областях за период после Санкт-Петербургского саммита 2002 г., главы государств обратили внимание на необходимость обеспечения эффективности сотрудничества между внешнеполитическими, оборонными и правоохранительными ведомствами, службами по чрезвычайным ситуациям, министерствами внешнеэкономических связей, транспорта, культуры и другими правительственными структурами.

Главы государств особо подчеркнули важность активизации контактов между внешнеполитическими ведомствами по актуальным вопросам международной политики, в том числе в международных организациях, прежде всего в ООН.

Главы государств подтвердили, что ШОС сегодня, на этапе своего становления и запуска постоянно действующих органов, следуя принципу открытости, готова устанавливать контакты с другими международными организациями и государствами, независимо от их географического положения, в соответствии с Временной схемой, утвержденной министрами иностранных дел 23 ноября 2002 г.

В Декларации была подтверждена необходимость соблюдения и выполнения основных целей и принципов Устава ООН и общепризнанных норм международного права, уважения и содействия развитию цивилизационного многообразия человечества. Было отмечено, что различные

культуры должны совместно развиваться, брать лучшее друг от друга, стремиться к общему, оставляя в стороне различия.

Одновременно была подчеркнута важность содействия равномерному и устойчивому развитию мировой экономики в целях достижения процветания всех государств.

Главы государств отметили, что признание роли Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности ООН в решении крупных международных проблем имеет фундаментальное значение. ООН можно и нужно реформировать соответственно меняющейся обстановке в мире, с учетом в первую очередь потребностей эффективного решения проблем мировой политики и безопасности.

Как подчеркнуто в Декларации, государства-члены ШОС исходят из того, что принятие упреждающих мер по предотвращению конфликтов в соответствии с Уставом ООН и нормами международного права должно оставаться одним из главных направлений деятельности ООН.

Как подчеркнуто в Декларации, государства-члены ШОС считают, что от современного терроризма, наркоугрозы и других трансграничных вызовов, в условиях нарастающей глобализации политических, экономических и социальных процессов, не может отгородиться ни одна страна в мире. В этой связи не вызывает сомнения настоятельная необходимость широкого взаимодействия всех стран как на региональном, так и на глобальном уровнях, реального вклада каждого государства в решение этих поистине общемировых проблем.

Согласно Декларации, государства-члены ШОС, признавая транснациональный характер современного терроризма, находясь на передовой линии борьбы с его конкретными проявлениями, следуют курсу на взаимное сотрудничество и активное участие в усилиях мирового сообщества в борьбе с терроризмом, включая перекрытие каналов его финансирования. В этом они отводят важную роль тесному взаимодействию правоохранительных органов и спецслужб, а также оборонных ведомств государств-членов ШОС.

Как подчеркнуто в Декларации, наряду с развитием взаимодействия в рамках ШОС, государства-члены Организации намерены активно сотрудничать с Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН. Они придают важное значение скорейшей доработке в ООН проектов Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма и Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом.

В то же время государства-члены ШОС, как подчеркнуто в Декларации, последовательно и неизменно исходят из того, что борьбу с терроризмом необходимо вести на основе норм и принципов международного права, ее нельзя отождествлять с борьбой против какой-либо религии, отдельных стран и национальностей.

Как подчеркнуто в Декларации, все более угрожающий характер приобретает проблема незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Она требует самых действенных мер со стороны международного сообщества, не в малой степени потому, что наркобизнес служит одной из финансовых опор международного терроризма. Государства-члены ШОС предпринимают реальные усилия по налаживанию в рамках Организации взаимодействия в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

Декларация отмечает, что государства-члены ШОС твердо убеждены, что успех борьбы с современными опасностями во многом зависит от решения социально-экономических проблем, таких как ликвидация нищеты, массовой безработицы, неграмотности, дискриминации по расовым, этническим и религиозным признакам. Ключ к поиску эффективных решений проблем безопасности видится в создании под эгидой ООН Глобальной стратегии противодействия новым вызовам и угрозам.

Как подчеркнуто в Декларации, государства-члены ШОС убеждены, что Организация может и должна внести заметный вклад в безопасное и стабильное развитие не только на ее пространстве, но и в мире в целом. ШОС выразила готовность активно участвовать в строительстве системы региональной

безопасности, которая в равной степени учитывала бы интересы и подходы всех участников, и будет конструктивно сотрудничать со всеми государствами и объединениями в этом важном деле.

Согласно Декларации, государства-члены ШОС считают, что в условиях глобализации не только не уменьшается, но, напротив, по многим параметрам возрастает роль такого фактора, как поддержание и укрепление стратегической стабильности, включая проблему нераспространения оружия массового уничтожения.

Государства-члены ШОС выразили уверенность, что императив солидарных действий перед лицом общих опасностей возобладает в мире и человечество сделает выбор в пользу демократического миропорядка, гарантирующего поступательное развитие и равную безопасность для всех государств планеты.

Системный анализ Московской Декларации ШОС показывает, что эта Организация по существу выдвинула теоретическую и практическую альтернативу американоцентричному варианту феномена глобализации, опирающемуся на однополюсную мировую гегемонию США и «золотого миллиарда». В развитие и реализацию решений московского саммита ШОС в сентябре 2003 г. в Пекине прошло очередное заседание Совета глав правительств (премьер-министров) ШОС, на котором были утверждены бюджет Организации на 2004 г. и долгосрочная программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС, а также была одобрена структура исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС. Данное заседание было первым после вступления в силу Хартии ШОС.

Основные направления развития торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС. В принятой государствами-членами ШОС Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества отмечено, что Стороны, стремясь к укреплению между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства, развитию многопрофильного

сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению справедливого и рационального политического и экономического международного порядка, будут строить экономические отношения на условиях взаимной выгоды и равноправия.

В Программе подчеркнуто, что основой для ее разработки стали положения Хартии ШОС и Меморандума между правительствами государств-участников ШОС об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций. Как отмечено в Программе, взаимодействие государств-членов будет развиваться и расширяться на основе принципов полного равенства, рыночных отношений, взаимного уважения и взаимной выгоды, недискриминации и открытости, поступательности и постепенности, решения возникающих вопросов путем взаимных консультаций в духе конструктивности и учета интересов каждого государства. При этом во внимание будут приниматься уровни развития каждого государства и международные обязательства.

Программа направлена на реализацию на долгосрочной основе согласованного комплекса мер по поддержке и поощрению торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС, развитию взаимовыгодных экономических связей, достижению прогресса в производственном и инвестиционном сотрудничестве ведущих отраслей национальных экономик, росту на этой основе взаимного товарооборота в целях повышения уровня жизни населения.

Согласно Программе, в перспективе до 2020 г. государства-члены ШОС будут стремиться к максимально эффективному использованию региональных ресурсов на взаимовыгодной основе, содействием созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий (т.е. ставится задача, по существу, формирования зоны свободной торговли). В этих целях

государства-члены ШОС обязались поэтапно осуществлять тщательно подготовленные мероприятия, отвечающие потребностям регионального сотрудничества, проводить необходимые консультации для выработки конкретных предложений по достижению долгосрочных целей в рамках ШОС.

В перспективе до 2010 г. ставилась задача согласованными усилиями разработать в рамках ШОС стабильные, предсказуемые и транспарентные правила и процедуры в целях создания благоприятных условий в области торговли и инвестиций. На этой основе планировалось развернуть масштабное многостороннее торгово-экономическое сотрудничество в областях, предусмотренных Хартией ШОС и вышеупомянутым меморандумом. В этой связи намечалось разработать совместные программы и проекты, а также создать систему поддержки приоритетных направлений в целях развития регионального экономического сотрудничества.

В краткосрочной перспективе планировалось активизировать процесс создания благоприятных условий в области торговли и инвестиций. Намечалось совместно выработать реестр необходимых многосторонних соглашений и национальных законодательных мер в целях реализации данной Программы, а также последовательность и порядок их подготовки; создать на современном организационно-техническом уровне и поддерживать информационное пространство по торгово-экономической и инвестиционной тематике; определить приоритетные направления торгово-экономического сотрудничества, представляющие взаимный интерес, а также пилотные проекты сотрудничества и приступить к их осуществлению.

Как было отмечено в Программе, для реализации указанных целей предстояло решение следующих задач:

- согласование общих подходов и определение путей взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества;
- оказание взаимного содействия в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) и поддержка государств-членов, находящихся на пути присоединения к ВТО;

- создание условий для обеспечения хозяйствующим субъектам равных возможностей и гарантий в производственной деятельности в соответствии с законодательством государств-членов ШОС;
- формирование совместных целевых программ экономического сотрудничества, инвестиционных проектов и содействие в создании благоприятного инвестиционного климата;
- повышение транспарентности торговой и инвестиционной политики, обмен информацией по законам и нормативной базе в указанных областях;
- развитие межбанковского сотрудничества и кредитно-финансовых отношений государств региона;
- сотрудничество по использованию и дальнейшему развитию имеющейся инфраструктуры в области транспортных коммуникаций и связи;
- сотрудничество в области стандартизации и оценки соответствия товаров на основе общепризнанных мировых норм и правил;
- совершенствование таможенных процедур;
- постепенное устранение тарифных и нетарифных барьеров во взаимной торговле в рамках международных обязательств Сторон.

В соответствии с вышеуказанным Меморандумом основными направлениями сотрудничества сторон были определены энергетика, транспорт, телекоммуникации, сельское хозяйство, туризм, кредитно-банковская сфера, водохозяйственная и природоохранная области, а также содействие прямым контактам между субъектами малого и среднего бизнеса.

В связи с этим, как было отмечено в Программе, намечалось изучить следующие конкретные возможности:

- сотрудничество в области торгово-энергетического комплекса, повышения эффективности действующих энергетических мощностей и энергетических сетей;
- расширение взаимовыгодного сотрудничества в освоении новых месторождений углеводородного сырья и его переработки;

- углубление взаимовыгодного сотрудничества в области геологического изучения недр, направленного на развитие минерально-сырьевой базы государств-членов ШОС;
- сотрудничество в области использования имеющейся транспортной инфраструктуры и проведение модернизации транспортных систем, необходимых для формирования и функционирования рынка транспортных и экспедиторских услуг на территории государств-членов ШОС;
- совместное использование транзитно-транспортного потенциала государств-членов ШОС;
- сотрудничество по внедрению высоких информационных и телекоммуникационных технологий и совершенствованию соответствующей инфраструктуры;
- реализация совместных проектов, направленных на развитие агропромышленного комплекса региона;
- обмен опытом по привлечению в инвестиционную сферу сбережений населения;
- создание нормативно-правовой базы и механизмов развития инновационного сотрудничества;
- координация усилий в деле охраны природы и поддержание экологического баланса в регионе;
- сотрудничество в сфере здравоохранения;
- взаимодействие в областях науки и новых технологий;
- сотрудничество в области образования;
- содействие прямым контактам между хозяйствующими субъектами среднего и малого бизнеса.

В этих целях, как было отмечено в Программе, предполагалось проводить консультации по вопросам взаимодействия сторон с международными организациями и, прежде всего, по проблематике ВТО.

В Программе также подчеркивалось, что государства-члены ШОС будут заблаговременно проводить взаимные консультации в случае возникновения вопросов по торговле товарами и услугами между сторонами.

Как было отмечено в Программе, в целях ее реализации намечалось разработать поэтапные Мероприятия (Планы действий), призванные детализировать и придать плановое начало осуществлению Программы с точки зрения решения задач краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспектив. Для проведения подготовительной работы по составлению соответствующих разделов проекта Мероприятий, по мере необходимости, должны были создаваться совместные экспертные группы из представителей заинтересованных министерств и ведомств государств-членов ШОС.

Как следует из Программы, реализация ее положений должна была осуществляться посредством выполнения государственными органами и хозяйствующими субъектами (на основе заключенных договоров и контрактов) конкретных действий, определенных в Программе и Мероприятиях.

Координация работы по реализации положений Программы и Мероприятий была возложена на Секретариат ШОС и Совещание министров государств-членов ШОС, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность. Информация о ходе осуществления данной Программы и Мероприятий к ней должна была направляться в Секретариат ШОС, ежегодно представляющий соответствующий отчет Совету глав правительств (премьер-министров) государств-членов ШОС.

Таковы были основные положения долгосрочной Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС, ориентированной на поэтапное формирование (ориентировочно к 2020 г.) в регионе зоны свободной торговли.

Однако, как показало последующее развитие событий, в рамках ШОС так и не сформировался реально действующий механизм многостороннего экономического сотрудничества. Формально главной причиной стало отсутствие у ШОС собственных ресурсов для финансирования совместных

проектов. В 2004 г. Китай выделил кредит на развитие экономического сотрудничества в рамках ШОС, но эти средства оказались предназначенными для финансирования закупок китайских товаров. Ряд стран-членов, в том числе Россия, не стали пользоваться этими средствами [238]. Сама ШОС осталась малобюджетной организацией с объемом собственных средств около 4 млн. долл. в год. Секретариат ШОС действует в рамках очень ограниченных полномочий. Межбанковское объединение и Деловой совет ШОС, созданные в 2005–2006 гг., имеют сугубо консультативные функции.

Расхождения во взглядах КНР и России не позволили реализоваться наиболее многообещающим инициативам; китайскому проекту создания Фонда развития ШОС, выдвинутому на ташкентском саммите 2004 г., и российскому предложению организовать под эгидой ШОС Энергетический клуб (в итоге ставшему не более чем неформальной дискуссионной площадкой [239]). В пределах деклараций осталась «совместная» борьба стран ШОС с мировым финансово-экономическим кризисом 2008-2009 гг. [240], хотя Китай выделил ряду стран ШОС кредиты на преодоление последствий кризиса на двусторонней основе. За почти двадцать лет в рамках ШОС не удалось подготовить к подписанию соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций. Программа 2003 г. осталась в целом невыполненной; сомнительными представляются перспективы реализации заменившей ее в 2019 г. новой Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества на 2020-2035 гг. [241]

Основные вехи развития ШОС. 2004 г. стал рубежным в истории становления ШОС. Вслед за официальным началом деятельности Секретариата ШОС в Пекине 15 января 2004 г. состоялись две встречи Совета министров иностранных дел Организации (в том числе одна – внеочередная) и два еще более значимых события, о которых речь пойдет ниже.

17 июня 2004 г. в Ташкенте под председательством Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова состоялось очередное заседание Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. В качестве

гостей председательствующего присутствовали Глава Переходного Правительства Афганистана Х. Карзай и специальный представитель Президента Монголии, министр иностранных дел Лувсангийн Эрдэнэчулуун.

Главы государств рассмотрели вопросы дальнейшего углубления многопланового сотрудничества в рамках Организации, обменялись мнениями по актуальным международным вопросам и подписали ряд документов.

Главы государств приняли участие в официальной церемонии открытия в г. Ташкенте Исполкома Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества. На церемонии также присутствовали представители международных организаций, таких как ООН, ОБСЕ, Исполком СНГ, АТЦ СНГ.

Лидеры стран ШОС констатировали, что задачи по завершению этапа институционального строительства Организации успешно решены и созданы необходимые условия для развертывания в рамках ШОС полномасштабного сотрудничества государств-членов. В ходе заседания была отмечена важность объединения усилий стран ШОС в борьбе с новыми вызовами и угрозами, прежде всего с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом и незаконным оборотом наркотиков. Была также достигнута договоренность об активизации сотрудничества в торгово-экономической, транспортной, природоохранной и других сферах деятельности.

Главы государств подписали итоговый политический документ – Ташкентскую декларацию. В ней были намечены меры по дальнейшему развитию взаимодействия в рамках ШОС, а также содержалось обращение к международным организациям и форумам Азиатско-Тихоокеанского региона с призывом приступить к формированию кооперативной системы общерегиональной безопасности и сотрудничества. Были также подписаны Соглашение между государствами-членами ШОС о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и Конвенция о привилегиях и иммунитетах ШОС. Было утверждено Положение о статусе наблюдателя при ШОС. В связи с

обращением президента Монголии М. Багабанди на ташкентском саммите было принято решение о предоставлении этой стране статуса наблюдателя при ШОС. Это решение стало весьма симптоматической «первой ласточкой» подобного рода в плане перспектив возможного географического расширения Организации. В ходе саммита состоялось подписание пакета документов, регламентирующих взаимоотношения государств-членов в рамках Организации, в том числе Протокол о сотрудничестве и координации деятельности между министерствами иностранных дел государств-членов ШОС.

Другим весьма примечательным новым рубежом в истории ШОС стало проведение накануне ташкентского саммита по инициативе узбекской стороны первой в истории ШОС встречи Секретарей Советов безопасности государств-членов этой Организации. Россию на этой встрече представлял И.С. Иванов. В ходе встречи состоялся обстоятельный обмен мнениями по актуальным вопросам развития ситуации на пространстве ШОС и в прилегающих регионах мира с точки зрения обеспечения международной и региональной безопасности. В конструктивном ключе были рассмотрены наиболее важные вопросы укрепления взаимодействия государств-членов ШОС в сфере борьбы с международным терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, опасностью распространения оружия массового поражения, наемничеством и другими угрозами региональной и глобальной безопасности и стабильности.

Участники встречи подчеркнули необходимости выработки единых подходов и совместных программ в целях усиления координации деятельности правоохранительных органов, специальных служб и иных структур государств-членов ШОС в борьбе с международным терроризмом, сепаратизмом, с идеологией экстремизма и фанатизма. Было отмечено, что решение указанных задач является ключевым направлением практической деятельности Исполнительного комитета ПАТС ШОС в Ташкенте.

В ходе встречи была отмечена важность усиления роли ШОС в дальнейшем углублении экономического сотрудничества, продвижении интеграционных процессов в регионе, что является важным условием обеспечения долгосрочного мира, стабильности и безопасности государств-членов ШОС и региона в целом. Было выражено единое мнение о необходимости сотрудничества и взаимодействия ШОС с другими авторитетными международными организациями и государствами. Была достигнута договоренность о проведении в дальнейшем встреч Секретарей Советов безопасности государств-членов ШОС на регулярной основе и утвержден Регламент проведения таких встреч.

Новой важной вехой в истории ШОС стало прошедшее 5 июля 2005 г. в Астане заседание Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Помимо глав государств ШОС, в работе саммита приняли участие президент Монголии как страны-наблюдателя и представители стран, получивших в ходе данного заседания статус наблюдателей – премьер-министр Пакистана Ш. Азиз, первый заместитель Президента Ирана М.Р. Ареф и министр иностранных дел Индии Н. Сингх.

По итогам заседания Совета глав государств-членов ШОС был принят ряд официальных документов: 1) Декларация глав государств-членов ШОС; 2) Концепция сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; 3) Доклад Совета РАТС ШОС Совету глав государств-членов ШОС о деятельности РАТС.

В Астанинской декларации страны ШОС призвали США и их союзников «определиться с конечными сроками временного использования...объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территории стран-членов ШОС» и заявили о своем намерении выработать «эффективные меры и механизмы совместного реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе» и приступить к «гармонизации национальных законодательств в вопросах обеспечения безопасности» [242]. В Концепции сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом,

сепаратизмом и экстремизмом акцентировалось внимание на том, что страны ШОС будут противодействовать этим угрозам, полагаясь, в первую очередь, «на свои собственные силы» [243]. Принятие Индии, Пакистана и Ирана в ШОС в качестве наблюдателей еще раз убедительно подтвердило принцип открытости этого форума.

Решения саммита в Астане вызвали значительный резонанс в мире. Вскоре было объявлено решение Узбекистана о выдворении из страны американской военной базы. Хотя Ташкент принимал решение исходя из собственных интересов и самостоятельно, этот шаг повысил авторитет ШОС как Организации, чьи заявления действительно претворяются в жизнь. Западное политологическое сообщество стало проявлять к деятельности ШОС значительный интерес, обсуждать перспективы ее расширения и эволюции в сторону создания военно-политического блока.

Несомненно, Астанинский саммит способствовал усилению и политико-дипломатического, и военно-политического измерений деятельности ШОС. На следующем саммите в Шанхае в июне 2006 г. главы государств ШОС заявили о намерении изучить «вопрос о создании в рамках ШОС механизма предотвращения региональных конфликтов» [244]. В августе 2007 г. на встрече в верхах в Бишкеке всеми странами ШОС был подписан договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [245]. Саммит в Душанбе, состоявшийся в августе 2008 г., ознаменовался подписанием соглашения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений [246]. На Екатеринбургском саммите в июне 2009 г. главы государств ШОС утвердили положение о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования Организации на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе, конвенцию против терроризма и соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов ШОС [229]. Важным событием в истории ШОС стало проведение в августе 2007 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР и Челябинской области России

масштабных войсковых учений «Мирная миссия-2007», в которых приняли участие все шесть стран ШОС [247].

Во второй половине 2000-х гг. в деятельности ШОС отчетливо обозначилось гуманитарное измерение. Стали регулярно организовываться фестивали культуры и художественные выставки, был создан Молодежный совет ШОС. В 2006 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в области образования, ставшее основой для создания Университета ШОС. В 2007 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в области культуры [248, с. 119-124].

В 2010-е гг. темпы развития ШОС несколько снизились, поскольку приоритетом для КНР стала реализация инициативы ОПОП, а для России – создание ЕАЭС. На смену углублению сотрудничества пришло географическое расширение ШОС. Резкий рост конфронтационности в мире в 2022-2023 гг. начал формировать тенденцию к повышению значимости ШОС. В сентябре 2022 г. в Самарканде состоялся первый после начала коронавирусной пандемии «очный» саммит ШОС. Главы государств утвердили комплексный план реализации договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве на 2023-2027 гг. В Самаркандской декларации подчеркнута роль Центральной Азии как «ядра ШОС» и выражена поддержка механизму Консультативных встреч глав государств Центральной Азии и усилиям по укреплению взаимосвязанности Центральной и Южной Азии. Заявлено о необходимости формирования в ШОС единого перечня террористических, сепаратистских и экстремистских организаций и создания под эгидой ШОС новых структур: Антинаркотического центра в Душанбе, Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств ШОС, Центра информационной безопасности ШОС. Центра по противодействию международной организованной преступности в Бишкеке. Главами государств подчеркнута важность воздания в Афганистане инклюзивного правительства, обеспечения его нейтрального статуса [249].

На Самаркандской встрече были приняты решения о создании специальной рабочей группы по стартапам и инновациям и специальной

рабочей группы по борьбе с бедностью. Были приняты Концепция сотрудничества государств-членов ШОС по развитию взаимосвязанности и созданию эффективных транспортных коридоров, Программа инфраструктурного развития на пространстве ШОС и Программа сотрудничества в области использования возобновляемых источников энергии. Главы стран ШОС, за исключением Индии, приняли заявления об обеспечении надежных, устойчивых и диверсифицированных цепочек поставок, об обеспечении глобальной продовольственной безопасности, и об обеспечении международной энергетической безопасности. В Самарканде были подписаны программа сотрудничества государств ШОС по развитию искусственного интеллекта и план действий по развитию научно-технического сотрудничества в приоритетных направлениях, приняты Рамочные основы сотрудничества между уполномоченными органами в сфере торговли услугами и программа развития промышленной кооперации между деловыми кругами [250].

На встрече глав государств ШОС в Нью-Дели, состоявшейся в онлайн-формате в июле 2023 г., были приняты заявления о противодействии радикализации, ведущей к терроризму, сепаратизму и экстремизму и о сотрудничестве в области цифровой трансформации [251].

В октябре 2023 г. на заседании Совета глав правительств ШОС в Бишкеке был принят план действий по реализации Концепции взаимодействия железнодорожных администраций государств-членов ШОС. Главы правительств наметили кардинально усилить экологическое измерение деятельности ШОС: создать Климатический совет ШОС, подписать соглашение в области охраны окружающей среды, составить реестр экологических проблем ШОС [252].

Впереди у ШОС – большой путь. Генезис ШОС уникален по целому ряду параметров. Среди специфических черт этой организации прежде всего выделяются принципы равноправия и консенсуса государств-участников независимо от их размеров и могущества как основа выработки и реализации совместных решений. В частности, как зафиксировано в Декларации Санкт-

петербургского саммита 2002 г., государства-члены ШОС имеют неотъемлемое право на самостоятельный выбор форм и методов своей безопасности, включая налаживание сотрудничества с другими государствами.

При проведении своей политики в рамках ШОС государства-участники исходят из того, что данный форум – не военный блок или замкнутый альянс и, в конечном счете, наиболее актуальные для стран-участниц проблемы можно решить именно через диверсифицированное региональное сотрудничество с опорой на механизм многопрофильной кооперации государств-участников в различных областях. В то же время у государств-участников ШОС просматривается заинтересованность в том, чтобы эта организация стала эффективным инструментом укрепления безопасности, стабильности и сотрудничества в Центральной Азии и прилегающих регионах.

Становление ШОС происходило в условиях набирающих силу глобальных перемен. Как было отмечено в этой связи в Санкт-Петербургской Декларации ШОС (7 июня 2002 г.), государства-члены ШОС строят свои отношения в рамках формирующейся многополярной системы международных отношений, полагают, что миропорядок в XXI веке должен опираться на механизмы коллективного решения ключевых проблем, верховенство права и последовательную демократизацию международных отношений. Государства-участники ШОС убеждены, что международное сообщество нуждается в выработке концепции безопасности нового типа, базирующейся на принципах взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства и взаимодействия, способствующей радикальному ослаблению факторов, подрывающих безопасность, и искоренению источников новых угроз.

ШОС открыта для широкого международного сотрудничества в соответствии с целями и принципами Устава ООН, на основе учета взаимных интересов и общности подходов к решению и региональных, и глобальных проблем. Государства-участники ШОС объединились не против кого-либо, а против тех вызовов и угроз, которые создают общую угрозу для всего человечества.

При прогнозировании будущего ШОС надо исходить из того, что становление этого форума – фактор не только регионального, но и регионально-глобального значения. Данная Организация по сути своей носит трансрегиональный характер, что создает в перспективе предпосылки для реализации ее потенциала на весьма обширном геопространстве. При этом особенно важно, что в число учредителей ШОС вошел Китай, до начала 2000-х гг. избегавший формализации своего участия в региональных международных объединениях. Думается также, что в долгосрочной перспективе ШОС способна стимулировать развитие совершенно новых геостратегических «осей» и «многоугольников» международного сотрудничества и в региональном, и в глобальном масштабе.

Эволюционный путь развития шанхайского процесса привел его участников к формированию новой модели безопасности и взаимодействия в Евразии. Был запущен эффективный механизм мер доверия в военной области. В целом удалось урегулировать пограничные вопросы. Налаживание системы регулярных многосторонних встреч и консультаций позволило выйти на относительно высокий уровень координации деятельности в ряде сфер. Был создан ряд предпосылок для активизации экономического сотрудничества.

Ведущим консолидирующим фактором в рамках ШОС в обозримой перспективе вероятнее всего останется сотрудничество в сфере безопасности (прежде всего борьба с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом). Тесное сотрудничество между Россией и Китаем является решающим фактором успешного развития деятельности ШОС, но оно не представляется возможным без совместных позитивных усилий всех участников шанхайского процесса.

Интересы государств-членов ШОС в Центральной Азии во многом совпадают, особенно в деле поддержания политической стабильности в регионе и обеспечения государственного единства и территориальной целостности. Перед странами ШОС стоят общие проблемы обуздания сил, использующих Центральную Азию в качестве базы расширения и углубления национального

сепаратизма, религиозного экстремизма и международного терроризма. Для противодействия этим трем вызовам страны-члены ШОС должны активнее координировать свои геополитические позиции и предпринимать необходимые совместные действия. Механизм международного взаимодействия в рамках ШОС жизнеспособен и способен обеспечить превращение этого форума во влиятельную геополитическую и геоэкономическую силу в региональном, а впоследствии, возможно, и в глобальном масштабе.

ШОС по замыслу является международной организацией нового типа, потенциально ориентированной на многополярный, рациональный и справедливый миропорядок как альтернативу известным проектам «однополярного» гегемонизма в геоэкономике, геополитике, геокультуре, «зеленой энергетике». В целом перед ШОС открываются многообещающие перспективы развития.

Выводы. Не являясь интеграционной организацией в полном смысле этого слова, ШОС изначально содержала интеграционные интенции, практически не получившие развития. При этом ШОС обладает значительным потенциалом сопряжения интеграционных процессов в Центральной Азии и в Евразии через действующий в рамках Организации механизм согласования интересов России, КНР и Индии в регионе. ШОС располагает значительным опытом и механизмами снятия раздражителей в отношениях как между великими державами, так и между средними и малыми странами. Именно ШОС является зонтичной структурой, обладающей потенциалом обеспечения взаимодействия ЕАЭС, ОПОП, Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, СААРК, ОЭС. ШОС также располагает потенциалом налаживания функционального взаимодействия в сферах, где межгосударственные противоречия минимальны (транспортные перевозки, упрощение таможенных процедур). Обращает на себя внимание наметившееся в 2022-2023 гг. обращение ШОС к экологической проблематике, слабо вписанной в сферу деятельности ЕАЭС и инициативу ОПОП. В перспективе ШОС имеет наибольшие шансы становления в качестве институциональной надстройки

межрегионального сверхкомплекса, связующего центральноазиатскую, евразийскую, восточноазиатскую и, возможно, южноазиатскую подсистемы международных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило прийти к следующим результатам.

Интеграционные процессы с разной скоростью и интенсивностью протекают как на евразийском (постсоветском) пространствах, так и собственно в рамках Центральноазиатского региона. Евразийское (постсоветское) пространство представляет собой региональную подсистему международных отношений, в рамках которой выделяется интеграционный субкомплекс, очерченный рамками ЕАЭС. Центральная Азия, являясь одновременно формирующейся автономной региональной подсистемой международных отношений, во многих отношениях уже обособившейся от постсоветского пространства, сохраняет ряд свойств субкомплекса постсоветской подсистемы. Термин «евразийское пространство» может пониматься и в расширительном смысле – как пространство Большой Евразии, межрегиональный сверхкомплекс, связующий центральноазиатскую, постсоветскую, и восточноазиатскую подсистемы. Взаимодействие, взаимовлияние и взаимообусловленность интеграционных процессов на обозначенных пространствах составляет проблематику их сопряжения, аспектами которого является сопряжение в военном, политическом, экономическом, социетальном и экологическом секторах.

Интеграционная политика в центральноазиатском регионе не должна форсироваться в направлении растворения национального государства в региональной общности. Как показывает практика, это однозначно воспринимается настороженно и болезненно политическими и экономическими элитами. Сохранение национальных государств как субъектов международных отношений является ключевым фактором стабильности самой региональной подсистемы.

Геополитическое и экономическое присутствие великих держав и крупных внерегиональных держав, с одной стороны, способствует решению целого ряда

экономических проблем центральноазиатских государств. С другой стороны, оно, как правило, не способствует их интеграции. Напротив, ориентация на внешние силы стимулирует процессы фрагментации и создает условия для структурных изменений в постсоветской (евразийской) подсистеме международных отношений.

Политика США в наибольшей степени направлена на обособление интеграционных процессов в Центральной Азии, под которыми в Вашингтоне понимают, в первую очередь, создание в регионе противодействующей влиянию России и Китая коалиции средних и малых стран, от евразийских интеграционных процессов. К такой же позиции в последние годы приближается и первоначально более нюансированная политика Европейского Союза. Работу по созданию собственного интеграционного контура, еще далекую от завершения, ведет Турция. Иран, связанный с центральноазиатскими государствами нормативно-правовой базой ОЭС и подключающийся к либерализации торговли с ЕАЭС, в наибольшей степени готов содействовать сопряжению процессов евразийской и центральноазиатской интеграции. Ключевым для перспектив сопряжения фактором является позиция Китая, который, реализуя инициативу ОПОП преимущественно как совокупность проектов, осуществляемых на основе двусторонних соглашений, демонстрирует и готовность – пока осторожную и преимущественно декларативную – к учету в своей региональной политике факторов ЕАЭС и ОДКБ.

Первоначальные попытки внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии оказались малорезультативными. Автономизация центральноазиатской подсистемы в 2010-е гг., главным фактором которой явилось укрепление суверенитета и внешнеполитической субъектности стран региона, стала предпосылкой для возобновления попыток налаживания комплексного многостороннего сотрудничества стран региона в конце 2010-х гг. в формате Консультативных встреч глав государств Центральной Азии. На стратегическом уровне активизация работы механизма Консультативных

встреч в 2022-2023 гг. является попыткой создания центральноазиатскими странами альянса для совместного отстаивания нейтральной позиции государств региона в украинском конфликте, противодействия давлению как со стороны России, так и со стороны США и ЕС. Экономические, социетальные и экологические аспекты выдвигаемых инициатив и принимаемых решений свидетельствуют о формировании прото-интеграционной повестки дня и соответствующих институтов. Формат Консультативных встреч и складывающаяся система институтов имеет потенциал стать механизмом сопряжения центральноазиатской и евразийской интеграции.

Евразийский экономический союз, несмотря на значительные трудности в его функционировании, стал основным и наиболее эффективным форматом экономической интеграции на евразийском (постсоветском) пространстве. В его рамках Казахстан и Кыргызстан экономически интегрируются с Россией значительно теснее, чем Узбекистан и Таджикистан, что создает экономическую линию размежевания в центральноазиатской подсистеме международных отношений. Вступление в ЕАЭС Узбекистана и Таджикистана маловероятно в геостратегических условиях, сформировавшихся в 2022-2023 гг. Тем не менее частичные механизмы сопряжения между центральноазиатской интеграцией и интеграцией в рамках ЕАЭС формируются через зону свободной торговли СНГ, включающую Узбекистан и Таджикистан, и соглашение о свободной торговле услугами в рамках СНГ, включающее как страны ЕАЭС, так и Ташкент и Душанбе.

Сопряжение ЕАЭС и Инициативы «Один пояс – один путь» пока остается не приобретшим значительного содержательного наполнения проектом. С упразднением Евразийского экономического сообщества, в компетенцию которого входила интеграция в гуманитарной сфере, обнаружилась недостаточность механизмов обеспечения социетальных аспектов евразийской интеграции, поскольку ЕАЭС не приобрел компетенций в сферах образования, здравоохранения, культуры и молодежной политики. У ЕАЭС практически отсутствует экологическое измерение деятельности, которое имело бы большое

значение для государств Центральной Азии.

За двадцать лет деятельности Организация Договора о коллективной безопасности достигла значительного прогресса по ряду важных функциональных направлений деятельности. Однако ключевой для Организации проблемой стала низкая степень координации внешнеполитической деятельности. Развитие ОДКБ в логике функционально-технического продвижения требует дополнения принятием принципиальных решений политического характера. Решение задачи оптимизации деятельности ОДКБ необходимо для создания в евразийской подсистеме международных отношений устойчивого контура военно-политической интеграции, создающего безопасную среду для экономической и социетальной интеграции.

Становление в начале 2000-х гг. Шанхайской организации сотрудничества отразило, прежде всего, совпадение интересов России и КНР в обеспечении безопасности и стабильности в Центральной Азии. Ядром Организации явился международный режим – режим пониженной военной активности в зоне бывшей советско-китайской границы. ШОС не создавалась как интеграционное объединение, но в ее задачи и функции объективно был заложен интеграционный потенциал: так, предусматривались постепенный переход к свободному передвижению товаров, услуг, капиталов и технологий и гармонизация национальных законодательств во внешнеэкономической сфере.

Интеграционные интенции ШОС практически не получили развития в 2000-е – начале 2020-х гг. Однако ШОС обладает значительным потенциалом сопряжения интеграционных процессов в Центральной Азии, в евразийской (постсоветской) подсистеме и в Восточной Азии через действующий в рамках Организации механизм согласования интересов России и КНР в регионе и состоявшееся расширение ШОС за счет вступления Индии, Пакистана и Ирана. ШОС располагает значительным опытом и механизмами снятия раздражителей в отношениях как между великими державами, так и между средними и малыми странами. Именно ШОС является зонтичной структурой, обладающей потенциалом обеспечения взаимодействия ЕАЭС, ОПОП, Консультативных

встреч глав государств Центральной Азии, СААРК, ОЭС. ШОС также располагает потенциалом налаживания функционального взаимодействия в сферах, где межгосударственные противоречия минимальны. Обращает на себя внимание наметившееся в 2022-2023 гг. обращение ШОС к экологической проблематике, слабо вписанной в сферу деятельности ЕАЭС и инициативу ОПОП. В перспективе ШОС имеет значительные шансы становления в качестве институциональной надстройки межрегионального сверхкомплекса, связующего центральноазиатскую, евразийскую (постсоветскую), восточноазиатскую и, возможно, южноазиатскую подсистемы международных отношений.

В целом, наше исследование позволяет сделать выводы о следующих направлениях сопряжения интеграционных процессов в центральноазиатской и евразийской подсистемах международных отношений:

- в военно-политической сфере – через развитие механизмов взаимодействия в сфере военной безопасности и противодействия новым вызовам безопасности под эгидой формата Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, налаживание координации между этими механизмами и ОДКБ, АТЦ СНГ и РАТС ШОС, формирование механизма консультаций между ЕЭК и Секретариатом ОДКБ, усиление существующего механизма обмена информацией между Секретариатом ОДКБ и Секретариатом ШОС. Необходимое условие этого направления сопряжения интеграционных процессов - оптимизация ОДКБ.

- в экономической сфере – через координацию работы институтов, создаваемых в рамках Консультативных встреч, с деятельностью ЕЭК, перевод в практическую плоскость сопряжения интеграции в рамках ЕАЭС и реализации инициативы ОПОП, участие Узбекистана и Таджикистана в зоне свободной торговли СНГ и формируемого в СНГ пространства свободной торговли услугами, создание механизма консультаций между ЕЭК и Секретариатом ОЭС.

- в социетальной сфере – через наделение ЕАЭС полномочиями в гуманитарной сфере и развитие взаимодействия между ШОС и ЕАЭС в этой сфере, развитие взаимодействия между ШОС и СНГ, ШОС и ОЭС, СНГ и ОЭС, СНГ и ОТГ, ШОС и ОТГ в образовательной, научно-технической, гуманитарной сферах, вопросах здравоохранения, подключение к этому взаимодействию структур, создаваемых под эгидой Консультативных встреч глав государств Центральной Азии. В перспективе возможно формирование действующей в масштабах Большой Евразии международной организации, наделенной полномочиями в сфере содействия многостороннему гуманитарному сотрудничеству.

- в экологической сфере – через реализацию соответствующих инициатив ШОС, заявленных в 2022-2023 гг., наделение ЕАЭС полномочиями в сфере охраны окружающей среды. В перспективе, для охвата соответствующим взаимодействием Узбекистана и Таджикистана, возможно формирование под эгидой СНГ серии природоохранных режимов и заключение соответствующих соглашений.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Провести оптимизацию деятельности ОДКБ через а) формирование постоянно действующего механизма координации внешней политики стран-участниц. При этом, учитывая исключительную сложность геостратегической обстановки 2022-2023 гг., за пределы сферы координации необходимо временно вывести проблематику украинского кризиса как несущую деструктивный потенциал для военно-политической интеграции в рамках ОДКБ; б) скорейшую разработку и начало реализации межгосударственной целевой программы ОДКБ по обустройству таджикско-афганской границы; в) расширение сотрудничества в сфере подготовки военных кадров для стран-участниц; г) выработку консолидированной позиции государств ОДКБ по вопросу строительства кабульским правительством канала Куш-Тепе, в том числе с учетом действия двусторонних договоров о союзнических отношениях между Россией и Узбекистаном и Казахстаном и Узбекистаном.

2. Государствам ЕАЭС и зоны свободной торговли СНГ, участвующим в инициативе ОПОП либо поддерживающим эту инициативу без формального участия, согласовать общую позицию по проблематике сопряжения ЕАЭС и ОПОП и предложить китайской стороне согласовать программу сопряжения в секторах, в которых интересы КНР и стран ЕАЭС совпадают в наибольшей степени (транспорт, логистика, упрощение таможенного оформления, цифровая торговля, туризм).

3. Ускорить формирование в СНГ пространства свободной торговли услугами и общего инвестиционного режима.

4. Рассмотреть возможность присоединения Узбекистана и (или) Таджикистана к общему электроэнергетическому рынку ЕАЭС без присоединения к Союзу.

5. Ускорить работу по созданию Банка развития и Фонда развития (Специального счета) ШОС и заключению в рамках ШОС соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций.

6. Наделить ЕАЭС компетенциями в сфере образования (вытекающими из компетенций Союза в сфере создания общего рынка рабочей силы), охраны окружающей среды, культуры и здравоохранения.

7. Приступить к скорейшему наполнению экологического измерения деятельности ШОС конкретным содержанием (составить реестр экологических проблем ШОС, разработать соответствующие планы действий, создать Климатический совет ШОС, подготовить рамочное соглашение о защите окружающей среды).

8. Проработать вопрос о создании на основе механизма Консультативных встреч глав государств Центральной Азии полноформатной региональной организации многостороннего сотрудничества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018 – 2040 гг. [Электронный ресурс]: Указ Президента Кырг.Респ. от 31 октября 2018 года № 221. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/430002/edition/1095562/ru>. – Загл. с экрана;
2. Обращение Президента Кыргызской Республики Садыра Жапарова к главам государств-членов ЕАЭС по случаю председательства Кыргызстана в органах Союза [Электронный ресурс]: Бишкек, 22.01.2024 г. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/obrashhenie-prezidenta-sadyra-zhaparova-k-glavam-gosudarstv-%E2%80%93-chlenov-eaes-po-sluchayu-predsedatelstvovaniya-kyrgyzstana-v-organakh-soyuza-v-2022-godu/>. – Загл. с экрана;
3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества [Электронный ресурс]: Москва, 8 мая 2015 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/4969>. – Загл. с экрана;
4. Нурлы Жол – Путь в будущее [Электронный ресурс]: Послание Президента Респ. Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана [Электронный ресурс]: Астана, 11 ноября 2014 г. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31625608. – Загл. с экрана;
5. Посольство Китая в Узбекистане провело пресс-брифинг о совместном строительстве ОПОП и прагматическом сотрудничестве между Китаем и Узбекистаном [Электронный ресурс]: Ташкент, 27 октября 2023 г. – Режим доступа: http://uz.china-embassy.gov.cn/rus/sgxx/sgsd/202310/t20231030_11170384.htm. – Загл. с экрана;
6. Герой-Аркадаг заявил о сопряжении стратегии «Возрождение Великого Шелкового пути» с китайской стратегией «Один пояс – один путь» [Электронный ресурс]: Пекин, 19 октября 2023 г. - Режим доступа: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/76666/geroj-arkadag-zayavil-o-sopryazhenii->

[strategii-vozhzhdenie-velikogo-shyolkovogo-puti-s-kitajskoj-strategiej-odin-poyas-odin-put.](#) - Загл. с экрана;

7. Китай и Таджикистан должны усилить сопряжение стратегий развития двух стран – эксперты [Электронный ресурс]: Пекин, 24 мая 2017 г. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-05/24/c_136311835.htm. – Загл. с экрана;

8. Пакулин, В.С. Процессы сопряжения китайского проекта «Один пояс – один путь» и ЕАЭС в рамках концепции «Большого Евразийского партнерства» [Текст] / В.С. Пакулин // Вестник Томского государственного университета. История, – 2022, - № 76. – С. 47-55;

9. Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века [Текст]: / под ред. В.И. Михайленко. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – 476с.;

10. Шишков, Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ [Текст] / Ю.В. Шишков. – М.:НП «Тысячелетие», 2001. – 479с.;

11. UN Convention on the Rights of Persons with Disability. Article 44 [Electronic resource]: New York, 13 December 2006 – Access mode: <https://www.un.org/development/desa/disabilities/convention-on-the-rights-of-persons-with-disabilities/article-44-regional-integration-organizations.html>. – Screen title;

12. Европейская интеграция [Текст] /под ред. О.В. Буториной. – М.: Деловая литература, 2011. – 720с.;

13. Balassa, B. The Theory of Economic Integration [Text] / B. Balassa. – L.: Routledge, 1961. – 299p.;

14. European Integration Theory [Text] /ed. by A. Wiener, Th. Diaz. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 295p.;

15. Mitrany, D. A Working Peace System [Electronic resource] / D. Mitrany. – Royal Institute of International Affairs, 1943. – 56p. – Access mode:

[https://ieie.itam.mx/Alumnos2008/A%20Working%20Peace%20System%20\(Mitran y\).pdf](https://ieie.itam.mx/Alumnos2008/A%20Working%20Peace%20System%20(Mitran%20y).pdf). – Screen title;

16. Deutsch, W. K. Political Community and the North Atlantic Area [Electronic resource] / W.K. Deutsch. - Princeton University Press, 1957. – 228p. – Access mode: https://www.lsu.edu/faculty/lray2/teaching/7971_1s2009/deutsch1957.pdf. – Screen title;

17. Rosamond, B. The Uniting of Europe and the Foundation of EU Studies: Revisiting the Neofunctionalism of Ernst B. Haas [Electronic resource] / B. Rosamond. // European and Public Policy. – 2005. – Vol.12. – 254p. – Access mode: https://wrap.warwick.ac.uk/1076/1/WRAP_Rosamond_9570885-150709-rosamond_jepp_05.pdf. – Screen title;

18. Lindberg, L. The Political Dynamics of European Integration [Text] / L. Lindberg. – Stanford University Press, 1963. – 367p.;

19. Moravcsik, A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach [Electronic resource] / A. Moravcsik. // Common Market Studies. – 1993. – Vol.31. - No.4. – 52p. – Access mode: https://eclass.ekdd.gr/esdda/modules/document/file.php/KZ_AEID_DEY104/%CE%86%CF%81%CE%B8%CF%81%CE%B1%20%26%20CE%94%CE%B7%CE%B9%CE%BF%CF%83%CE%B9%CE%B5%CF%8D%CF%83%CE%B5%CE%B9%CF%82/Power%20in%20the%20EU%20-%20Moravcsik.pdf. – Screen title;

20. Acharya, A. The Making of Southeast Asia: International Relations of a Region [Text] / A. Acharya. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. – 350p.;

21. Obydenkova, A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspectives & the Eurasian Enigma [Text] / A. Obydenkova, A. Libman. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 315p.;

22. Kaplan, M. System and Process in International Politics [Text] / M. Kaplan. – New-York: Wiley, 1957. – 283p.;

23. Waltz, K. Theory of International Politics [Text] / K. Waltz. – New-York: McGraw-Hill, 1979. – 251p.;
24. Cantori, L. The International Politics of Regions: A Comparative Approach [Text] / L. Cantori, L. Spiegel. – Eaglewood Cliffs, N.J.: Prentice HALL, 1970. – 432p.;
25. Thompson, W. The Regional Subsystem: A Conceptual Explication and a Propositional Inventory [Text] / W. Thompson // International Studies Quarterly, – 1973. – Vol.1. – P. 89-117.;
26. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis [Text] / B. Buzan, O. Waever, J. de Wilde. – Boulder, Colo: L. Rienner, 1998. – 239p.;
27. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security [Text] / B. Buzan, O. Waever. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 564p.;
28. Винокуров, Е.Ю. Евразийская континентальная интеграция [Текст] / Е.Ю. Винокуров, А.М. Либман. – СПб: Центр интеграционных исследований, 2012. – 224с.;
29. Евразийская экономическая интеграция: теория и практика [Текст] / под ред. С.Ю. Глазьева. – М.: Проспект, 2023. – 551с.
30. Putin's Grand Strategy: The Eurasian Economic Union and Its Discontents [Text] / ed. by S.F. Starr, S. Cornell. – Wash., D.C.: Central Asia – Caucasus Institute, 2014. – 203p.;
31. Чуфрин, Г.И. Роль ОДКБ в обеспечении коллективной безопасности [Электронный ресурс] / Г.И. Чуфрин // Федерализм, 2022. – Т.27. - №3. – С.77-88. – Режим доступа: <https://federalizm.rea.ru/jour/article/view/301/253>. – Загл. с экрана;
32. Никитина, Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности [Текст] / Ю.А.Никитина. – М.: Навона, 2009. – 200с.;
33. Лукин, А.В. Россия и ШОС [Текст] / Лукин А.В. // Аналитические записки НКСМИ. – М.: МГИМО(У) МИД России, 2007. – С.3-16;

34. Син, Гуанчэн. Шанхайская организация сотрудничества: приоритетные направления [Текст] / Гуанчэн Син // *Мировая экономика и международные отношения*, – 2002, – № 11. – С. 71-76.
35. Жуков, С.В. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира [Текст] / С.В. Жуков, Резникова О.Б. – М.: МОНФ, 2001. – 488с.
36. Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia [Text] / R. Allison // *Central Asian Survey*. – 2008. - N2. – P. 185-202;
37. Collins, K. Economic and Security Regionalism among Patrimonial Authoritarian Regimes: The Case of Central Asia [Text] / K. Collins. // *Europe – Asia Studies*, – 2009, - N2. – P. 249-281;
38. Tolipov, F. Micro-Geopolitics of Central Asia: A Uzbekistan Perspective [Text] / F. Tolipov // *Strategic Analysis*, – 2011, - N4. – P. 629-639;
39. Кушкумбаев, С.К. Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность [Текст] / С.К. Кушкумбаев. – Алматы: Казакстан, 2002. – 200с.;
40. Молдалиев, О. Современные вызовы безопасности Кыргызстана и Центральной Азии [Текст] / О. Молдадиев. – Б.: Фонд им. Фридриха Эберта, 2001. – 140с.;
41. Belokrenitsky, V. Russia and Greater Central Asia [Text] / V. Belokrenitsky // *Asian Survey*, – 1993, - N12. – P.1093-1108;
42. Богатуров, А.Д. Центрально-Восточная Азия в современной международной политике [Электронный ресурс] / А.Д. Богатуров. – М., 2005. – № 1. – С. 102–117. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralno-vostochnaya-aziya-v-sovremennoy-mezhdunarodnoy-politike>. – Загл. с экрана;
43. Белокреницкий, В.Я. Проблемы и перспективы формирования Центрально-азиатского макрорегиона [Текст] / В.Я. Белокреницкий // *Восток*, – 1993, – № 4. – С. 35-47;

44. Зотов, О.В. «Большая» Средняя Азия в геополитических реалиях XXI века [Текст] / О.В. Зотов // Восток, – 2005, – № 5. – С. 211-221;
45. Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России [Текст] / под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. – М.: Навона, 2005. – 456с.;
46. Security Politics in the Commonwealth of Independent States: The Southern Belt [Text] / ed. by M. Mozaffari. – L.: Macmillan, 1997. – 234p.;
47. Устав Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: Минск, 22 января 1993 г. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/180/ustav-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-g-minsk-22-anvara-1993-goda>. – Загл. с экрана;
48. Final Communique of the GUUAM Summit [Electronic resource]: Yalta, 6-7 June 2001. – Access mode: <https://guam-organization.org/en/final-communique-of-the-guam-summit-2001-yalta-in-russian/>. – Screen title;
49. Протокол об интеграции Организации «Центрально-Азиатское Сотрудничество» в Евразийское экономическое сообщество [Электронный ресурс]: Минск, 23 июня 2006 г. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P060000574>. – Загл. с экрана;
50. Евразийская экономическая комиссия. Сопряжение стратегии развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь». Аналитический доклад [Электронный ресурс]: 5 июля 2021 г. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/822/Doklad_Kitay_short_17.08.pdf. – Загл. с экрана;
51. Krasner, St. International Regimes [Text] / St. Krasner. – N.Y.: Cornell University Press, 1983. – 372p.;
52. Keohane, R. Power and Interdependence [Text] / R. Keohane, J. Nye. – Northbrook, IL.: Scott Foresman, 1989. – 315p.;
53. Аллисон, Г. Квинтэссенция решения: на примере Карибского кризиса 1962 года [Текст] / Г. Аллисон, Ф. Зеликов. – М.: УРСС, 2019. – 528с.;

54. Janis, I. Victims of Groupthink: A Psychological Study of Foreign-Policy Decisions and Fiascoes [Text] / I. Janis. – Boston, MA.: Houghton Mifflin, 1972. – 277p.;
55. Hill, Ch. The Changing Politics of Foreign Policy [Text] / Ch. Hill. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – 376p.;
56. Шутов, А.Д. Постсоветское пространство [Текст] / А.Д. Шутов. – М.: Научная книга, 1999. – 250с.;
57. Густов, В.А. Россия – СНГ: путь интеграции тернист, но заманчив [Текст] / В.А. Густов, В.Х. Манько. – СПб-М., 2002. – 325с.;
58. Тажин, М.М. О проекте Евразийского союза – Перспективы евразийской интеграции [Текст] / М.М. Тажин. – М., 1994. – 282с.;
59. Яскина, Г.С. Монголия: смена модели развития [Текст] / Г.С. Яскина. – М., 1994. – 321с.;
60. Аносова, Л.А. Вьетнам на пороге XX века [Текст] / Л.А. Аносова. – М.: Луч, 1993. – 315с.;
61. Кубышина, Г.А. Власть и преобразование государственной собственности в странах Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Монголия) [Текст] / Г.А. Кубышина. – М., 2000. - 482с.;
62. Румянцев, А.М. Экономические и политические реформы в странах Восточной Европы и Азии [Текст] / А.М.Румянцев. - М.: Наука, 1992. – 245с.;
63. Федоровский, А.Н. Республика Корея: опыт поставторитарной модернизации [Текст] / А.Н. Федоровский. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 39с.;
64. Россия и Китай: реформы и перспективы сотрудничества [Текст] / отв. ред. Е.П.Бажанов и В.Ф.Ли. – М., 1997. – 89с.;
65. Жильцов, С.С. Постсоветское пространство: тенденции развития [Текст] / С.С. Жильцов. – М., 2001. – 280с.;
66. Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье: интеграция и конфликты [Текст] / Институт востоковедения РАН. – М., 1995. – 304с.;
67. Winrow, G. Turkey in Post-Soviet Central Asia [Text] / G. Winrow. – L.: Royal Institute of International Affairs, 1995. – 52p.;

68. Khan, A. The Economic Treaties and Relations of the Central Asian Republics with Turkey, Iran and Pakistan [Text] / A. Khan. – Muenchen: Weltforum Verlag, 1998. – 120p.;
69. Белокреницкий, В.Я. Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье как современные геополитические регионы [Текст] / В.Я. Белокреницкий // Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье: интеграция и конфликты. – М., 1995. – 304с.;
70. Мирошников, Л.И. Геополитические и геостратегические регионы в Азии: географические границы, наименование и проблемы терминологии (Средняя Азия, Каспий и Закавказье) [Текст] / Л.И. Мирошников // Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье: интеграция и конфликты. – М., 1995. – С.52-60;
71. Задохин, А.Г. Евразия и Россия [Текст] / А.Г. Задохин. – М., 1997. – 292с.;
72. Ro'i, Yaacov. The Soviet and Russian context of the development of nationalism in Soviet Central Asia [Text] / Yaacov Ro'i // En Asie Central sovietique: Ethnies, nation, etats. – 1991. – P.123-141;
73. Ланда, Р. Г. Ислам в истории России [Текст] / Р.Г. Ланда // РАН. Ин-т востоковедения. – М.: Вост. Лит., 1995. – 312 с.;
74. Малашенко, А. Ислам в Центральноазиатском обществе: динамика воздействия [Текст] / А. Малашенко // Восток (Oriens), – 1996, – № 5. –С.29-35;
75. Александров, И.А. Новейшая история арабских стран Азии [Текст] / И. А. Александров, В. Л. Бодянский, А. М. Васильев и др. – М.: Наука, 1988. – 636 с.;
76. Ерасов, Б.С. Культура, религия, и цивилизации на Востоке [Текст] / Б.С. Ерасов. – М., 1990. – 208 с.;
77. Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока [Текст]: сборник статей. – М.: Наука, 1986. – 234 с.;
78. Малашенко, А. Мусульманский мир в СНГ [Текст] / А. Малашенко. – М., 1996 – 184 с.;

79. Трофимов, Д. Исламский фактор и проблемы внутренней стабильности в Центральной Азии (на примере Узбекистана) [Текст] / Д. Трофимов // Вестник МГУ, – сер.13 Востоковедение, – 1996. – № 2. – С.54-66;
80. Назарбаев, Н.А. Евразийское соглашение; идеи, практика, перспективы 1994-1997 гг. [Текст] / Н.А. Назарбаев. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – 479 с.;
81. Кажегельдин, А.М. «Евразийский союз»: теоретические дискуссии и практические шаги [Текст] / А.М. Кажегельдин // Внешняя политика Казахстана. – МИД РК. Алматы – Москва. – 1995. – 112-120 с.;
82. Токаев, К.-Ж. Дипломатия Республики Казахстан [Текст]: монография / К.-Ж. Токаев. – Астана: Елорда. 2001. – 552 с.;
83. Шутов, А.Д. На руинах великой державы. 1991-2003 годы [Текст] / А.Д. Шутов. – М.: Вече. – 2004. – 431с.;
84. Бурлацкий, Ф.М. Евразийский дом без Казахстана? [Текст] / Ф.М. Бурлацкий // Независимая газета. – 22 июля 1993 г.;
85. Ступишин, В.П. Моя миссия в Армению 1992-1994. Воспоминания первого посла России [Электронный ресурс] / В.П. Ступишин. – Режим доступа: <http://armenianhouse.org/stupishin/docs-ru/mission/contents.html>. – Загл. с экрана;
86. Zviagelskaia, I. The Russian Policy Debate on Central Asia [Text] / I. Zviagelskaia. – L: Royal Institute of International Affairs, 1995. – 41 p.;
87. Шахрай, С.М. Доклад на круглом столе ученых и политиков в Дипломатической академии МИД РФ 14 июня 1994 г. [Текст] / С.М. Шахрай. – М., 1994;
88. Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности Сторон [Электронный ресурс]: Ташкент,

21.04.2000. – Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3905. –

Загл. с экрана;

89. Облизина В.В. Интеграционные процессы в евразийском экономическом сообществе: институциональные основы и технологии реализации [Текст]: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / В.В. Облизина. – М., 2007 – 161с.

90. Шутов, А.Д. «Союз четырех» как оптимальный поиск [Текст] / А.Д.Шуто // Дипломатический ежегодник, – 2003. – М., 2004. – С.352;

91. Украина готовит дипломатический сюрприз для России [Электронный ресурс]: 22 августа 2005 г. – Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2005-08-22/5_ukrain.html - Загл. с экрана;

92. Солеймани, Афшар. Ассоциация ГУУАМ: основа формирования вызовов и будущей перспективы [Текст] / Афшар Солеймани. – Аму-Дарья. – 2004. – Осень-зима, – № 15.;

93. Киевская декларация о создании Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ [Электронный ресурс]: Киев, 23 мая 2006 г. – Режим доступа: <https://guam-organization.org/kievskaya-deklaratsiya-o-sozdanii-organizatsii-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam/>. – Загл. с экрана;

94. Концепция формирования Единого экономического пространства [Электронный ресурс]: Ялта, 19 сентября 2003 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/1716>. – Загл. с экрана;

95. Жеенбеков, Р.Б. Международные отношения в Центральной Азии: геополитические аспекты [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Р.Б. Жеенбеков. – М., 2004. – 193с.;

96. Исследования экономических систем на стадии трансформации. Статистика внешней торговли в СССР и государствах-преемниках [Текст] / под ред. М.В. Белкиндаса, О.В. Ивановой. – Всемирный банк. – Вашингтон, 1995;

97. Содружество Независимых Государств в 1998 г. [Текст] // Статкомитет СНГ. – М., 1999;

98. Штоль, В.В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации [Текст] / В.В. Штоль. – М.: Научная книга, 2003. – 176 с.;
99. Афолина, Е.А. От доктрины «Сдерживания» к Стратегии «Расширения»: американская внешняя помощь и «Вызовы новой эпохи» (1992-1994 годы) [Текст] / Е.А. Афолина // Известия Саратовского университета, – 2012. – Т. 12. – Сер. История. – Международные отношения, вып. 1. – С.72-76;
100. National Security Strategy for a New Century [Electronic resource] / The White House. – December, 1999. – Access mode: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/media/pdf/nssr-1299.pdf> . - Screen title;
101. Олбрайт, М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт [Текст] / М. Олбрайт / М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 668с.
102. Michal, Cox. The Clinton Presidency and Post-Soviet Russia [Text] / Cox Michal. // International Affairs. – Vol.70. - № 4. – 1994. – P.112-119;
103. Вершбоу, А. Выступления посла США в России на международной научной конференции [Текст] / А. Вершбоу. – 22 февраля 2002. – СПб., 2002;
104. Michael, Mandelbaum. The New Russian Foreign Policy [Text] / Mandelbaum Michael // The Council on Foreign Relations – N.Y., 1998. – P. 65-72;
105. Бжезинский, З. Великая шахматная доска [Текст] / З. Бжезинский. – М., 1998. – 256 с.;
106. Daly, J. Anatomy of a Crisis: US – Uzbekistan Relations 2001-2006 [Text] / J. Daly, K. Meppen, V. Socor, S.F. Starr. – Wash., D.C.: Central Asia- Caucasus Institute, 2006. – 110 p.;
107. Boucher, R. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities [Electronic resource] / R. Boucher. – Access mode: <https://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/rm/2006/65292.htm>. – Screen title;
108. Feigenbaum, E. Regional Economic Integration [Electronic resource] / E. Feigenbaum. – Access mode: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ei/speeches/2007/>. – Screen title;
109. Krol, G. Testimony before the Senate Committee on Foreign Relations, Subcommittee on Near Eastern and South and Central Asian Affairs [Electronic

resource] / G. Krol. – Access mode: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/KrolTestimony091215a1.pdf> . –

Screen title;

110. Blake, R. The Obama Administration’s Policy on South Asia [Electronic resource] / R. Blake. – Access mode: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/rls/rmks/2009/128753.htm>. – Screen title;

111. United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (overview) [Electronic resource] – Access mode: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/>. – Screen title;

112. National Security Strategy [Electronic resource]: October 2022 – Access mode: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> . – Screen title;

113. Симоновская, Л.В. История Китая [Текст] / Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. – М., 1974. – 534 с.;

114. Глунин, В.И. Новейшая история Китая [Текст] / В.И. Глунин. – М., 1972. – 436с.;

115. Астафьев, В.Г. Внешняя политика КНР [Текст] / В.Г. Астафьев. – М.: Международные отношения, 1971. – 191с.;

116. Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства [Текст] / А.Д. Воскресенский // Международные процессы. – 2004. – Т.2. – № 2. Май-август. – С.72-81;

117. Чжэньпэн, Лян. Китайская дипломатия в Центральной Азии в 1990-е годы [Электронный ресурс] / Лян Чжэньпэн // Социально-политические науки. – 2017. – № 1. – С.17-21. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-diplomatiya-v-tsentralnoy-azii-v-1990-e-gody> – Загл. с экрана

118. Кулматов, К.Н. Приоритеты внешней политики России и современные международные отношения [Текст] / К.Н. Кулматов. – М.: ДА МИД РФ, 2002. – 235 с.;

119. Бабаян, Д. К. «Гидрополитическое оружие». Китайская версия [Текст] / Д.К. Бабаян // Международные исследования, – 2003, - № 1. – январь-апрель. С. 208-209;
120. Pannier, B. Kazakhstan: China Discusses Future of Itrysh River [Text] / B. Pannier, E. Magauin. – RFE/RL/ Weekly Magazine. 1999. 28. 05;
121. Huasheng, Zhao. Central Asia in China's Diplomacy [Text] / Zhao Huasheng, E. Rumer, D. Trenin // Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing. – Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2007. – P. 137-212;
122. Договор о партнерских отношениях дружбы и сотрудничества между КНР и Республикой Узбекистан [Электронный ресурс]: 25 мая 2005 г. – Режим доступа: <https://lex.uz/uz/docs/2059800>. – Загл. с экрана;
123. International Monetary Fund. Direction of Trade Statistics Yearbook [Text]. – Wash., D.C.: IMF, 2008. – 804 p.;
124. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете [Электронный ресурс]: Астана, 16 сентября 2013 г. – Режим доступа: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm . – Загл. с экрана;
125. China's Belt and Road: A Game Changer? [Text] / ed. by A. Amighini. – Milan: The Italian Institute for International Political Studies, 2017. – 151 p.;
126. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века [Электронный ресурс]: 28 марта 2015 г. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html. – Загл. с экрана;
127. Китай намерен поддерживать Казахстан в защите независимости и суверенитета [Электронный ресурс]: Нур-Султан, 14 сентября 2022г. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15749097>. – Загл. с экрана;
128. Кто выиграет от строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан [Электронный ресурс]: 26 октября 2023 г. – Режим доступа: <https://anhor.uz/vzglyad-iznutri/china-kg-uz/>. – Загл. с экрана;

129. Как Китай обгоняет Россию в торговле в Центральной Азии [Электронный ресурс]: 28 мая 2023 г. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2023/646e43449a794715028aa655>. – Загл. с экрана;

130. Троицкий, М. А. Европейский союз в мировой политике [Текст] / М.А. Троицкий // Международные процессы, – 2004. – № 2. – С.43-58;

131. XXI век: Европейский Союз и Содружество Независимых Государств [Текст] / отв. ред. Ю. А. Борко. – Рос. АН, Институт Европы. – М., 1998. – 325 с.;

132. Communication from the European Commission to the Council and the European Parliament – Wider European – Neighborhood: A new Framework for Relations with Our Eastern and Southern neighbors [Electronic resource]: Brussels, 3 December 2003. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex%3A52003DC0104>. – Screen title;

133. European Council. The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership [Electronic resource]: Brussels, 31 May 2007. – Access mode: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%2010113%202007%20INIT/EN/pdf>. – Screen title;

134. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership [Electronic resource]: Brussels, 15 May 2019. – Access mode: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf. – Screen title;

135. Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia [Electronic resource]: Luxembourg, 23 October 2023. – Access mode: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14587-2023-INIT/en/pdf?utm_source=dsms-auto&utm_medium=email&utm_campaign=Joint+Communiqu%C3%A9+of+the+19th+European+Union-

Screen title;

136. Turkish Delights: Central Asia [Text]. – Economist. – 1995. 17. 06. – Vol.335. - № 7919;

137. Yilmaz, Bingol. Revisiting Turkish Language Policy in Light of the Actor's Norms and Identity Model [Text] / Bingol Yilmaz. – Indiana University, 2002 – 418 p.;

138. Нахичеванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств [Электронный ресурс]: Нахичевань, 3 октября 2009 г. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30486433. – Загл. с экрана;

139. Страны ОТГ создали Тюркский инвестфонд с капиталом в 500 млн. долл., доля Узбекистана – 100 млн. долл. [Электронный ресурс]: 17 марта 2023 г. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/17/fund/>. – Загл. с экрана;

140. Иран и ЕАЭС создают полноформатную зону свободно торговли [Электронный ресурс]: 25 декабря 2023 г. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-iran-sozdayut-polnoformatnuyu-zonu-svobodnoy-torgovli/>. – Загл. с экрана;

141. Максименко, В. Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства [Текст] / В. Максименко // Центральная Азия и Кавказ, – 2000, – № 3. – С.32;

142. Хесс, М. Центральная Азия: возвращение к идеям Маккиндера? [Текст] / М. Хесс // Взаимосвязи. Ежеквартальный журнал, – 2004, – № 1. – С. 113-127;

143. Россия - СНГ: нуждается ли в корректировке позиция Запада? [Текст] / Служба внешней разведки Российской Федерации. – М., 1995. – 23 с.;

144. Шоберлайн-Энгех, Д. Перспективы становления национального самосознания узбеков [Текст] / Д. Шоберлайн-Энгех // Восток, – 1997, – № 3. – С. 53;

145. НАТО. Справочник. Брюссель. 1998-1999 [Текст]. – Брюссель, 1998-1999. – 408 с.;
146. Фуше, М. Европейская республика: Исторические и географические контуры [Текст] / М. Фуше. – М., 1999. – 168 с.;
147. Aben, D. Kyrgyzstan – NATO cooperation: constrictive but limited [Electronic resource]: / D. Aben // Eurasian Research Institute . – 2018 – N153. – Access mode: <https://eurasian-research.org/wp-content/uploads/2020/08/Weekly-e-bulletin-27.02.2018-05.03.2018-No-153.pdf> – Screen title;
148. Вооруженные силы Республики Туркменистан [Электронный ресурс]: 11.07.03 г. – Режим доступа: <https://forums.airbase.ru/2014/03/t26719--vs-turkmenistana.html> – Загл. с экрана;
149. НАТО и Узбекистан [Электронный ресурс]: 17 декабря 1997 г. – Режим доступа: <https://xn--80azep.xn--p1ai/ru/uzbekistan.html> – Загл. с экрана;
150. Шаймергенов, Т. Перспективы реализации центральноазиатской стратегии НАТО: роль Казахстана [Электронный ресурс] / Т. Шаймергенов // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2008. - № 2, – С. 71-83. – Режим доступа: <file:///D:/Users/Administrator.CLASS-7/Downloads/perspektivy-realizatsii-tsentralnoaziatskoy-strategii-nato-rol-kazahstana.pdf> – Загл. с экрана;
151. Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан о статусе военнослужащих Центральноазиатского батальона под эгидой ООН [Электронный ресурс]: 24 июля 1997 г. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8582 – Загл. с экрана;
152. Страны Центральной Азии. Обзор [Текст] – М.: ИМЭМО, 1999. – Январь. – С. 2-3.;
153. Рудов, Г.А. Нам суждено жить вечно в дружбе [Текст] / Г.А. Рудов . – М., 2002. – 385 с.;
154. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев выступил на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]: Нью-Йорк, 19 сентября 2017 – Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/1063>. – Загл. с экрана;

155. Туркменистан готовится к третьей консультативной встрече глав государств Центральной Азии [Электронный ресурс]: 22 июня 2021 г. – Режим доступа: <https://kazpravda.kz/n/turkmenistan-gotovitsya-k-trethey-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-tsentralnoy-azii/> . – Загл. с экрана;

156. О чем говорили лидеры стран Центральной Азии [Электронный ресурс]: 30 ноября 2019 г. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/11/30/ca-partnership/> – Загл. с экрана;

157. На пути к устойчивому региональному развитию [Электронный ресурс]: 29 ноября 2019 г. – Режим доступа: <https://president.uz/ru/3105>. – Загл. с экрана;

158. Вторая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии [Электронный ресурс]: Ташкент: ГИЦ МКВК, 2019. – 51 с. Режим доступа: <http://www.cawater-info.net/library/rus/2-consult-meeting-2019.pdf>. – Загл. с экрана;

159. Президент Узбекистана выступил на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии [Электронный ресурс]: 6 августа 2021 г. – Режим доступа: <http://www.uzdaily.com/ru/post/62767>. – Загл. с экрана;

160. Выступление президента К.К. Токаева на Четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии [Электронный ресурс]: Чолпон-Ата, 21 июля 2022 г. – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-na-iv-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-2163148>. – Загл. с экрана;

161. Выступление президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиеева на Четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии [Электронный ресурс]: Чолпон-Ата, 21 июля 2022 г. – Режим доступа: <http://www.uzembassy.kz/ru/article/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirzиеeva-na-chetvertoy-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii> . – Загл. с экрана;

162. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке [Электронный ресурс]: Чолпон-Ата, 21 июля 2022 г. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/07/21/glavy-gosudarstv-centralnoj-azii->

podpisali-dogovor-o-druzhbe-dobrososedstve-i-sotrudnichestve.html. – Загл. с экрана;

163. Выступление президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Пятой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии [Электронный ресурс]: Душанбе, 14 сентября 2023 г. – Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/6658>. – Загл. с экрана;

164. В Душанбе прошла Пятая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии [Электронный ресурс]: Душанбе, 14 сентября 2023 г. – Режим доступа: https://cis.minsk.by/news/26058/v_dushanbe_proshla_pjataja_konsultativnaja_vstrec_ha_glav_gosudarstv_centralnoj_azii. – Загл. с экрана;

165. Таможенный союз стран ЕврАзЭС [Текст]: комментарий в документах. – М.: Экономика, 2001. – 485 с.;

166. Приоритетные направления развития ЕврАзЭС на 2003-2006 гг. [Текст] // Информационный бюллетень ЕврАзЭС, – 2003., – № 5. – С. 102-107.;

167. Выступление В.В. Путина на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС [Электронный ресурс]: Душанбе, 27 апреля 2003 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/28553>. – Загл. с экрана;

168. История экономической интеграции евразийских государств. Досье [Электронный ресурс]: 28 мая 2014 г. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/1222521>. – Загл. с экрана;

169. Выступление В.В. Путина в Государственной Думе [Электронный ресурс]: – 11 апреля 2012 г. – Режим доступа: <https://www.rg.ru/2012/04/11/putin-duma.html>. – Загл. с экрана;

170. План действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации на 2010-2011 годы [Электронный ресурс]: неформальный саммит в Алматы президентов Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, декабрь 2009 г. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902239605?marker=6540IN>. – Загл. с экрана;

171. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии [Электронный ресурс]: // Известия. 3 октября 2011 г. – Режим доступа: <https://komitet.info/eurasian-integration/eurasia-project-history/338/>. – Загл. с экрана;

172. Антикризисный фонд ЕврАзЭС [Электронный ресурс]: 23-е заседание Межгосударственного совета ЕврАзЭС на уровне глав правительств и встреча в рамках Высшего органа Таможенного союза, Москва, 9 июня 2009 г. – Режим доступа: <http://www.evrazes.com/mezhgossovet/measure/12>. – Загл. с экрана;

173. Соглашение об учреждении Евразийского банка развития [Электронный ресурс]: Астана, 12 января 2006 г. – Режим доступа: <https://eabr.org/upload/iblock/893/soglashenie-ob-uchrejdennii-banka.pdf> – Загл. с экрана;

174. Антикризисный фонд ЕврАзЭС переименован в Евразийский фонд стабилизации и развития [Электронный ресурс]: 19 июня 2015 г. – Режим доступа: <https://efsd.org/press-center/news/antikrizisnyy-fond-evrazes-pereimenovan-v-evraziyskiy-fond-stabilizatsii-i-razvitiya/>. – Загл. с экрана;

175. Договор о зоне свободной торговли [Электронный ресурс]: Санкт-Петербург, 18 октября 2011 г. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121497/. – Загл. с экрана;

176. Kazakhstan Battles for More Independence in Eurasian Economic Union Treaty [Electronic resource]: May 24, 2014. – Access mode: https://en.tengrinews.kz/politics_sub/kazakhstan-battles-for-more-independence-in-eurasian-253769/. – Screen title;

177. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: Астана, 29 мая 2014 г. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. – Загл. с экрана;

178. Назарбаев не против ассоциации Украины с ЕС [Электронный ресурс]: 26 августа 2014 г. – Режим доступа: <https://focus.ua/politics/313942>. – Загл. с экрана;

179. К вступлению в ЕАЭС готовы только 2 % производителей [Электронный ресурс]: 25 февраля 2015 г. – Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/26868147.html>. – Загл. с экрана;

180. В рамках ВТО Казахстан откажется от льгот [Электронный ресурс]: 3 июля 2015 г. – Режим доступа: <https://kapital.kz/economic/41712/v-ramkakh-vto-kazakhstan-otkazhetsya-ot-l-got.html>. – Загл. с экрана;

181. В ЕАЭС утвержден перечень приоритетных направлений в сфере услуг для последующей либерализации [Электронный ресурс]: 9 декабря 2022 г. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-utverzhdn-perechen-prioritetnykh-napravleniy-v-sfere-uslug-dlya-posleduyushchey-liberalizats/> . – Загл. с экрана;

182. Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов ЕАЭС [Электронный ресурс]: Санкт-Петербург, 20 декабря 2019 года – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/12-01-2021-01/>. – Загл. с экрана;

183. Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: Ереван, 1 октября 2019 г. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ddd/Kontseptsiya-OFR.pdf>. – Загл. с экрана;

184. Общий рынок труда ЕАЭС сформировался более чем на 70 % [Электронный ресурс]: 1 декабря 2023 г. – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/568/114052/>. – Загл. с экрана;

185. Правила взаимной торговли электрической энергией на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС [Электронный ресурс]: Решение Евразийского межправительственного совета от 26.10.2023 № 5 – Режим доступа: <https://www.alt.ru/tamdoc/23ms0005/> – Загл. с экрана;

186. В ЕЭК заявили о высокой степени готовности договоров об общих рынках нефти, газа и нефтепродуктов ЕАЭС [Электронный ресурс]: 6 июля 2023 г. – Режим доступа: https://www.alt.ru/ts_news/101961/. – Загл. с экрана;

187. Положение об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их

реализации государствами-членами ЕАЭС [Электронный ресурс]: Решение Евразийского межправительственного совета от 26 октября 2023 N 3. – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461396/290002c4191cb9c722a4fab4a7a69b8c653c46d4/. – Загл. с экрана;

188. Главы государств ЕАЭС подписали Декларацию о дальнейшем развитии экономических процессов «Евразийский экономический путь» [Электронный ресурс]: Санкт-Петербург, 23 декабря 2023 г. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/glavy-gosudarstv-eaes-podpisali-deklaratsiyu-o-dalneyshem-razviti-ekonomicheskikh-protsessov-evrazi/>. – Загл. с экрана;

189. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны [Электронный ресурс]: Астана, 17 мая 2018 г. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/21b/Tekst-russkiy-EAEU-alternate-final.pdf>. – Загл. с экрана;

190. О российской инициативе Большого Евразийского партнерства [Электронный ресурс]: 15 июня 2023 г. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/. – Загл. с экрана;

191. Торговые соглашения Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/>. – Загл. с экрана;

192. Россия надеется, что Таджикистан поймет выгоды ЕАЭС, заявил Лавров [Электронный ресурс]: 5 мая 2023 г. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230605/eaes-1876335417.html>. – Загл. с экрана;

193. Соглашение о свободной торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций [Электронный ресурс]: Сочи, 8 июня 2023 г. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/407425300/>. – Загл. с экрана;

194. Гаджиев, К.С. Геополитика [Текст] / К.С. Гаджиев. – М.: Международные отношения, 1997. – 376 с.;
195. Рукшин, А. Вооруженные силы РФ в условиях новых вызовов и угроз [Текст] / А. Рукшин // Ядерный контроль, – № 2 (76), Том 11. – С. 15-21;
196. Лямзин, А. Договор о коллективной безопасности СНГ: эволюция и перспективы [Электронный ресурс] / А. Лямзин // Мульти-медиа журнал «Проект Ахей». – 25 апреля 2004 г. – Режим доступа: http://mmj.ru/newest_history.html?&article=71&cHash=32b979b589. – Загл. с экрана;
197. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003. [Текст] / под ред. А.Д. Богатурова. – Том 3. События 1945-2003. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. – 709 с.
198. Гогитидзе, В. Центральноеазиатские государства – новые игроки на международной арене [Текст] / В. Гогитидзе // Обозреватель, – № 12 (179) – 2004. – С. 120-131
199. Договор о коллективной безопасности. СНГ от 15 мая 1992 г. [Электронный ресурс]: Ташкент, 15 мая 1992. – Режим доступа: <http://www.dkb.gov.ru/start/index.htm>. – Загл. с экрана;
200. Токтомушев, А. Центральная Азия: коллективные усилия государств в противодействии угрозе международного терроризма [Текст] / А. Токтомушев // Ядерный контроль, – № 2, (76), Том 11. – С.83-90;
201. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 12 июля 2008 г. N Пр-1440 – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85021/. – Загл. с экрана;
202. Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]: Москва, 14 июня 2009 г. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902272592>. – Загл. с экрана;

203. Устав Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]: от 7 октября 2002 г. (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав ОДКБ, подписанным 10 декабря 2010 г., Вторым протоколом о внесении изменений в Устав ОДКБ от 7 октября 2002 г., подписанным 8 ноября 2018 г., Третьим протоколом о внесении изменений в Устав ОДКБ от 7 октября 2002 г., подписанным 8 ноября 2018 г.).

– Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded. – Загл. с экрана;

204. Ереван проигнорировал саммит ОДКБ в Минске: что дальше? [Электронный ресурс]: 22 марта 2023 г. – Режим доступа: <https://az.sputniknews.ru/20231123/erevan-proignoriroval-sammit-odkb-v-minske-cto-dalshe-460823061.html>. – Загл. с экрана;

205. Перечень организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах-членах ОДКБ [Электронный ресурс]: Решение Комитета секретарей СовБез ОДКБ. – Ереван, 8 июня 2016 года. – Режим доступа: https://antiterror.odkb-csto.org/terror_orgs/. – Загл. с экрана;

206. Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств-членов ОДКБ [Электронный ресурс]: создан решением Совета коллективной безопасности ОДКБ 23 июня 2005 г. – Режим доступа: <https://ksopn.odkb-csto.org/>. – Загл. с экрана;

207. Скорый, Р. Основные направления иммиграционной политики Евросоюза (проблемы и перспективы) [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Р. Скорый. – М., 2006. – 238 с.

208. В Казахстане прошли первые учения Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ [Электронный ресурс]: 16 октября 2009 г. – Режим доступа:

https://www.1tv.ru/news/2009-10-16/160760-v_kazahstane_proshli_pervye_ucheniya_kollektivnyh_sil_operativnogo_reagirovaniya_odkb – Загл. с экрана;

209. Военные учения в рамках ОДКБ. История и современность [Электронный ресурс]: 1 сентября 2023 г. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/18635321>. – Загл. с экрана;

210. Россия и Центральная Азия – вопросы сотрудничества и безопасности [Текст]: // Материалы международной конференции 23 октября 2003 г. – М.: Научная книга, Дипломатическая академия МИД России, 2004. – 254 с.

211. Представители оборонных ведомств государств-членов ОДКБ обсудили вопросы совершенствования системы совместной подготовки военных кадров [Электронный ресурс]: 13 июля 2022 г. – Режим доступа: https://www.odkb-csto.org/news/news_odkb/predstaviteli-oboronnykh-vedomstv-gosudarstv-chlenov-odkb-obsudili-voprosy-sovershenstvovaniya-siste/#loaded – Загл. с экрана;

212. Сидоров, А. Два десятилетия в едином боевом строю [Электронный ресурс] / А.Сидоров // Армейский сборник, – №4, – 2023. – С.212. – Режим доступа: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/483206/>. – Загл. с экрана;

213. Стент, А. Америка и Россия: партнерство после Ирака? [Текст] / А. Стент // За и против, – Весна – 2003, Том 8, – № 2. – С.170-180

214. Меморандум о сотрудничестве между Исполнительным Комитетом СНГ и Секретариатом ОДКБ [Электронный ресурс]: Москва, 14 декабря 2010 г. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/15340>. – Загл. с экрана;

215. Меморандум о сотрудничестве между Секретариатом ОДКБ и Антитеррористическим центром государств-участников СНГ [Электронный ресурс]: Москва, 8 января 2024 г. – Режим доступа: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/cis/memorandum-o-sotrudnichestve-mezhdu-sekretariatom-odkb-i-atts-sng/#loaded. – Загл. с экрана;

216. Бордюжа, Н. Организация Договора о коллективной безопасности [Текст] Н. Бордюжа // Международная жизнь, – 2005, – № 2. – С. 72-82;

217. Между ОДКБ и ШОС подписан Меморандум о взаимопонимании [Электронный ресурс]: Душанбе, 5 октября 2007 г. – Режим доступа: <https://посткомсг.пф/news/bezopasnost/173500/>. – Загл. с экрана;

218. Протокол о сотрудничестве между Секретариатом ОДКБ и РАТС ШОС [Электронный ресурс]: Астана, 14 июня 2011 г. – Режим доступа: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/sco/protokol-o-sotrudnichestve-mezhdu-sekretariatom-odkb-rats-shos-i-atts-sng/#loaded. – Загл. с экрана;

219. Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия между РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариатом ОДКБ [Электронный ресурс]: Москва, 28 мая 2018 г. – Режим доступа: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/RATS%20SHOS-ATC%20SNG-CSTO/memorandum/#loaded. – Загл. с экрана;

220. Состоялось подписание Совместной позиции РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариата ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму [Электронный ресурс]: Москва, 16 февраля 2022 г. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/sostoyalos-podpisanie-sovmestnoy-pozitsii-rats-shos-atts-sng-i-sekretariata-odkb-po-voprosam-protivo/#loaded. – Загл. с экрана;

221. Салахитдинов, Э. Китайский фактор в Центральноазиатском регионе [Текст] / Э. Салахитдинов // Материалы 6-й науч.-практ. конф. молодых ученых ДА МИД РФ «Актуальные проблемы международных отношений в начале XXI в.». – М.: ДАМИД РФ, 2003.- С.123-128;

222. Султанов, Б.К. Шанхайская организация сотрудничества: сборник документов [Текст] / Б.К. Султанов. – Алматы: Центр внешней политики и анализа, 2001. – 69 с.;

223. Трофимов, Д. Шанхайский процесс – от «пятерки» к «организации сотрудничества»: итоги 1990-х проблемы и перспективы развития [Текст] / Д. Трофимов // Центральная Азия и Кавказ, – 2002, – №2. – С.17-25;

224. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]: Шанхай, 15 июня 2001 г. – Режим доступа: <https://sco-russia2020.ru/images/17/25/172524.pdf> . – Загл. с экрана;

225. Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]: 7 июня 2002 года в Санкт-Петербурге. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450>. – Загл. с экрана;

226. ШОС в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом [Текст]: // Центральная Азия и Кавказ, – 2002, – № 2(20). – С. 14.;

227. Коэн, А. Что делать с растущим влиянием Шанхайской организации сотрудничества? [Электронный ресурс] / А. Коэн. – 22 сентября 2006 г. – Режим доступа: <https://russian.eurasianet.org/node/55748>. – Загл. с экрана;

228. Протокол Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан о создании Контактной группы ШОС – Афганистан [Электронный ресурс]: Пекин, 4 ноября 2005 г. – Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=95>. – Загл. с экрана;

229. Совместное коммюнике по итогам заседания Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]: Екатеринбург, 16 июня 2009 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/65>. – Загл. с экрана;

230. Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества [Электронный ресурс]: Ташкент, 11 июня 2010 г. – Режим доступа: https://bcscsco.ru/files/docs/polozhenie_o_poryadke_priema_novyh_chlenov_v_shanhajskuyu_organizaciyu_sotrudnichestva.pdf. – Загл. с экрана;

231. Белоруссия ратифицировала меморандум о вступлении в ШОС [Электронный ресурс]: 29 ноября 2023 г. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19405245>. – Загл. с экрана;

232. Бахрейн, Мальдивы, Кувейт, ОАЭ и Мьянма получают статус партнеров по ШОС [Электронный ресурс]: Самарканд, 16 сентября 2022 г. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220916/shos-1817179378.html>. – Загл. с экрана;

233. Нью-Делийская Декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]: Нью-Дели, 4 июля 2023 г. – Режим доступа: <https://rus.sectSCO.org/documents/>. – Загл. с экрана;
234. Макдермотт, Р. Российская программа обеспечения безопасности в Центральной Азии [Текст] / Р. Макдермотт // Центральная Азия и Кавказ, – 2002, – №2. – С. 20-31;
235. Син, Г. Шанхайская Организация сотрудничества: приоритетные направления [Текст] / Г. Син. // Мировая экономика и международные отношения, – 2002, – № 11. – С.71-76;
236. В Афганистане открыли первый участок канала Кош-Тепа на границе с Узбекистаном [Электронный ресурс]: 12 октября 2023 г. – Режим доступа: <https://fergana.agency/news/131657/>. – Загл. с экрана;
237. Россия и Китай в ШОС [Текст]: // Мировая экономика и международные отношения: журнал / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: МЭМО, – 2004, – № 3. – С.21-37
238. Лукин, А.В. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? [Электронный ресурс] / А.В. Лукин // Россия в глобальной политике. – 23 июня 2007 г. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/shanhajskaya-organizacziya-sotrudnichestva-что-dalshe/>. – Загл. с экрана;
239. Шанхайская организация сотрудничества создала энергоклуб [Электронный ресурс]: декабрь 2023 г. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2013/12/06/energy/>. – Загл. с экрана;
240. Лукин, А.В. ШОС: итоги российского председательства [Электронный ресурс] / А.В. Лукин. -16 октября 2009 г. – Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/experts/123674/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. – Загл. с экрана;

241. Премьеры ШОС приняли программу торгово-экономического сотрудничества до 2035 года [Электронный ресурс]: Ташкент, 2 ноября 2019 г. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/7073753>. – Загл. с экрана;

242. Декларация глав государств-членов ШОС [Электронный ресурс]: Астана, 5 июля 2005 г. – Режим доступа: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/jbwzlm/sgxw/200507/t20050706_3151909.htm. – Загл. с экрана;

243. Концепции сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]: Астана, 5 июля 2005 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3667>. – Загл. с экрана;

244. Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]: Шанхай, 15 июня 2006 г. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1679413/. – Загл. с экрана;

245. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС [Электронный ресурс]: Бишкек, 16 августа 2007 г. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30334282. – Загл. с экрана;

246. Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений государствами-членами ШОС [Электронный ресурс]: Душанбе, 28 августа 2008 г. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/499067462>. – Загл. с экрана;

247. De Haas, M. The “Peace Mission 2007” Exercise: The Shanghai Cooperation Organization Advances [Electronic resource] / M. De Haas. Defence Academy of the UK, 2007. – P.21. – Access mode: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20070900_cscp_paper_haas.pdf. – Screen title;

248. Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию / материалы 3-го заседания Форума ШОС [Электронный

ресурс]: Пекин, 19-21 мая 2008 г. – Режим доступа: https://mgimo.ru/files/37535/kb-05_shos-Lukin.pdf. – Загл. с экрана;

249. Самаркандская декларация совета глав государств-членов ШОС [Электронный ресурс]: Самарканд, 16 сентября 2022 г. – Режим доступа: <https://rus.sectesco.org/documents/>. – Загл. с экрана;

250. По итогам Самаркандского саммита подписан солидный пакет документов [Электронный ресурс]: Самарканд, 16 сентября 2022 г. – Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/5544>. – Загл. с экрана;

251. Заявление Совета глав государств-членов ШОС по сотрудничеству в области цифровой трансформации [Электронный ресурс]: Нью-Дели, 4 июля 2023 г. – Режим доступа: <https://rus.sectesco.org/documents/>. – Загл. с экрана;

252. Совместное коммюнике по итогам двадцать второго заседания Совета глав правительств государств-членов ШОС [Электронный ресурс]: Бишкек, 26 октября 2023 г. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202310/t20231027_11169680.html. – Загл. с экрана.